

History Lessons of the 20th Century: “Our Neighbours” and “Us” (Turkey and the South Caucasus)

Уроки Истории XX века: «Мы» и «Наши Соседи» (Турция и Южный Кавказ)

Content

Foreword (<i>in English</i>).....	3
Foreword (<i>in Russian</i>)	4
Sergey Rumyantsev. Introduction. "History Lessons" in the Year of "Anniversary" (<i>in English</i>).....	6
Sergey Rumyantsev. Introduction. "History Lessons" in the Year of "Anniversary" (<i>in Russian</i>).....	14
Part 1. Beginning of the 20th Century: “Recent” Past	233
Ilham Abbasov. Azerbaijan from 1918-1920s: Experience of Deconstruction of the Myths about “Eternal Friendship” and “Bitter Enmity” (<i>in Russian</i>).....	244
Satenik Mkrtchyan. The Republic of Armenia’s Neighbours at the Late 19 th and Early 20 th Centuries in Contemporary World History Textbooks (<i>in English</i>)	47
Nino Chikovani. The Images of <i>Self</i> and <i>Neighbours</i> in Georgian History Textbooks: Representation of the Events of the Beginning of the 20 th Century in the Post-Soviet Period (<i>in Russian</i>).....	6611
Ceyhan Suvvari. The Effect of Religious Identity on the Construction of Otherness: Perception Of Armenian Identity in the Turkish Education System (<i>in English</i>). 882	
Part 2. The End of the 20th Century: Searching for New Interpretations	100
Sevil Huseynova. Azerbaijan in the Late 20 th – Early 21 st Centuries: Ethnic Boundaries in the Context of Relations with “Neighbours” (<i>in Russian</i>).....	101
Mikael Zolyan. Writing the History of Present: The Post-Soviet Period in Armenian History Textbooks (<i>in English</i>).....	123
Ruslan Baramidze. April 9, 1989 as a Site of Memory: The Policy of Commemoration and History Teaching in Georgia (<i>in Russian</i>).....	142
Elif Kanca. The “Single Nation, Two States” Idea: Turkey-Azerbaijan Relations in the Post-Soviet Period (<i>in English</i>)	161
List of Contributors (<i>in English</i>).....	172
List of Contributors (<i>in Russian</i>).....	173

Foreword

Considering the idea of the regional cooperation among countries of South Caucasus (Armenia, Azerbaijan, and Georgia) and possible rapprochement in Turkish-Armenian relations, the future dialogue among the societies of these countries becomes more and more important.

The publication – “History Lessons of the 20th Century: “Our Neighbours” and “Us” introduced by South Caucasus Regional Office of the Heinrich Boell Foundation, is the collection of scientific articles prepared by authors from Armenia, Azerbaijan, Georgia, and Turkey presenting the research and analytical materials on the key issues regarding history lessons in South Caucasus and Turkey. The analyses of the educational systems of these countries, in particular the textbooks on national and international histories in the context of collective memory, will contribute to the future discussions on the quality, aims and ideological content of the history courses in the South Caucasus and Turkey.

Since 2006, the South Caucasus Regional Office of the Heinrich Boell Foundation promotes dialogue between the societies of Armenia, Azerbaijan, Georgia and Turkey. As a result of the various activities of many actors in the civil society and scientific community in Turkey and South Caucasus, we can observe rising interest in mutual understanding and exchange. To further support the process, the South Caucasus Regional Office of the Heinrich Boell Foundation and the Heinrich Boell Foundation Turkey decided to establish Ani Dialogue – a forum for further exchange on areas of common interest between civil societies in Turkey and Armenia and thereby providing further possibilities.

The aim of the Ani Dialogue is to foster rapprochement between the civil societies of Turkey and Armenia, thus also contributing to reconciliation and normalization of mutual ties on the state level. To achieve this, the Ani Dialogue, on the one hand, encourages endeavors of the societies of Armenia and Turkey to cope with the burden of historical legacies, and on the other hand, promotes efforts contributing to the sustainable democratic development of both countries. The Ani Dialogue aims for a synergy with other civil society initiatives in this field.

In October 2009, supported by the US government, the foreign ministries of both countries have signed a historic accord normalizing relations after a century of hostility. However, ratification of the bilateral Protocols, indicating the establishment of diplomatic relations and agreeing on the opening of borders, has stalled in 2010 and the improvement in relations between the Turkish and Armenian governments has come to a standstill.

Meanwhile, the two societies are increasingly interested in knowing about each other, starting to open mental borders and establishing ties. In Turkey, we can observe an increasing activity of civil society actors to cope with the historical burden as well as to search for possibilities to build a common future with the society of Armenia. The contacts on civil society level have begun even prior to the official rapprochement and have continued after its suspension. This process has become a ground for the idea to establish the Ani Dialogue by the Heinrich Boell Foundation and thus further support the cooperation between the two societies. The Ani Dialogue is built on this interest in mutual understanding, exchange and co-operation of the societies.

This publication presents one more contribution and effort of the South Caucasus Regional Office of the Heinrich Boell Foundation to continue supporting the process of understanding, experience-sharing and establishment of mutual ties in the South Caucasus and Turkey.

Nino Lejava
Director
South Caucasus Regional Office
of the Heinrich Boell Foundation

Khatuna Samnidze
Project Coordinator
South Caucasus Regional Office
of the Heinrich Boell Foundation

Предисловие

Принимая во внимание важность идеи регионального сотрудничества между странами Южного Кавказа (Азербайджана, Армении и Грузии) и возможного возобновления отношений между Турцией и Арменией, диалог между обществами этих стран становится все более и более важным.

Южнокавказское региональное бюро Фонда им. Генриха Бёлля представляет читателям публикацию «Уроки истории 20-го века: "Мы" и "Наши соседи"», в которую вошли научные статьи, подготовленные авторами из Азербайджана, Армении, Грузии и Турции и представляющие исследовательские и аналитические материалы по ключевым вопросам, касающимся уроков истории на Южном Кавказе и Турции. Анализ образовательных систем этих стран, в частности учебников по национальной истории и истории мира в контексте коллективной памяти, внесет свой вклад в будущие дискуссии по качеству, целям и идеологическому содержанию курсов истории в южнокавказском регионе и Турции.

С 2006 года Фонд им. Генриха Бёлля поддерживает диалог между обществами Азербайджана, Армении, Грузии и Турции. Результатом деятельности представителей гражданского и научного сообществ этих стран можно наблюдать в растущем интересе во взаимном сотрудничестве и обмене этих обществ. Для дальнейшей поддержки этого процесса южнокавказское региональное бюро Фонда им. Генриха Бёлля и Фонд им. Генриха Бёлля в Турции решили основать «Ани Диалог» как форум для дальнейшего обмена в сфере общих интересов и, таким образом, обеспечить дальнейшую возможность установления долгосрочных контактов и взаимной поддержки гражданских обществ Армении и Турции.

Целью «Ани Диалога» является способствование восстановлению взаимоотношений между гражданскими обществами Турции и Армении и, соответственно, сближению и нормализации взаимоотношений на государственном уровне. Для достижения этой цели «Ани Диалог», с одной стороны, поощряет инициативу Армении и Турции направленную на примирение с историческим наследием, и, с другой стороны, содействует осуществлению мероприятий, направленных на последовательное демократическое развитие обеих стран. «Ани Диалог» стремится к совместной деятельности с другими инициативами представителей гражданского общества, работающими в этой сфере.

В октябре 2009 года, после столетней вражды, министерства иностранных дел двух стран при поддержке правительства США подписали историческое соглашение способствующее нормализации отношений. Однако, в 2010 году ратификация протокольного соглашения, подразумевающего восстановление дипломатических отношений и открытие границ, была приостановлена, и процесс улучшения взаимоотношений между правительствами Армении и Турции был прерван.

Тем временем, оба общества все больше интересуются друг другом, открывая ментальные границы и устанавливая связи. В Турции мы наблюдаем повышенную активность представителей гражданского общества, нацеленную на примирение с историческим прошлым и поиск путей для совместного будущего с обществом Армении. Контакты на уровне гражданского общества были начаты до официального возобновления отношений и не прекращались даже после того, как эти отношения были прерваны на правительственном уровне. Именно этот процесс побудил Фонд им. Г. Бёлля инициировать «Ани Диалог» и таким образом в дальнейшем поддержать сотрудничество

между этими обществами. «Ани Диалог» выстраивается на взаимном понимании, обмене и сотрудничестве между представителями общества.

Данный сборник научных статей является ещё одним вкладом Фонда им. Г. Бёлля в процессе взаимопонимания, обмена опытом и установления связей между Южным Кавказом и Турцией.

Нино Лежава

Директор

Южнокавказское региональное бюро

Фонда имени Генриха Бёлля

Хатуна Самнидзе

Проектный координатор

Южнокавказское региональное бюро

Фонда имени Генриха Бёлля

Introduction

“History Lessons” in the Year of “Anniversary”

Sergey Rumyantsev

When we prepared the present collection of articles, it coincided with the 20th anniversary of the breakdown of the Soviet Union. During this anniversary year, numerous conferences, public discussions, and expert round tables were conducted around the post-Soviet space. The majority of these events were marked by ambitious attempts to summarize various public and political processes that have taken place in these countries. This book does not have the same aim. The timing of this publication within the 20th anniversary is a coincidence. However, this fortuitous coincidence still serves as an effort to summarize the results of the implementation of transnational projects and attempts to create a network of academic researchers in the countries of the South Caucasus.

Nevertheless, we have to note that we should be talking not about possible results but rather about the current state of affairs, as the process of forming a transnational network of researchers continues to evolve. In a sense, the roots of the process lie in the collapse of the Soviet Union itself. A relatively holistic system of research institutes of the Soviet academies of science has fallen apart along with the USSR. This process resulted in abandonment of a policy of supporting and expanding contacts between specialists of different Soviet national republics. However, the contacts present during the Soviet Union connected the “periphery” (national republics) and the “center” (Academy of Science of the USSR), rather than the specialists of the various neighbouring republics.

As a result, paradoxically, the breakdown of the USSR itself has contributed to the strengthening of contacts between specialists of the different republics of the South Caucasus. The interest towards the “center” has decreased significantly, while the focus on the realization of regional research projects has grown. While the state policy of supporting links and contacts has faded, it has been replaced by a more flexible system of support for transnational projects offered by various international foundations and organizations.

It is relevant to consider the present state of affairs and broader perspectives. During the last 20 years, researchers from the post-Soviet space have had a chance to study, retrain, practice and even conduct their research abroad, in the countries of the “non-Soviet camp”. In addition to different foundations and universities supporting various educational and integration programmes¹ and sending students and post-graduates abroad, the governments of all South Caucasus countries have also been involved. Although to a different extent, state officials also

¹ By “integration”, I refer to those programmes that aimed to establish contacts between post-Soviet researchers and their colleagues from the EU and USA.

support the idea of studying in the “West”. Regardless of these opportunities, the effect of such trips and studies abroad still remains insignificant and varies for each of the three South Caucasus republics.

One of the main problems was that few of the former Soviet experts managed to adjust to the new rules of their organizations related to conducting research projects. As a result, only few of them seem to have joined transnational research networks. Quite a narrow circle of such specialists was established by the mid nineties, and it has changed and expanded only very slowly. Still, by the early 2000s, a post-Soviet generation of young experts emerged in the region and was ready to *compete with the new generation of 1990s*.

The present collection of articles demonstrates current results and the potential of the programmes aimed at supporting *the new generation*² of researchers and their integration into the transnational networks created by the specialists in the field of social sciences and humanities. Therefore, instead of this quite conventional anniversary, favored solely because of its round number, we deal with a more concrete date, the year of 2004, for the purposes of introduction to the present collection of articles. During this year, a programme supporting young researchers implemented by the Heinrich Boell Foundation (Germany) started to operate in the republics of the South Caucasus.

Surely, before the realization of this programme, other projects aimed to create academic research networks that also included representatives of civil society. Social researchers often become activists of non-governmental movements and organizations. However, none of the projects pursuing these goals was as long-term as the Scholarship Programme of the South Caucasus Regional Office of the Heinrich Boell Foundation. For ten years now (another potential *anniversary*), young researchers and civil society activists have had an opportunity to engage with transnational networks. Herein, the format of the scholarship programme itself constituted of working meetings but also significantly timed summer schools that provide a possibility to establish not only formal contacts but also working networks of young researchers.

Within the framework of the programme, various individual research projects are supported, allowing researchers to distance themselves from discussions that are not concrete enough. Young specialists along with influential experts in social sciences and humanities and also former scholars participate in discussions regarding all research activities undertaken within the programme. This style of work facilitates involvement in the process of establishing contacts and links through open and free discussions.

At this point, on the threshold of the programme’s approaching anniversary, we can state that it is operating successfully. The publication of this collection of articles demonstrates this

² Regarding the “new generation”, I refer to primarily to specialist researchers in the field of social sciences and the humanities, who have had their professional socialization in the post-Soviet period. In addition, I also include those who have some work experience in transnational research networks, studied or practiced in the EU or USA, etc. Not all specialists with diplomas of the post-Soviet generation have such experience.

achievement. Almost all researchers from the South Caucasus (except for Nino Chikovani), including the author of these paragraphs, are former scholars of the Heinrich Boell Foundation at various points. It should be highlighted that in 2005 the programme supported the first regional revision of Azerbaijani history textbooks aimed at the research of means and practice of representation of the image of “historical enemies”. Ilham Abbasov is the author of this work (Abbasov, 2006)³, and the results of his research are available in the present book⁴.

A project supported by the International Visegrad Fund served as another attempt by specialists of the South Caucasus countries to conduct a joint analysis of images of “the other/enemy” in history textbooks⁵. Other former scholars of the Heinrich Boell Foundation, Mikayel Zolyan and Tigran Zakaryan of Armenia, along with the editor of this publication (Veseli, 2006) participated in this project with Abbasov⁶. Their research proved that a network created in the framework of the Scholarship Programme of the Heinrich Boell Foundation is expanding and functioning successfully. Nino Chikovani participated in this project as well, and this collection also includes her new article.

A collection of articles published in one of the thematic issues of the magazine of the Georg Eckert Institute for International Textbooks Research (Braunschweig, Germany) resulted in another attempt of joint analysis by South Caucasus specialists (see: “Textbooks in post-Soviet Caucasus and Central Asia”, 2008)⁷. This institute actively supports programmes aimed at the formation of transnational networks of researchers and history teachers.

³ This type of research may be considered as an important contribution to the understanding of the roles and importance of history education in the development or resolution of conflicts. (See, for example: Lall, 2008; Xochellis & Tolouidi, eds., 2001; Crawford, 2008). To my knowledge, Abbasov’s work represents the first example of this type of research in the countries of the South Caucasus conducted by a representative of the region itself. With regards to some earlier works, Victor Shnirelman’s monograph “Memory Wars” has to be noted. This fundamental work still remains the most serious contribution to the understanding of historians’ role and place in the conflicts in the South Caucasus.

⁴ Later, I. Abbasov published a number of articles on the results of his research (Abbasov, 2006, History Textbooks in the Epoch of Independence, pp. 153-162; Abbasov, 2006, History of Inclusion of Azerbaijani Khanates, pp. 46-57; Abbasov, 2006, To Be Azeri, pp. 60-71).

⁵ This fund was established in 2000 by several Eastern European states (Czech Republic, Hungary, Poland, Slovenia).

⁶ See: “Images of the ‘self’ and images of the ‘other’ in Armenian history textbooks”, by Mikayel Zolyan and Tigran Zakaryan and “Means immortalize the past: analysis of images in other Azerbaijani history textbooks”, by Ilham Abbasov and Sergey Rumyantsev. Finally, see the analysis of Georgian history books conducted by Nino Chikovani and Ketevan Kakitelashvili, who titled their research “Images of ‘others’ in secondary school history textbooks”.

⁷ Referring to the reforms in the sphere of teaching of Georgian history and world history, Oliver Reisner contends that “we should strive for cooperation and discussions between Western scientists and specialists from CIS countries” (Reisner, 1998, p. 423). The institute named after Georg Eckert is an important scientific center that makes such cooperation and discussion possible. A well-known academic magazine *Ab Imperio* is another significant periodic publication available for researchers of educational narratives (see, for example: Aklar, 2005; Rumyantsev, 2005).

At the same time, this collection of articles seeks to go beyond the borders of regional research. This regionalism is created not only at the level of international policies but also through the practice of various foundations and international organizations. Therefore, the traditional view of the South Caucasus as a region consisting of three republics was established under different bureaucratic formalities and rules. The resulting boundaries have become serious obstacles for the development of links and contacts between academic societies from countries that in fact neighbour each other. The paradox of the situation lies in that on one hand, conditions exist that could foster the development of such links between specialists of the three South Caucasus republics. On the other hand, however, opportunities for the construction of broader networks of specialists from neighbouring countries are limited.

This collection also includes several articles by Turkish researchers. However, certain bureaucratic challenges jeopardized the possibility of participation of Russian specialists in the project. Russia is one of the neighbouring countries broadly discussed in the textbooks of the three South Caucasus republics. Regardless of these circumstances, the logic of the present book still encompasses the idea of overcoming the conventional and solid frameworks of regionalism in research.

This assertion is true although the history of the three South Caucasus republics remains the central subject in this collection of articles⁸. Here we have to underline that contacts with Turkey after the breakdown of the Soviet Union also became a norm for the specialists from all three South Caucasus republics. But here we also see how interstate relations influence the dynamics of forming transnational research networks and possibilities for implementing international projects. Close relations between Turkey and Azerbaijan have allowed for long-term cooperation in the field of education and enabled the development of networks of social researchers. In the case of Armenia, a conflicting relationship with Turkey significantly hinders development of such contacts. The Georgian civil, political and academic elite is also more inclined towards cooperation with the EU and USA. Turkey is not a priority partner for Georgia in the field of education and formation of academic research networks. Yet, unlike during the Soviet period, such contacts are possible in principle.

However, even from the perspective of close relations between Azerbaijan and Armenia, no interesting joint works have been concluded in the twenty years since the fall of the Soviet Union. The present collection of articles attempts to go beyond this conventional and very real regional relativism. Moreover, the articles of the authors from Turkey cover acute, polemic issues that help to better understand specificities of history education in this neighbouring republic of the South Caucasus countries.

In sum, it is clear that a network of specialists working on analysis of history textbooks in the South Caucasus region has been established. Although the network has functioned for only a few

⁸ Articles of the Turkish specialists published in the present collection of articles were prepared from the perspective of representation of the image of neighbours from the South Caucasus republics in Turkish history textbooks.

years now, several interesting projects have already been implemented. Still we can assert that the topic selected for the present collection of articles remains relevant, as it has not yet been explored fully. Despite the large number of research texts, the problem of representation of “images of neighbours” in the textbooks has not been addressed duly. This topic, however, remains central in historical narratives on national and world history.

The genre of narratives about “one’s own place” in history often includes descriptions of the relationships with “our neighbours”. Historical narratives in the republics of the South Caucasus during the USSR when textbooks were first created still focus mainly on the events of political history. According to Michel Foucault, the histories in the textbooks to a great extent remain confused, containing mostly political history of “rulers, wars and periods of famine” (Foucault 2004, p. 36). In this narrative, “neighbours” are, of course, important, as seen in the articles included in this collection.

It is now worth saying a few words about why these particular history textbooks were chosen for analysis. School textbooks serve as one of the most important means of nation building. We can assert therefore that during the USSR “production of history and geography textbooks used to be an integral part of ethnic differentiation in the Caucasus” (Rouvinski, 2007, p. 244). This function of textbooks in the context of the Soviet national policy still plays an important role.

According to the German researcher Reiner Ohliger, “cultural hegemony and political power over national educational programs provides a tool for definition of the nation’s identity. Textbooks not only reflect a state culture of education but also are the main and complex tool of its formation, construction and reproduction” (Ohliger, 1999, p. 109). History textbooks in the countries of the South Caucasus and Turkey in the 20th century are exactly these types of tools.

Of course, at the same time we should not overestimate the importance of textbooks. Christina Koulouri, having criticized the researchers’ approach, talks about situations when we start to research the influence of teaching interethnic conflicts (or, we should add, nation building). The tendency to consider only school programmes or textbooks arises, under the presumption that their content quickly passes to children’s minds and transforms into their historical consciousness. However, we know that this process is not so simple:

“Textbooks are not the only force that creates national stereotypes and their revision will not eliminate an ethnocentric or nationalistic interpretation of the past. Still, the content of textbooks and dominating ideology as well as a vision of the past encompass and connect with much broader frames. Textbooks, in particular, cannot be innovative if the state controls the system of their preparation <...>. Also, textbooks cannot serve as an innovative force if the content is free of stereotypes but teachers are not adequately trained” (Koulouri, 2001, p. 15).

Undoubtedly, the above point is true. The authors of this collection of articles did strive to research to which extent the textbooks, as an important part of a broader set of tools of nation building, are free (or biased) from stereotypes concerning their “neighbours”. They examine the influence of the modern social and political context on the representation of the historical

relations with “neighbours” in historical narratives. At the same time, considering history textbooks only as a part of a much broader set of nation building tools, we should not forget that, according to Mikayel Zolyan, the school textbook remains the most widely disseminated narrative. The history course is obligatory for all schoolchildren. According to many authors within the collection (Nino Chikovani, Sevil Huseynova, et al.), the state’s monopoly over the production of textbooks and their acknowledgement of certain issues shows the high status of history as a school subject and the importance of textbooks.

Ethnocentricity becomes another important and constant sign of nation building. Analysis of history textbooks gives us the opportunity to observe this “mark of the time” in its full scale. Now as well as before, the center of any historical narrative is “our” nation – the state. From this angle, the authors of the textbooks offer their respective evaluations of relationships with neighbours. This approach to history writing should not be considered unique. As Mark Ferro justifiably notes, one of the representations of ethnocentrism that one can see in practically all history books is “revealed through the relationships with neighbours” (Ferro, 1992, p. 12).

The authors of the articles in this book discuss levels of ethnocentrism. At the same time, in order to deepen the analysis of the textbooks’ narratives and make them more comprehensive, authors examine the modern social and political contexts that define the content of the history courses. In this case, we have to understand that we are talking about a region ripped apart by several ongoing conflicts. This aspect of the context greatly defines interpretations of “the past” of each imaginary community. Not only the events of the most recent post-Soviet conflicts but also those that took place a century ago are retrospectively interpreted from the lens of the present situation. This interpretation allows us to bring the past close to the present. As a result, in some cases we observe the process of transformation of the perspective of the modern conflict into a long-standing and permanent “ethno-national” confrontation.

Events of the 20th century, when the first attempts of nation building in the region took place, constitute an important part of this confrontation. The breakdown of the USSR and formation of independent states represent a second stage. This is the period when new interpretations are being sought, involving definitions of details that serve to revise the whole course of history of each imaginary society.

Therefore, the authors of the articles focus on these two modern periods. The first part is dedicated to the representation of the events of the 20th century in the post-Soviet textbooks, while the second deals with the collapse of the USSR and the post-Soviet period. This way, the materials presented in this collection follow a common idea that allows for drawing parallels throughout the analysis. At the same time, the authors were free to select their genre. In this collection, one can see the articles in which the analysis focuses on a symbolic event (a case study), in the context of which we can observe the specificity of the representation of relationships with “neighbours” (Ilham Abbasov, Ruslan Baramidze). Other authors appeal to a broader analysis of the content of history books (Ceyhan Suvvari, Satenik Mkrtchyan, Sevil Huseynova).

Finally, we have to note that participation of the authors from different republics, parties to long-standing conflicts, and their collaboration on a single collection of articles may be an independent goal of the project. Every such project, despite being small, is nevertheless an important step towards engagement that seeks resolution of regional conflicts. The present collection once again demonstrates that cooperation is not only possible but also fruitful. This kind of a joint work is not purely a collection of research articles that may interest a narrow circle of experts. It is also a common way for social researchers to demonstrate examples of successful cooperation and another attempt aimed at dissolving assumptions about the inevitability of conflict between citizens of these countries.

Of course, specialists working on this collection of articles were far from thinking that the offered analysis would serve as a sufficient ground for a serious revision of history courses, at least, in cases, when such revisions, as authors think, is required. The present collection undoubtedly strives to promote a critical perspective on the content of historical narratives. Therefore, in analyzing the history lessons, we do not focus on what “history has taught us” or “is teaching us”. Authors discuss the lessons that can be drawn from the process of analyzing modern historical narratives, looking at the results of critical readings of history textbooks. We think that this approach should contribute to the improvement of the quality of textbooks and ultimately influence the resolution of conflicts. In the end, we seek to encourage the establishment of friendly relations between neighbouring countries.

Bibliography

Aklar K. Y., 2005. Teaching of History in Azerbaijan and Nationalism. In: *Ab Imperio*, № 2, Казань, pp. 469-497.

Crawford K. A., 2008. A Vicious and Barbarous Enemy: Germans and Germany in British History Textbooks, 1930-1960. *Internationale Schulbuchforschung*, 1, Vol. 30. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, pp. 515-534.

Koulouri C., 2001. The Tyranny of History. In: Koulouri C., ed., *Teaching the History of Southeastern Europe*. Thessaloniki: Petros Th. Ballidis & Co., pp. 15-25.

Lall M., 2008. “Educate to Hate – the Use of *Education* in the Creation of Antagonistic National Identities in India and Pakistan”. *Compare*, Vol. 1 (38), pp. 103-120.

Ohliger R., 1999. Representing the *National Other*: Textbooks and the Formation of Ethno-National Identity in Germany 1871-1945. *Internationale Schulbuchforschung*, 2, Vol. 21. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, pp. 103-124.

Reisner O., 1998. What Can and Should We Learn from Georgian History. *Internationale Schulbuchforschung*, 4, Vol. 20. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, pp. 409-424.

Rouvinski V., 2007. “History Speaks Our Language!” A Comparative Study of Historical Narratives in Soviet and Post-Soviet School Textbooks in the Caucasus. *Internationale Schulbuchforschung*, 3, Vol. 29. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, pp. 235-258.

Textbooks in Post-Soviet Caucasus and in Central Asia, 2008. *Internationale Schulbuchforschung*, 4, Vol. 30. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung.

Xochellis D. P., Toloudi I. F., eds., 2001. *The Image of the "Other" / Neighbour in the School in the School Textbooks of the Balkan Countries*. Athens: George Dardanos.

Аббасов И., 2006. «Национальная история» в школьных учебниках истории, в контексте образа «исторического врага». В: Лежава Н., ред., *Южный Кавказ: Пространства. История. Люди. Современная история, социология и устойчивое развитие городов*. Тбилиси: Фонд им. Генриха Белля, с. 132-156.

Аббасов И., 2006. «Учебники истории в эпоху независимости». *Азербайджан в Мире*, №1 (3), с. 153-162.

Аббасов И., 2006. «История включения азербайджанских ханств в Российскую Империю. Разные версии одного события». *Азербайджан в Мире*, № 3(5), с. 46-57.

Аббасов И., 2006. «Быть азербайджанцем». *Азербайджан в Мире*, № 4 (6), с. 60-71.

Веселы Л., ред., 2008. *Современные учебники истории на Южном Кавказе*. Прага: Ассоциация по международным вопросам.

Румянцев С., 2005. Героический эпос и конструирование образа исторического врага. *Ab Imperio*, № 2, Казань, с. 441-468.

Ферро М., 1992. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. Москва: Высшая Школа.

Фуко М., 2004. *Археология знания*. Санкт-Петербург: Гуманитарная Книга.

Шнирельман В., 2003. *Войны Памяти. Мифы, Идентичность и Политика в Закавказье*. Москва: Академкнига.

Введение

«Уроки истории» в «юбилейный» год

Сергей Румянцев

Год, в который готовился данный сборник статей, совпал с 20-летием распада Советского Союза. В этот «юбилейный год» по всему постсоветскому пространству проводились многочисленные конференции, общественные дискуссии, экспертные круглые столы. Большинство этих мероприятий объединяли амбициозные попытки подведения итогов разного рода общественно-политических процессов, происходивших на постсоветском пространстве. Данный сборник статей не предполагал подобных целей. Совпадение времени публикации с «20-летним юбилеем» было случайностью. Однако это, хоть и случайное совпадение, подталкивает к мысли о «подведении итогов» реализации транснациональных проектов и попыток создания сетей академических исследователей из стран Южного Кавказа.

Впрочем, следует подчеркнуть, что говорить нужно не о возможных итогах, а, скорее, о нынешнем состоянии дел. Ведь процесс формирования транснациональных сетей исследователей постоянно развивается. В определенном смысле, начало этого процесса следует искать в самом распаде СССР. И дело здесь не в том, что вместе с СССР распалась и в той или иной степени единая система исследовательских институтов советских Академий наук. Вместе с распадом Советского Союза канула в лету и политика, направленная на поддержание и развитие контактов между специалистами из разных советских национальных республик. Впрочем, в период существования Советского Союза контакты поддерживались скорее между периферией (национальными республиками) и «центром» (Академией наук СССР), а не между специалистами из разных, хоть и соседских, союзных республик.

В результате, парадоксальным образом, именно распад СССР способствовал интенсификации контактов между специалистами из разных республик Южного Кавказа. Интерес периферии к «центру» резко снизился, и, напротив, вырос интерес к реализации региональных исследовательских проектов. Государственная политика поддержания связей и контактов хоть и приказала долго жить, но ей на смену пришла более гибкая система поддержки транснациональных проектов, которую предлагали различные международные Фонды и организации.

Имеет смысл попытаться посмотреть на нынешнее состояние дел и из перспективы более широкого контекста. За прошедшие 20 лет исследователи с постсоветского пространства получили возможность проходить обучение, переподготовку, стажироваться и даже проводить исследования за пределами стран бывшего «советского лагеря». Помимо

различных фондов и университетов, поддерживающих разного рода образовательные и интеграционные⁹ программы, отправкой студентов и аспирантов за пределы постсоветского пространства озабочены и на уровне правительств в каждой из южнокавказских республик. Хотя и в разной степени, но идея обучения на «Западе» находит определенную поддержку во властных кругах. И все же, несмотря на открывшиеся возможности, эффект от таких поездок и обучения за рубежом остается все еще невысоким. Хоть и по-разному невысоким для каждой из трех южно-кавказских республик. В определенном смысле невысоким остается и эффект от постсоветской политики различных Фондов и международных организаций, подразумевающей формирование транснациональных исследовательских сетей.

Одна из главных проблем состоит в том, что освоить новые правила организации и проведения исследовательских проектов оказалось под силу немногим из бывших советских специалистов. В результате, в деятельность транснациональных исследовательских сетей оказались вовлеченными только немногие из них. Довольно узкий круг таких специалистов, сформировавшийся уже к середине 1990-х, изменялся и расширялся очень медленно. И все же, к началу 2000-х годов в регионе появилось постсоветское поколение молодых специалистов, готовых составить конкуренцию поколению 1990-х.

Как раз данный сборник статей может продемонстрировать нынешние результаты и потенциал программ, направленных на поддержку *нового поколения*¹⁰ исследователей и их интеграцию в транснациональные сети, создаваемые специалистами в области социальных и гуманитарных наук. Поэтому вместо весьма условного юбилея, в пользу которого говорит разве что магия круглого числа, в случае с введением в данный сборник имеет смысл обозначить более конкретную дату – 2004 год. Этот год стал временем, когда в республиках Южного Кавказа заработала стипендиатская программа для молодых исследователей, проводимая Фондом имени Генриха Белля (Германия).

Конечно, и до реализации этой программы в регионе проводились различные проекты, которые подразумевали создание сетей академических исследователей, а также представителей гражданского общества. Нередко как раз социальные исследователи и становятся активистами гражданских негосударственных движений и организаций. Однако, ни один из проектов, подразумевавших эти цели, не носил столь долговременного характера, как стипендиатская программа Фонда им. Г. Белля. На протяжении скоро уже 10 лет (еще один возможный юбилей) молодые исследователи и активисты гражданского общества получают возможность создавать транснациональные сети. При этом, сам формат

⁹ Под интеграционными я имею в виду те, первоочередная цель которых – поддержка в установлении контактов между постсоветскими исследователями и их коллегами из стран ЕС и США.

¹⁰ Говоря о *новом поколении* специалистов-исследователей в области социальных и гуманитарных наук, я имею в виду тех, кто прошел профессиональную социализацию в постсоветский период. Но не только. Речь идет также о тех из них, кто имеет опыт работы в транснациональных исследовательских сетях, проходили обучение или стажировались в странах ЕС и США и т. п. Далеко не все из дипломированных специалистов *нового* (постсоветского) поколения имеют подобный опыт.

стипендиатской программы, комбинирующий как рабочие встречи, так и длительную летнюю школу, позволяет устанавливать не просто формальные контакты, но и создавать реально работающие сети молодых исследователей.

В рамках программы поддерживаются индивидуальные исследовательские проекты, что позволяет дистанцироваться от дискуссий, лишенных конкретики. Молодые специалисты наравне с признанными в области социальных и гуманитарных наук экспертами, а также бывшими стипендиатами, принимают активное участие в обсуждениях всех проводимых в рамках программы исследований. Подобный стиль работы позволяет вовлекать в процесс установления контактов и связей через процедуру открытых и свободных дискуссий.

Теперь уже (в преддверии близящегося юбилея программы) можно утверждать, что она успешно работает. Сама публикация данного сборника статей является демонстрацией определенного успеха в работе этой программы. Практически все исследователи из региона Южного Кавказа (за исключением только Нино Чиковани), включая автора этих строк, в разное время были стипендиатами программы Фонда им. Г. Белля. Нужно также подчеркнуть, что именно в рамках стипендиатской программы Фонда в 2005 году было проведено первое для региона исследование текстов учебников по истории Азербайджана, целью которого стало изучение способов и практик репрезентации образа «исторического врага». Его автором стал Ильхам Аббасов (Аббасов, 2006)¹¹, с результатами новых исследований которого можно познакомиться и в этом сборнике¹².

Следующей попыткой совместного, специалистами из стран Южного Кавказа, анализа «образов другого/врага» в учебниках по истории стал проект, поддержанный Международным Вышеградским Фондом¹³. В этом проекте, наряду с Аббасовым, принимали участие к тому моменту уже бывшие стипендиаты Фонда им. Г. Белля, исследователи из Армении Микаэль Золян и Тигран Закарян, а также редактор и составитель данного сборника (Веселы, 2008)¹⁴. Этот проект продемонстрировал, что сеть,

¹¹ Такого рода исследования можно рассматривать как важный вклад в понимание роли и значения исторического образования в развитии или разрешении конфликтов. (См., например: Lall, 2008; Xochellis & Toloudi, eds., 2001; Crawford, 2008). Работа Аббасова, насколько мне известно, стала первым подобным исследованием для стран Южного Кавказа, которое было проведено специалистом из самого региона. Что касается более ранних работ, то следует упомянуть монографию Виктора Шнирельмана «Войны Памяти» (2003). Эта капитальная работа и теперь является самым серьезным вкладом в понимание роли и места историков в конфликтах на Южном Кавказе.

¹² В дальнейшем И. Аббасов опубликовал ряд статей по результатам своего исследования. (Аббасов, 2006, Учебники истории в эпоху независимости, с. 153-162; Аббасов, 2006, История включения азербайджанских ханств, с. 46-57; Аббасов, 2006, Быть азербайджанцем, с. 60-71).

¹³ Этот фонд был основан в 2000 году несколькими государствами Восточной Европы (Чешская Республика, Венгерская Республика, Республика Польша, Словацкая Республика).

¹⁴ «Образы «себя» и образы «других» в учебниках истории Армении», авторы Микаэль Золян и Тигран Закарян. «Способы увековечить прошлое: анализ образов других в учебниках истории Азербайджана», Ильхам Аббасов, Сергей Румянцев. Наконец, анализ учебников по истории Грузии провели Нино Чиковани и Кетеван Какителашвили, которые обозначили свое исследование как: «Изображение «других» в учебниках истории для общеобразовательных школ».

создаваемая в рамках программы Фонда им. Г. Белля, расширяется и успешно функционирует. Среди участников этого проекта была также Нино Чиковани. С ее новой статьей также можно познакомиться и в этом сборнике.

Результатом еще одной совместной, специалистов из стран Южного Кавказа, попытки анализа учебников стал сборник статей, изданный в одном из тематических номеров журнала, публикуемого Институтом исследования школьных учебников имени Георга Эккерта (Брауншвейг, Германия) (*Textbooks in Post-Soviet Caucasus and in Central Asia*, 2008)¹⁵. Этот институт, в свою очередь, активно поддерживает программы, направленные на формирование транснациональных сетей как исследователей, так и преподавателей истории.

В то же время, данный сборник претендует еще и на выход за границы исследовательского регионализма. Этот регионализм задается не только на уровне международной политики, но и через практику различных фондов и международных организаций. Так, привычное представление о регионе Южного Кавказа, как состоящем из трех республик, было зафиксировано в различного рода бюрократических формальностях и правилах. Эти правила становятся серьезным препятствием для развития связей и контактов между академическими сообществами из, фактически, соседских государств. Парадоксальность ситуации как раз и заключается в том, что, с одной стороны, создаются условия для формирования связей между специалистами из трех южно-кавказских республик. Однако, с другой стороны, ограничиваются возможности конструирования более широких сетей специалистов из соседских государств.

В сборник были включены статьи исследователей из Турции. Однако, определенные бюрократические трудности не позволили включить в проект специалистов из России. Т. е. коллег из еще одной соседской страны, повествованию о которой отводится важная роль в учебниках всех трех южно-кавказских республик. И все же, несмотря на это обстоятельство, данная публикация в любом случае остается одной из тех, в логике создания которой была заложена идея преодоления этих условных, но от того не менее жестких, рамок регионализма в исследованиях. Это утверждение верно, несмотря на то, что центральное место в этом сборнике статей все же отводится содержанию курсов по истории в трех южнокавказских республиках¹⁶.

¹⁵ Рассказывая о реформах в связи с преподаванием предметов «Истории Грузии» и «Истории Мира», Оливер Райснер утверждает: «К чему следует стремиться, так это к кооперации и дискуссиям между западными учеными и специалистами из стран СНГ» (Reisner, 1998, p. 423). Как раз Институт имени Георга Эккерта является важным научным центром, благодаря которому подобная кооперация и дискуссии становятся возможными. Еще одним важным периодическим изданием, в котором исследователи учебных нарративов могут публиковать свои работы, является известный академический журнал *Ab Imperio*. (См., например: Aklar, 2005; Румянцев, 2005).

¹⁶ Статьи специалистов из Турции, участвовавших в данном сборнике также подготовлены из перспективы репрезентации в турецких учебниках по истории образов соседей из числа южнокавказских республик.

И здесь нужно подчеркнуть, что контакты с Турцией после коллапса СССР также становятся привычной нормой для специалистов из всех трех южнокавказских республик. Но как раз здесь мы видим специфику влияния межгосударственных отношений на динамику формирования транснациональных исследовательских сетей и возможности реализации международных проектов. Тесные союзнические отношения между Турцией и Азербайджаном позволяют уже много лет сотрудничать в области образования и создавать сети социальных исследователей. В случае же с Арменией, конфликтные отношения с Турцией заметно затрудняют развитие подобного рода контактов. Грузинская общественная, политическая и научная элита в большей степени нацелена на сотрудничество со странами ЕС и США. Турция не является приоритетным партнером для Грузии в области образования и формирования сетей академических исследователей. Однако, в отличие от советского времени, такие контакты стали в принципе возможными.

Но даже если исходить из перспективы тесных связей между Азербайджаном и Арменией, то и здесь за все прошедшие после распада СССР годы не было создано никаких интересных совместных работ. Как раз данный сборник статей является своего рода попыткой выйти за границы этого очень условного, но от того не менее действенного, регионального релятивизма. Наконец, и сами статьи авторов из Турции затрагивают острые, полемические вопросы, которые позволяют лучше понять специфику содержания курсов по истории в этой соседней с Южным Кавказом республике.

Суммируя все сказанное, можно признать, что в регионе Южного Кавказа состоялась сеть специалистов, занимающихся анализом текстов учебников по истории. Несмотря на то, что эта сеть существует всего лишь несколько лет, уже были реализованы несколько интересных проектов. И все же можно утверждать, что тема, выбранная для данного сборника, является актуальной в силу своей недостаточной изученности. Несмотря на довольно значительный корпус исследовательских текстов, проблемам репрезентации «образов соседей» в учебниках до сих пор не уделялось должного внимания. Однако, именно эта тема является одной из центральных в исторических нарративах по национальной и мировой истории.

Жанр рассказа о «своем месте» в истории очень часто включает в себя и описание отношения с «нашими» «соседями». Исторические нарративы в республиках Южного Кавказа, как и в годы СССР, когда создавались первые учебные пособия, по-прежнему сосредоточены преимущественно на событиях политической истории. Или, по словам Мишеля Фуко, история, представленная в учебниках, в значительной степени остается все той же беспорядочной преимущественно политической историей «правлений, войн и периодов голода» (Фуко, 2004, с. 36). И в этой политической истории «соседям», безусловно, отводится важная роль, как это демонстрируют в своих статьях исследователи, принимавшие участие в подготовке данного сборника.

И здесь имеет смысл сказать несколько слов о том, почему для анализа были выбраны именно учебники по истории. Определяющим был тот факт, что как раз школьные учебники по истории являются важнейшим инструментом нациостроительства. Так, можно

утверждать, что в годы СССР «производство учебников по истории и географии являлось неотъемлемой частью этнического разграничения на Кавказе» (Rouvinski, 2007, p. 244). Эта функция учебников, востребованная в контексте советской национальной политики, сохраняет свою актуальность и теперь.

По словам исследователя из Германии Райнера Олигера, «культурная гегемония и политическая власть над национальными образовательными программами обеспечивает инструментом для определения самой сущности нации. Учебники не только отражают государственную культуру образования, но являются также основным и комплексным инструментом его строительства, конструирования и воспроизведения» (Ohliger, 1999, p. 109). Именно таким инструментом были учебники по истории в странах Южного Кавказа и Турции в XX веке.

Конечно, важно в то же время и не преувеличивать значение учебников. Кристина Колори, критикуя сложившийся у исследователей подход, говорит о том, что когда мы начинаем изучать влияние преподавания на межэтнические конфликты (или, стоит добавить, нациостроительство), возникает тенденция принимать во внимание только школьные программы или учебники. Кажется, что их содержимое очень быстро переключается в головы детей и трансформируется в историческое сознание. Однако, мы знаем, что все не так просто. «Не только учебники несут ответственность за национальные стереотипы, и их ревизия не сможет устранить этноцентрических или националистических интерпретаций прошлого. Все-таки содержание учебников и доминирующей идеологии, точно так же, как и взгляд на прошлое, затрагивает и совмещается со значительно более широкими рамками. Учебники, в особенности, не могут быть инновационными, если система их производства сосредоточена в руках государства <...>. Точно так же не могут учебники быть инновационными, в случае если их содержание свободно от стереотипов, но они не находятся в руках адекватно подготовленных учителей» (Koulouri, 2001, p. 15).

Безусловно, все сказанное верно. Авторы сборника как раз и видели свою задачу в том, чтобы исследовать, насколько учебники, как важная составная часть более широкого набора инструментов нациостроительства, свободны (или нет) от стереотипов по отношению к «соседям». Как современный социально-политический контекст оказывает влияние на репрезентацию истории отношений с «соседями» в историческом нарративе. В то же время, рассматривая учебники по истории как только один из гораздо более широкого набора предназначенных для нациостроительства инструментов, не следует забывать, как указывает Михаэль Золян, что именно школьный учебник остается самым массовым нарративом. С курсом истории и теперь обязан ознакомиться каждый школьник. И подобный высокий статус для предмета истории и учебника, как указывают многие авторы сборника (Нино Чиковани, Севиль Гусейнова и др.), обеспечивается монополией государства на их производство и признание.

Еще одной важной и постоянной приметой нациостроительства становится присущий этому процессу этноцентризм. Как раз анализ учебников по истории и позволяет наблюдать эту «примету времени» во всей ее полноте. В центр исторического повествования теперь, как и

прежде, помещается «наша» нация – государство. И именно из этой перспективы авторы учебников предлагают актуальную оценку отношений с соседями. Этот подход к написанию истории не следует, впрочем, считать уникальным. По справедливому мнению Марка Ферро, один из уровней этноцентризма, который можно увидеть практически во всех учебниках по истории, как раз и «проявляется во взаимоотношениях с соседями» (Ферро, 1992, с. 12).

Об уровне этого этноцентризма и рассказывают авторы статей, представленных в данном сборнике. С тем же, чтобы сделать анализ текстов учебников более глубоким и всесторонним авторы помещают его в современный социально-политический контекст, который оказывает определяющее влияние на содержание курсов по истории. В данном случае следует понимать, что речь идет о регионе, раздираемом несколькими длительными по времени конфликтами. Этот конфликтный контекст в значительной степени определяет интерпретации «прошлого» каждого воображаемого сообщества. Так, не только события последних (постсоветских) конфликтов, но и те, которые происходили век тому назад, ретроспективно интерпретируются из перспективы современной ситуации. Эти интерпретации позволяют максимально приблизить прошлое к современности. В результате, в некоторых случаях мы можем наблюдать, как из перспективы современного конфликта конструируется длительное и непрерывное «этно-национальное» противостояние.

Важным этапом этого противостояния, как и, не менее важным, периодом нациостроительства, становятся события начала XX века, когда реализовывались и первые попытки нациостроительства в регионе. Вторым таким этапом, следует считать события распада СССР и формирования независимых государств. Именно в этот период начинаются поиски новых интерпретаций, которые определяют и специфику ревизии всего курса по истории того или иного воображаемого сообщества.

Поэтому авторы представленных в сборнике статей сосредоточены на этих двух временных периодах. Первая глава посвящена репрезентации в постсоветских учебниках событий начала XX века, а вторая – коллапсу СССР и постсоветскому периоду. Таким образом, материалы, представленные в сборнике, подчинены некой общей идее, которая позволяет сохранять определенную параллельность при проведении анализа. При этом, авторы были свободны в выборе жанра. В сборнике можно найти статьи, анализ в которых построен вокруг определенного символического события (case-study), в контексте которого мы можем наблюдать специфику репрезентации отношений с «соседями» (Ильхам Аббасов, Руслан Барамидзе). Некоторые же авторы прибегают к более широкому анализу содержания учебников по истории (Джейхан Сувари, Сатеник Мкртчян, Севиль Гусейнова).

Наконец, следует подчеркнуть, что само участие авторов из разных республик, пребывающих между собой в длительных конфликтах, в работе над одним сборником статей становится важной самостоятельной целью этого проекта. Каждый подобный проект является хоть и маленьким, но от того не менее важным шагом на пути решения региональных конфликтов. Данный сборник в очередной раз демонстрирует, что

сотрудничество не только возможно, но и плодотворно. Подобного рода совместная работа является не просто сборником исследовательских статей, представляющих интерес только для узкого круга специалистов. Это еще и доступный для социальных исследователей способ широкой демонстрации перспектив успешного сотрудничества, а также еще одна попытка, направленная на разрушение стереотипов о неизбежности конфликтов.

Конечно, специалисты, работавшие над сборником, были далеки от мысли, что предлагаемый анализ послужит достаточным основанием для серьезной ревизии курсов по истории. По крайней мере, в случаях, когда подобная ревизия, по мнению авторов, необходима. Но данный сборник, безусловно, претендует на развитие в регионе традиции критического осмысления содержания исторических нарративов. Поэтому, говоря об уроках истории, мы не имеем в виду, что «история нас чему-то научила» или «учит». Авторы сборника говорят о тех уроках, которые можно извлечь из анализа современного исторического нарратива. Т. е. речь идет об уроках критического прочтения текстов учебников по истории. А именно такой подход, на наш взгляд, и должен способствовать улучшению качества учебников и преодолению конфликтов. И, в конечном итоге, установлению дружественных отношений между соседскими странами.

Библиография

Aklar K. Y., 2005. Teaching of History in Azerbaijan and Nationalism. In: *Ab Imperio*, № 2, Казань, pp. 469-497.

Crawford K. A., 2008. A Vicious and Barbarous Enemy: Germans and Germany in British History Textbooks, 1930-1960. *Internationale Schulbuchforschung*, 1, Vol. 30. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, pp. 515-534.

Koulouri C., 2001. The Tyranny of History. In: Koulouri C., ed., *Teaching the History of Southeastern Europe*. Thessaloniki: Petros Th. Ballidis & Co. pp. 15-25.

Lall M., 2008. "Educate to Hate – the Use of *Education* in the Creation of Antagonistic National Identities in India and Pakistan". *Compare*, Vol 1 (38), pp. 103-120.

Ohliger R., 1999, Representing the *National Other*: Textbooks and the Formation of Ethno-National Identity in Germany 1871-1945. *Internationale Schulbuchforschung*, 2, Vol. 21. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, pp. 103-124.

Reisner O., 1998. What Can and Should We Learn from Georgian History. *Internationale Schulbuchforschung*, 4, Vol. 20. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, pp. 409-424.

Rouvinski V., 2007. "History Speaks Our Language!" A Comparative Study of Historical Narratives in Soviet and Post-Soviet School Textbooks in the Caucasus. *Internationale Schulbuchforschung*, 3, Vol. 29. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, pp. 235-258.

Textbooks in Post-Soviet Caucasus and in Central Asia, 2008. *Internationale Schulbuchforschung*, 4, Vol. 30. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung.

Xochellis D. P., Toloudi I. F., eds., 2001. *The Image of the "Other" / Neighbor in the School in the School Textbooks of the Balkan Countries*. Athens: George Dardanos.

Аббасов И., 2006. «Национальная история» в школьных учебниках истории, в контексте образа «исторического врага». В: Лежава Н., ред., *Южный Кавказ: Пространства. История. Люди. Современная история, социология и устойчивое развитие городов*. Тбилиси: Фонд им. Генриха Белля, с. 132-156.

Аббасов И., 2006. «Учебники истории в эпоху независимости». *Азербайджан в Мире*, №1 (3), с. 153-162.

Аббасов И., 2006. «История включения азербайджанских ханств в Российскую Империю. Разные версии одного события». *Азербайджан в Мире*, № 3(5), с. 46-57.

Аббасов И., 2006. «Быть азербайджанцем». *Азербайджан в Мире*, № 4 (6), с. 60-71.

Веселы Л., ред., 2008. *Современные учебники истории на Южном Кавказе*. Прага: Ассоциация по международным вопросам.

Румянцев С., 2005. Героический эпос и конструирование образа исторического врага. *Ab Imperio*, № 2, Казань, с. 441-468.

Ферро М., 1992. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. Москва: Высшая Школа.

Фуко М., 2004. *Археология знания*. Санкт-Петербург: Гуманитарная Книга.

Шнирельман В., 2003. *Войны Памяти. Мифы, Идентичность и Политика в Закавказье*. Москва: Академкнига.

Part 1

Beginning of the 20th Century:

“Recent” Past

Азербайджан в 1918-1920-м годах: опыт деконструкции мифов об «извечной дружбе» и «извечной вражде»

Ильхам Аббасов

Введение

28 мая 1918 года Временный Национальный Совет мусульман Закавказья провозгласил в Тифлисе независимую Азербайджанскую Демократическую Республику (АДР). В последующие два года, которые были отпущены историей этой республике до ее советизации, националисты тюрки-мусульмане, в большинстве своем члены партии «Мусават» (азерб. “Равенство”), контролировавшие институты власти, предпринимали первые попытки установления политических, культурных и пр. связей с соседними государствами. Именно в этой связи, я выделяю данный период (май 1918 – апрель 1920 гг.) из всей богатой событиями истории начала XX века, с тем, чтобы попытаться продемонстрировать в данной статье специфику репрезентации в историческом нарративе образов соседних республик.

Впрочем, ограниченный рамками статьи я остановлюсь только на нескольких ключевых событиях. Речь пойдет о событиях, произошедших в марте и сентябре 1918 года в Баку. Период с марта по сентябрь 1918 года прошел под знаком борьбы за контроль над Баку, т. е. над городом, который с сентября 1918 года и по сей день является столицей Азербайджана. Именно эти события были положены в основу многочисленных исторических мифов, заняли особенное место в различных версиях истории Азербайджана (советской и постсоветской). Т. е. речь идет об одном из ключевых периодов в истории Республики и азербайджанской нации, который оказался в центре политик памяти реализуемых как советскими, так и постсоветскими властями.

Анализ репрезентации в историческом нарративе этих событий позволяет описать специфику ключевых для постсоветского Азербайджана отношений с соседними республиками, Арменией и Турцией. Безусловно, Россия и Иран – другие две соседние страны, отношения с которыми также очень важны для современного Азербайджана. Определенную значимость играют и союзнические отношения с Грузией. Однако, ограниченный рамками статьи, я вынужденно сосредоточусь в основном только на отношениях с Арменией и Турцией, и вернусь к трем последним соседям только при описании социально-политического контекста.

Политические конфликты и межгосударственные отношения

В своей статье я утверждаю, что насилие и конфликты в 1918-1920 гг. носили масштабный характер, а межреспубликанские отношения конституировались, в первую очередь, перспективами военного сотрудничества или противостояния. Однако, несмотря на

масштабы насилия, размежевания населения по этническому признаку в те годы не произошло. Дипломатические контакты между правительствами трех южнокавказских республик практически не прерывались. Т. е. помимо насилия и конфликтов имели место также интенсивные контакты, предпринимались многочисленные попытки разрешения возникавших конфликтов путем переговоров и взаимных уступок. Эта довольно сложная канва различного рода отношений (конфликтов и попыток их разрешения, жестокости и взаимопомощи) была редуцирована в советской версии истории Азербайджана в основном к классовой борьбе¹⁷. В центре советской коммеморации этих событий оказались большевики-интернационалисты “26 Бакинских Комиссаров”. Образы этих большевиков заняли центральное место в героическом культе героев-коммунаров и в советской политике памяти, реализуемой в Закавказье. В этой версии образ «врага» закреплялся за «буржуазными националистами», а события и их герои-большевики приобретали ореол «интернационализма». Причем данная версия нарратива по истории Азербайджана обслуживала как советскую национальную политику, так и политический миф о «дружбе народов». В то же время, этот нарратив содержал еще и образы врага, которыми становились не только конкретные «буржуазные деятели» (например, мусаватисты), но и целые «капиталистические страны» (например, Турция или Иран).

После распада СССР наступил период конструирования новой версии национальной истории, в которой события 1918-1920 годов также не были обделены вниманием. Исторический нарратив становится частью идеологии конфликта и национализирующего национализма, в которой центральное место отводится конструированию образа азербайджанской нации, как пережившей геноцид. Как нации-жертвы. Постсоветская интерпретация событий находится под влиянием современного армяно-азербайджанского Карабахского конфликта (1988-1994 гг.). События 1918 года ретроспективно встраиваются в идеологию или в этно-центристский политический и исторический миф о непрерывной и «извечной» вражде между азербайджанским и армянским народами¹⁸. Эти же события служат описанию неизменного братства с «турецким народом»¹⁹. Данная идеология

¹⁷ Нужно отметить, что данный аспект требует отдельного исследования, и в своей статье я его практически не касаюсь. Однако подчеркну, что считаю наиболее аргументированным подходом к исследованию специфики советской классовой идеологии, предлагаемый Шейлой Фицпатрик, которая говорит о «Большевистском изобретении класса» (“Bolshevik invention of class”). В контексте темы, выбранной для данной статьи, важно подчеркнуть, что, как справедливо указывает Фицпатрик, подход большевиков состоял не только в приписывании различных социальных статусов, но и позволял им отличать своих союзников от врагов (подробнее см.: Fitzpatrick, 2005, 29-50). О том, как эта система различения союзников и врагов работала в 1920-е-1930-е гг. в Азербайджане подробно рассказывает Jorg Baberowski (2003, pp. 553-668).

¹⁸ Виктор Шнирельман приводит исчерпывающее описание такого рода мифов. Если попытаться выделить аспекты важные для описания специфики ситуации, о которой идет речь в данной статье, то это, безусловно, и компенсаторная функция мифа, его необходимость в момент, когда «на развалинах империи возникают новые государства» и пр. (подробнее см.: Шнирельман, 2000, с. 12-18).

¹⁹ Определение наций как «воображаемых сообществ», данное Бенедиктом Андерсеном, я считаю наиболее убедительным (Anderson 1998, p. 6). Понятие «народ» является максимально размытым, но часто употребляемым в политических речах, учебных или академических нарративах, публикуемых в странах

содержит еще и миф о бескомпромиссной борьбе с Российской и Советской империей, а также Ираном за национальную независимость азербайджанцев.

Т. е. в своей статье я предпринимаю попытку продемонстрировать тот факт, что события 1918 года, с тех пор как они случились, всегда интерпретировались в контексте различных идеологических рамок, становились важной составной частью различных исторических мифов. Официальные интерпретации этих событий всегда были связаны с определенными политическими проектами (советской национальной политикой или постсоветским национализирующим национализмом²⁰). В контексте этих проектов Азербайджан и азербайджанская нация либо коллективно дружили с соседями, либо враждовали.

Главная цель данной статьи – вписать анализ учебников в более широкий контекст как советской, так и постсоветской политики памяти, советской национальной политики и постсоветского «национализирующего национализма». Главный тезис данной статьи можно выразить следующим образом: события противостояния начала XX века не играли центральной роли в коллективной памяти азербайджанцев или армян жителей советского Баку. Идеологам советской политики памяти удалось создать условия, в которых конфликты были в значительной степени «забыты»²¹, и сконструировать вполне жизнеспособный интернациональный героический культ «26-ти Бакинских комиссаров».

Когда ситуация в ходе коллапса СССР изменилась и начался новый армяно-азербайджанский конфликт, оказались востребованными другие культы – жертв и героев. В результате в постсоветский период предпринимаются попытки ретроспективно реконструировать события марта и сентября 1918 года, уже радикально их

Южного Кавказа. В статье понятие «народ» применительно к любому из упоминаемых в тексте воображаемых сообществ я буду брать в кавычки, подчеркивая, что речь идет только о репрезентации содержания исторического или политического идеологических дискурсов.

²⁰ Я указываю на эти версии (советская – постсоветская) и вынужденно игнорирую досоветскую версию. С одной стороны, этот подход связан с тем, что я ограничен рамками статьи. Однако, с другой стороны, более существенным фактором является тот, что учебники для преподавания истории в школах были разработаны для Азербайджана и начали массово применяться только в годы советской власти (Rumyantsev, 2010, pp. 435-436).

²¹ Можно сказать, что опыт и последствия советской национальной политики заставляют по-новому взглянуть на известное утверждение Эрнеста Ренана, гласящее, что: «Забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации». В СССР «забвение» стало скорее условием создания наднационального «советского народа». Это сообщество состояло из разных «биологических наций», границы между которыми не нивелировались, а скорее укреплялись. Перефразируя Ренана, можно сказать, что в определенном смысле, постсоветский «прогресс» в исторических исследованиях выборочно сосредоточенных на фактах насилия и конфликтах, не представляет «опасности» для национальностей, а скорее выполняет мобилизационную и консолидирующую функции. Это происходит потому, что исследования сосредоточены на фактах «насилия над нами», а не того насилия, которое служило созданию самих южнокавказских воображаемых сообществ (т. е. «нас»). В то же время, здесь нельзя не увидеть другую опасность. Подобный подход поддерживает конфликты и напряженность между разными воображаемыми сообществами (Ренан, 1902, с. 92).

реинтерпретируя, в контексте идей геноцида²², многовекового армяно-азербайджанского непрерывного противостояния, борьбы за национальную свободу. Т. е. придавая этим событиям те смыслы, которые в него, зачастую, не вкладывали ни непосредственные участники (например, националисты из партий Мусават и Дашнакцутюн), ни пришедшие к власти коммунисты. В новой постсоветской ситуации, в контексте, как я утверждаю в данной статье, нового, а не «вернувшегося» «старого» конфликта, как и в контексте, новых азербайджанского и армянского национализмов, события 1918 года пережили вторую актуализацию²³.

Методология

В данной статье, я предпринимаю попытку деконструировать официальные (т. е. поддерживаемые ресурсом государственной власти и институтов) интерпретации (или мифы) Бакинских событий марта и сентября 1918 года²⁴. Т. е. предпринимаю попытку деконструкции мифов не только об «извечной вражде», но и «извечной дружбе». В обоих случаях мы можем наблюдать процесс эссенциализации образов «врага» и «друга», социальных «классов», межэтнических отношений и пр. В обоих случаях, нации эссенциализируются и становятся некими коллективными гомогенными сообществами, которые либо «всегда / извечно» дружат, либо враждуют.

Учитывая специфику анализа учебных нарративов по истории, мне представляется релевантным применение метода критического дискурс анализа, разработанного Норманном Феркло. При этом, я не вижу противоречия и в том, чтобы включить в

²² Термин «геноцид» в юридической практике был впервые употреблен в 1944 году Рафаилом Лемкином. Только в 1948 году Генеральная ассамблея ООН единогласно приняла конвенцию о предупреждении геноцида и мерах, направленных против него.

²³ Здесь я вслед за Рональдом Суни говорю о «новом национализме» для обозначения той специфики, которая сложилась не только в советской Армении в 1960-1970-е годы, но, хоть и в меньшей степени, складывалась в советском Азербайджане в те же годы (Sunu, 1997, pp. 374-378). Этот «новый национализм» является продуктом советской национальной политики. Его важнейшими чертами я считаю: первое, его быстрое распространение, которое стало возможным благодаря советской национальной политике (и, в первую очередь, коренизации), советской системе массового образования и политике ускоренной урбанизации. Именно советская национальная и, как ее важная составная часть, образовательная политика, создала этот «новый национализм» как массовое явление. В результате этой политики, по словам Юрия Слезкина, «когда ненациональное государство [т. е. СССР – И. А.] перестало существовать, национальные негосударства [т. е. советские национальные республики – И. А.] оказались единственными законными наследниками» (Slezkine, 1996, pp. 229). В качестве второй важнейшей черты, я выделяю потенциал быстрой радикализации этого «нового национализма», в ходе армяно-азербайджанского Карабахского конфликта. В контексте данной статьи важно также подчеркнуть, что именно «новый национализм» становится основой для распространения и конструирования постсоветских официальных идеологий в Азербайджане и Армении.

²⁴ Конфликты и противостояние имели место далеко не только в Баку (Swietochowski, 1985, pp. 38-46; Altstadt, 1992, pp. 40-43; Swietochowski, 1995, pp. 25-36). Однако, именно случившиеся в Баку приобрели наиболее широкий резонанс и заняли особенное место в историческом нарративе и в политике памяти.

методологию и несколько посылок от Мишеля Фуко. В определенном смысле речь может идти о комбинированном подходе, который в своей основе будет исходить из перспективы социально-конструктивистской позиции в объяснении «Использования образов «Врага» и «Друга» в контексте социальных практик формирования исторических нарративов. Или, как отмечает сам Феркло, «Это общее место в непозитивистской социальной науке, что социальные феномены, социально конструируются» (Fairclough, 2007, p. 10). Таким образом, исходя из подходов, как Фуко, так и Феркло, я вижу свою задачу в «рассмотрении их [дискурсов – И. А.] как практик, систематически формирующих те объекты, о которых они говорят» (Фуко, 2004, с. 112). И в конечном итоге как властных практик формирующих образы «исторических врагов» или «союзников» и «извечных друзей». Власть или право конструировать эти образы принадлежит, в первую очередь, профессиональным историкам. Это право находит подтверждение и черпает дополнительный властный ресурс в признании со стороны официальных структур (различного рода ответственных ведомств и министерств).

Национализм, исторический нарратив и мифы

Прежде чем перейти к анализу нарративов и мифов, я остановлюсь на нескольких важных моментах. Как справедливо отмечает Шварц, «В качестве политического инструмента историография является техникой управления этническими отношениями и мобилизации этнических и националистических ресурсов» (Schwartz, 1994, p. 3). Шварц подчеркивает, что именно советская история как раз и служила подобным целям. Однако, и в постсоветский период изменилось немного. Как в советский период, так и теперь «разные люди используют схожие стратегии, когда ищут исторические аргументы необходимые для легитимизации их современных политических претензий» (Graham Smith, et al., 1998, p. 64).

Роджерс Брубейкер указывает на «шесть «опасных постулатов», шесть мифов и заблуждений» (Brubaker 1998, p. 272). Одну из подобных теорий «источников и динамики возрождения национальных конфликтов» Брубейкер обозначает как «“возвращение подавленного”». Суть ее состоит в следующем: национальные идентичности и национальные конфликты были якобы глубоко укоренены в до-коммунистической истории Восточной Европы, а затем заморожены или подавлены безжалостно анти-национальными коммунистическими режимами» (Brubaker 1998, p. 285). Брубейкер указывает на то, что подобный подход в корне ошибочен и подчеркивает, что: «нации и национализм процветают сегодня благодаря политике режима. Будучи антинационалистической, эта политика никогда не была антинациональной. Вовсе не подавляя безжалостно национальность, советский режим повсюду стремился институционализировать ее. Режим, конечно, подавлял национализм; но в то же время он пошел дальше, чем какой-либо другой режим до или после него, институционализовав территориальную и этническую национальность как фундаментальные социальные категории. Таким образом, режим неумышленно создал политическое поле, в высшей степени способствующее расцвету национализма» (Brubaker 1998, p. 286). Именно в этом новом политическом поле и

возникают новые национализмы, которые стали мощной мобилизующей силой в момент начала современного Карабахского конфликта.

В то же время, Брубейкер справедливо указывает и на то, что современная специфика национализма должна быть переосмыслена. Важнейший тезис Эрнеста Геллнера, исходя из которого, политический принцип национализма состоит в том, что «политическая и национальная единица должны совпадать» (Gellner, 1983, p. 1), не может объяснить сохранение значимости националистических идеологий в уже созданных государствах. Для объяснения этой ситуации, Брубейкер вводит концепт, состоящий из трех типов национализма, в котором меня (в контексте темы данной статьи) интересует только первый тип – «национализирующий национализм новых независимых (или вновь перестроенных) государств».

««Национализирующие» национализмы включают в себя требования, предъявляемые от имени «коренной» нации или национальности, определенной в этнокультурных терминах и резко отличаемой от совокупности граждан в целом. Коренная нация понимается в этом случае как законный «владелец» государства, которое, в свою очередь, рассматривается как государство для этой нации и принадлежащее ей. Несмотря на владение “своим собственным” государством, коренная нация видится в ослабленной культурной, экономической или демографической позиции внутри данного государства. Наследие дискриминации против этой нации до достижения ею независимости считается причиной подобной ослабленной позиции. Именно это и используется как оправдание “возмещения” или своего рода «компенсирующего» проекта по использованию государственной власти для отстаивания определенных (ранее неадекватно удовлетворявшихся) интересов коренной нации» (Brubaker, 2000, p. 4-5).

Т. е. в данном случае я хочу подчеркнуть, что новая версия истории не только задает идеологические рамки для уже случившихся конфликтов, но и является существенной составной частью постсоветского «национализирующего национализма». Таким образом, новый исторический нарратив служит также политике гомогенизации населения независимого Азербайджана, способствуют конструированию и сохранению национальных границ. Эта политика, безусловно, содержит в себе важнейшие ориентиры в отношении соседних государств. Какую страну, следует считать дружественной (или «братской»), какую враждебной. Впрочем, эти две версии отношений (дружественная / враждебная) указывают еще и на уровень значимости соседства. И здесь можно наблюдать определенную иерархию образов соседних стран.

Образы соседей: социально-политический контекст

Эта иерархия соседних государств, конструируемая по шкале союзники – дружба – вражда, конечно, претерпела существенные изменения в контексте от советского к постсоветскому. В годы СССР – образ России (РСФСР) и «русского народа» был, безусловно, положительным. Это был еще и образ «старшего брата». В годы коллапса советской империи и далее (в истории постсоветского Азербайджана) русские и Россия заняли центральное место в

дискурсе о героической борьбе за независимость против империи, в качестве отрицательных образов. Впрочем, постсоветская ситуация существенно отличается от советской гораздо большим разнообразием мнений, имеющих право на свое место в публичной сфере. Россия и «русский народ» дискурсивно наделяются как положительными, так и отрицательными чертами. С одной стороны, Россия воспринимается как наследница империи, лишившей Азербайджан независимости и эксплуатировавшей «азербайджанский народ» и страну, в качестве колонии почти два века. Россия – это еще и союзник Армении, с которой Азербайджан пребывает в постоянном конфликте. С другой стороны, официальные (государственные) отношения с Российской Федерацией (особенно после прихода к власти Гейдара Алиева, а затем и Владимира Путина) постоянно улучшались, и все постсоветские годы оставались очень интенсивными. Т. е. в целом, отношения с Россией носят двойственный характер. На уровне реальных межгосударственных и дипломатических эти отношения можно считать дружественными и устойчивыми. Однако в самой стране (условно говоря «для внутреннего пользования») Россия становится составной частью образа врага. Как раз последняя часть «образа России» и представлена в учебниках по истории. Известный в Азербайджане политолог и историк Ариф Юнусов обозначил эту в чем-то парадоксальную ситуацию как «дружба и сотрудничество на основе подозрительности и недоверия» (Юнусов, 2007, с. 35-59).

На роль «братского народа» после распада СССР стала претендовать Турция. И в принципе за весь постсоветский период в отношениях между Азербайджаном и Турцией произошел только один серьезный срыв. Сомнения в союзнических и «братских» отношениях возникли в октябре 2009 года, когда были подписаны «турецко-армянские протоколы»²⁵. Сразу же вслед за подписанием этих документов МИД Азербайджана выступил с заявлением, что нормализация отношений между Турцией и Арменией до решения Карабахского конфликта противоречит интересам Азербайджана и «духу братских отношений» между двумя республиками. Отношения еще некоторое время оставались напряженными, что привело к событиям, которые в СМИ назвали «войной флагов»²⁶. Однако, по мере того, как ратификация протоколов откладывалась, постепенно становясь все менее вероятной,

²⁵ Здесь я имею в виду подписанный 10 октября 2009 г. в Цюрихе министрами иностранных дел Турции и Армении, Ахметом Давутоглу и Эдуардом Налбалдяном «Протокол об установлении дипломатических отношений» и «Протокол о развитии двусторонних отношений».

²⁶ События начались с матча между футбольными сборными Турции и Армении 14 октября в городе Бурсе на котором присутствовали Абдулла Гюль и Серж Саркисян, и куда запретили приносить азербайджанские флаги. Через несколько дней турецким властям был выражен официальный протест в связи с неуважением, проявленным к азербайджанскому флагу. Однако этим в Баку не ограничились, и в Аллее Мучеников (Шехидляр Хиябаны) в центре Баку были сняты турецкие флаги, установленные у памятного комплекса в честь турецких военнослужащих, погибших в городе в 1918 году. Т. е. во время тех событий, которые я как раз и выделил для дальнейшего анализа. По официальные версии флаги убрали, так как они не соответствовали закону «О правилах использования флагов зарубежных государств и международных организаций в Азербайджанской Республике». Эта версия никого не смогла ввести в заблуждение, тем более, что впоследствии флаги вернулись в Аллею, несмотря на закон.

отношения между государствами вновь потеплели (подробнее см.: Абдуллаев, 2009, с. 19-23).

Таким образом, дальше символических демаршей, заявлений и немногочисленных пикетов радикалов в Баку разногласия не зашли. Все постсоветские годы Турция неизменно поддерживала Азербайджан в Карабахском конфликте, так и не получив взамен официальной поддержки в признании Турецкой республики Кипр. Вместо этого признания, которое могло осложнить для Азербайджана отношения с ЕС, Турция стала важным партнером в транзите азербайджанской нефти. Кроме того, в Азербайджане турецкие власти находят и неизменно широкую поддержку в противостоянии с Арменией и армянской диаспорой по поводу трактовки событий 1915 года в Анатолии, в качестве геноцида. Можно утверждать, что противодействие этой политике встречает редкое единодушие и согласие в азербайджанском политическом истеблишменте, интеллектуальных кругах и вообще во всем обществе. Здесь азербайджанцы демонстрируют не только поразительное единство взглядов, но и полное согласие с турецкими властями и большей частью общественности Турции.

Для интеллектуалов и политиков из Армении конфликт с азербайджанцами, в свою очередь, становится составной частью более широкого противостояния с турками, которых, по мнению Рональда Суни, можно обозначить как «традиционного врага» (Suny, 1997, p. 376). И это аскриптивное со стороны армян приписывание азербайджанцев и турков к одной нации или народу, становится еще одним ресурсом, поддерживающим концепцию, предложенную предыдущим президентом Азербайджана – «Одна нация – два государства».

В то же время, Карабахский конфликт (1988-1994 гг.) определяет не только отношения с соседней Арменией, но и атмосферу в самом Азербайджане. Все постсоветские годы этот конфликт был самым обсуждаемым и актуальным (подробнее о конфликте см.: Cornell, 2001, pp. 61-141; Waal, 2003, pp. 159-240; Shnirelmann, 2003, pp. 33-255; Waal, 2009). Армения – это не просто враждебная страна. Сами армяне в азербайджанском общественном дискурсе становятся еще и агентами реализации российской оккупационной и колониальной политик (имперской и советской). Азербайджанские историки обозначают большую часть территории этой соседней республики как «исторический Азербайджан».

Точно так же как значительную часть современного Ирана. Сложные отношения с Ираном в значительной степени определяет факт компактного проживания в этой стране многочисленного азербайджанского (азербайджано-язычного) населения (Shaffer, 2002, pp. 1-3). Территории северо-западного Ирана, т. е. пространство их преимущественного проживания также включаются в состав «исторического Азербайджана» (Rumyantsev, 2008, pp. 813-819; Румянцев, 2010, с. 438-439). Азербайджанцы, проживающие в Иране, воспринимаются как дискриминируемая этническая группа. Определенные опасения вызывает и возможный экспорт в светский Азербайджан радикального ислама шиитского

толка²⁷. В то же время, границы между странами открыты и в постсоветский период сложились интенсивные бизнес контакты (Юнусов, 2007, с. 60-86).

Наконец Грузия, часть территории которой также описывается азербайджанскими историками как область исторического Азербайджана, является стратегическим союзником. Возникающие проблемы (например, пограничные споры, вопросы положения азербайджанского меньшинства в этой соседней республике и пр.) не вызывают никаких серьезных противоречий или, тем более, конфликтов на государственном уровне. Подобные отношения, безусловно, устраивают обе стороны. Главный проект, который создает общность интересов – это нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, по которому азербайджанская нефть через Грузию экспортируется в Турцию и дальше.

Март 1918 года

Таков социально-политический контекст, конечно представленный здесь в самых общих моментах, в котором создаются учебники для средних школ. И далее я перейду уже к анализу самих текстов. Как выше уже говорилось, одним из важнейших мест памяти, актуализированным в годы независимости, стали мартовские события в Баку 1918 года. Эти события, связанные с борьбой за власть стали одними из наиболее кровавых за всю историю города. И это притом, что уже в начале XX века Баку зарекомендовал себя как город, в котором насилие стало составной частью повседневности. «Баку был городом насилия. Грабежи были обычным явлением. Серьезный же конфликт возник в двух формах – как классовый конфликт, воплощенный в рабочем движении, и как этнорелигиозный конфликт. Первый сделал Баку важным центром революционного движения в Империи. Последний сделал его одним из самых кровавых городов» (Altstadt-Mirhadi, 1986, p. 303-304).

Борьба за полный контроль над городом между большевиками, которым удалось заручиться поддержкой армянских националистов-дашнаков и тех, кого принято обозначать как мусульмане и/или мусаватисты, закончилась полным поражением последних. Поводом к давно назревавшему столкновению стало разоружение большевиками офицеров мусульман из «Дикой дивизии», которые после похорон сына Бакинского миллионера Гаджи Зейналабдина Тагиева, недолго прослужившего в той же воинской части, возвращались на корабле «Эвелина» в город Ленкорань. Силы были не равны и завершением мартовских уличных боев, сопровождавшихся значительными

²⁷ Тадеуш Светоховский указывает на то, что «в отношениях с другими мусульманскими народами Азербайджан особо подчеркивает самобытность азербайджанского ислама, стремясь тем самым эмансипироваться от зарубежных, в первую очередь иранских, религиозных центров. «Национальный ислам» видится как этап на долгом историческом пути освобождения от религиозного доминирования Ирана. Но в то же время в этой концепции подчеркивается необходимость единства шиитов и суннитов, а значит – отказ от любых конфронтационных, жестких или бескомпромиссных позиций» (Swietochowski, 2004, pp. 27). О том, какое место занимает ислам в учебниках для средних школ см.: Huseynova, 2008.

жертвами среди мирного мусульманского населения, стали еще и продолжительная резня и погромы в мусульманских кварталах города²⁸.

Следует заметить, что к моменту «мартовских дней» в Баку кровавые армяно-мусульманские столкновения на территории современных Армении и Азербайджана, как отмечает Светоховский, постоянно имели место (Swietochowski, 1985, p. 113). Видимо, эти столкновения были наиболее тяжелыми по своим последствиям. Однако, в целом, вписываются в ситуацию всеобщего противостояния, возникшего в ситуации коллапса имперских властей. Мусульмане-тюрки совершали нападения на русских про-большевистски настроенных солдат, возвращавшихся с Османского фронта, с целью захвата оружия. Столкновения между русскими-поселенцами и азербайджанцами имели место на Мугани и в других областях Азербайджана (Swietochowski, 1985, p. 112-114). Положение осложнялось вмешательством османских вооруженных сил, германским присутствием, а затем и вмешательством англичан. Шла борьба за власть, и политическое будущее региона было неясным.

К началу 1918 г. все стороны сделали ставку на вооруженный захват и удержание власти. Борьба за необходимый ресурс – оружие, заметно активизировавшаяся к этому моменту, демонстрирует эту единую для всех стратегию. Вооружиться и затем взять власть. Сама легитимность подобных действий только для тюрок – мусульман проистекает из концепта национального государства. Однако, к этому моменту ни одна из закавказских республик не была признана де-юре. Конкретно в случае с Азербайджаном, Баку, т. е. будущая столица, перешла под контроль мусаватистов только осенью 1918 года. После того, как в сентябре того же года город был взят османскими войсками. Но в тот момент турки еще расширяли пределы Османской (Туранской) империи, а не стремились создавать национальное государство азербайджанских тюрок²⁹.

Ретроспективно все происходящие в те годы события описываются как значимый период национальной истории азербайджанцев, армян или грузин. Эти модели историй напрямую ассоциируются с современными конфликтами, между уже признанными и состоявшимися независимыми национальными государствами. В 1918 году подобное политическое устройство было еще только предметом надежд и мечтаний местных националистов, и перед всеми участниками политического процесса на Южном Кавказе стоял, прежде всего,

²⁸ Факт того, что военные формирования, осуществлявшие в Баку погромы, состояли из этнических армян, сторонников партии «Дашнакцутюн» подтверждал в своих депешах в Москву и сам глава Бакинской коммуны Степан Шаумян (Шаумян, 1978, с. 463). Суни указывает на то, что «Диктатор Еревана, Арам Манукян, без колебаний применял насилие в отношении крестьян из числа мусульман. Примерно в то же время в Баку, армяне соединились с большевиками и другими советскими партиями с тем, чтобы предотвратить попытку мусульман установить контроль над городом. Армянские солдаты использовали эту возможность с тем, чтобы отплатить мусульманам за их раннее совершенную жестокость» (1993, p. 124).

²⁹ «Турки рассматривали Восточное Закавказье как часть создаваемой ими Туранской империи, в которую, кроме того, должны были войти Северный Кавказ, северная часть Персии и Туркестан» (Swietochowski, 1985, p. 130).

вопрос, захвата и удержания власти. В какой-то момент в Баку успешнее оказались большевики³⁰, поддержанные дашнаками. Затем тюрки-мусульмане, поддержанные османскими войсками. В конечном итоге возобладала власть советской России. И хоть столкновения в те годы, видимо, постоянно носили характер межэтнических или межконфессиональных, но они были частью большой гражданской войны.

Подобное восприятие событий самими современниками можно отчетливо увидеть, например, в Меморандуме, обращенном к державам Антанты и составленным одним из наиболее видных политических деятелей того периода Али Мардан-беком Топчибашевым. В годы АДР Топчибашев некоторое время занимал пост министра иностранных дел и представлял республику на Парижской мирной конференции (1919-1920 гг.). «Необходимо отметить, – пишет он в Меморандуме, – что Бакинский большевизм был составной частью русского большевизма: руководящую роль в нем играли русские рабочие, служащие, солдаты и моряки; во главе же находились армянин и грузин» (Топчибашев, 1993, с. 28). Армянин – это Степан Шаумян, чрезвычайный комиссар по делам Кавказа, с апреля 1918 председатель Бакинского СНК и комиссар по внешним делам. Грузин, соответственно, Прокофий (Алеша) Джапаридзе, председатель Исполкома Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов, а с апреля 1918 года еще и комиссар Внутренних дел Бакинского СНК. Джапаридзе входил в состав Комитета революционной обороны, руководившего подавлением, по устоявшемуся в советские годы обозначению, «контрреволюционного мусаватистского мятежа» в Баку, в марте 1918 г. Главой этого Комитета был Степан Шаумян.

Весной 1918 года ситуация быстро накалялась, и далее в Баку произошел инцидент, который впоследствии и описывался как стычка между офицерами «Дикой дивизии» и большевиками на корабле «Эвелина». Топчибашев так описывает это знаковое событие: «Выдвинув в качестве предлога факт перевозки небольшой группой мусульман оружия из Баку в Ленкорань, большевики потребовали немедленно сдать его, но, получив категорический отказ, сразу же открыли огонь из винтовок и пулеметов. В результате ожесточенной перестрелки с обеих сторон имелось множество убитых и раненых» (Топчибашев, 1993, с. 30). Далее события пошли по нарастающей и 17 марта 1918 г. «с обеих сторон началась стрельба». В конечном итоге из-за заметного перевеса сил на стороне большевиков, «начатая в Баку и продолжавшаяся четыре дня (с 18 по 22 марта сего года³¹) чудовищная по своей сути гражданская война³² привела к массовым грабегам и

³⁰ Бакинские комиссары поддерживались Москвой, а советское правительство, по сути, никогда не отказывалось от претензий на Баку. После взятия Баку в сентябре того же года турками нарком иностранных дел Г. В. Чичерин заявил, что Брестский договор между Турцией и Россией больше не считается действительным. Как показало будущее, альтернативной Советской России силы в тот момент в регионе не было (Киреев, 2007, с. 110-111, 448).

³¹ По старому стилю.

³² Выделено автором.

убийствам мирного мусульманского населения, санкционированным большевиками со свойственной только им ненавистью и инстинктом разрушения. И претворялось все это в жизнь с одной лишь целью – придти к власти» (Топчибашев, 1993, с. 30). Министр правительства АДР считал «мартовские события» гражданской войной. Это определение, в изложении Топчибашева, никак не противоречит и признанию того факта, что «неприглядную роль в этих событиях, повлекших за собой гибель мусульманского населения города, сыграло и непосредственное участие армянского элемента» (Топчибашев, 1993, с. 30).

Топчибашев еще раз задается вопросом: «Что же все-таки послужило причиной событий, произошедших в городе Баку? Желание ли армян наравне с большевиками обладать властью или же замешанное на национальной почве чувство мести, а может быть и хорошо организованное недовольство, вызванное прерванным движением поездов и возникшей в результате этого нехваткой продовольствия? Как бы то ни было, в течение тех четырех кошмарных дней, в результате неоднократных нападений, совершенных армянским населением города на мусульманские кварталы, погибло свыше 6 000 человек, среди которых было множество женщин, стариков и детей. Безусловно, историки в будущем раскроют всю правду о Бакинской трагедии, но уже сейчас мы можем с уверенностью утверждать, что армяне, проживающие за пределами Баку, резко осудили действия своих соотечественников» (Топчибашев, 1993, с. 31). Топчибашев, в принципе, не смог бы обозначить эти события как геноцид. В тот период этого понятия не было в международных законах. Однако из текста следует, что Топчибашев и не стремился приблизиться к столь резкой оценке. Произошедшее, по мнению этого авторитетного для своего времени политика, было гражданской войной, составной частью которой были и межэтнические столкновения. При этом виновны в них не столько армяне, сколько дашнаки и большевики, т. е. представители политических партий. Главным итогом мартовских событий он видит упрочение большевистского режима в городе.

Взгляд на события с противоположной стороны, т. е. со стороны тех, кто был наделен той самой только им свойственной *ненавистью и инстинктом разрушения*, позволит нам сравнить точки зрения современников и участников событий. Нариман Кербалай Наджафоглы Нариманов был видным деятелем прокоммунистической партии «Гуммет», и находился в Баку в момент «мартовских событий». Весной 1918 года он был комиссаром городского хозяйства Бакинского совнаркома. В отличие от расстрелянных 26 Бакинских комиссаров, в числе которых также был и другой азербайджанец – Мешади Азизбеков, ему удалось дожить до установления советской власти в Азербайджане и занимать важные позиции в большевистской иерархии. Стоит еще упомянуть, что после демонтажа памятников Джапаридзе и Азизбекову в апреле 2009 года, в Баку остался только один значительный монумент деятелю советской эпохи – Нариманову.

Нариманов, в свою очередь, не раз высказывался о событиях марта 1918 года. Главные виновники трагедии для него – это крупные промышленники³³ и сторонники партии «Мусават». Именно их он называет интриганам, горсточкой палачей, богачами, которые обманывают бедняков (Нариманов, 1989, с. 118-122). Нариманов также говорит о том, что борьба за установление советской власти переросла в национальные столкновения. Хотя в определении зачинщиков событий Нариманов и расходится с Топчибашевым. Но оба, при этом, называли произошедшее в Баку в марте 1918 года гражданской войной. «18 марта 1918 г. в Баку началась гражданская война и продолжалась четыре дня. Поводом для войны послужил провоз «дикий дивизией» оружия в Ленкорань. К этой войне готовились обе стороны» (Нариманов, 1925, с. 176).

В последующие годы Нариманов еще вернется к этой теме в своей докладной внутрипартийной записке, адресованной тогда уже генеральному секретарю ЦК РКП(б) Иосифу Сталину. В ней он вновь задается вопросом: «А что было в 18 году?». Из текста очевидно, что принцип применения насилия для захвата власти в городе и его окрестностях воспринимался как вполне оправданный. Проблема была только в том, что очевидного перевеса не имела ни одна из сторон. «В виду того, что наших сил было мало, в трудную минуту тов. Шаумян дал согласие армянской части выступить в защиту Советской власти. До 12 часов другого дня гражданская война шла правильно, но с 12 часов начинают ко мне поступать заявления о том, что война принимает характер национальной резни. Тут было очень много характерных сцен, о которых я умалчиваю» (Нариманов, 1990, с. 59). Правильная гражданская война – это вооруженная классовая борьба. Именно ее перерастание в резню – только этот аспект – меняет ситуацию.

Таким образом, сбылись его наихудшие опасения. «Наконец является ко мне депутация от мусульман и просят прекратить войну, признавая себя побежденными. Я сейчас же звоню тов. Джапаридзе. Он обещает послать депутатов. В это время дашнаки нападают на мою квартиру. Я скрываюсь. Уводят моего брата. Через час спасает меня с семьей тов. Шаумян от дашнаков, «защитников Советской власти». После этого три дня был кошмарный разгул озверевших дашнаков по городу Баку. В результате масса женщин-мусульманок с детьми оказались пленницами у дашнаков, т. е. у «защитников Советской власти...» (Нариманов, 1990, с. 59-60). Насилие, по мнению Нариманова (как, впрочем, и Топчибашева), было неизбежным злом, но его можно и нужно было ограничить классовыми столкновениями.

³³ Интересно как пересекаются эти мысли Нариманова с воспоминаниями о тех днях Банин (Ум-эль Бану), которая сама была внучкой двух крупнейших нефтепромышленников того времени, Муссы Нагиева и Шамси Асадуллаева. «По выражению некоего английского писателя, народ стал жертвой политических интриг. Представители самых высоких, ведущих слоев, независимо от национальностей, во время политической свары и погромов, поддерживали друг друга. Их объединяли общие интересы. А резню поочередно, в определенное время начинала та из сторон, которая на тот момент была сильнее и которой это было выгоднее. Если в Турции истреблялось и депортировалось христианское население (издержки Первой Мировой войны!), то в Азербайджане армяне убивали азербайджанцев. Русское правительство наблюдало эту трагедию со спокойным безразличием, придерживаясь политики «Разделяй и властвуй!». Оно давало возможность республикам обескровить друг друга» (Банин, 2006, с. 97-98).

Его воспоминания демонстрирует всю неоднозначность ситуации. Шаумян просит помощи у дашнаков, понимая, что это приведет к резне среди тюрок мусульман, и он же спасает соратника по партии³⁴.

Таковой представлялась ситуация политикам из разных политических лагерей того периода. В годы установления советской власти для этих событий прижилось обозначение – «Мартовские бои». Будет явным преувеличением считать, что это была тема-табу. Скорее речь идет об осторожной и идеологизированной интерпретации этих событий. Победители – большевики – выбрали единственную приемлемую для новой власти версию. В первом учебнике для средних школ по истории Азербайджана, можно встретить такое описание:

«Когда в Баку происходили бои между силами революции и контрреволюции, находившиеся в городе дашнакские отряды учиняли кровавую расправу над населением. Советские отряды решительно пресекли эти провокации дашнаков. <> В боях с мусаватистами особенно отличились красногвардейские отряды М. Мамедъярова и А. И. Микояна. В результате решительного натиска советских войск мусаватские банды были полностью разгромлены» (Сумбатзаде, др., 1960, с. 214-215).

Нарратив советской поры не утаивает факта резни. Этот текст демонстрирует специфику исторического знания – дело не в фактах, а в их интерпретации. Большое значение имеет и объем подачи материалов. И все же важнейшей стороной этих советских текстов является стремление избегать этнизации конфликта при интерпретации событий. Упомянуты только политические маркеры для всех активных акторов событий. Речь идет о политической борьбе за власть, которая переросла в «кровавую расправу». Позитивный образ, естественно, достается большевикам, которые пресекли эти расправы³⁵. Фактически, эта версия близка к той, которую считали «правильной» и сами участники событий.

³⁴ О взаимовыручке тех дней вспоминает и упоминавшаяся уже писательница Банин. «В четыре утра в парадную дверь начали так сильно стучать, что показалось, сейчас рухнет весь дом, а вместе с ним и все наши надежды. Вот они, дашнаки! Сейчас всех нас перережут!.. Отец взял револьвер и вышел из комнаты <> А мы готовились к смерти... Но, видно, несколько поторопились. Некоторое время спустя отец и Амина вернулись. С ними были наши соседи армяне, жившие напротив. Они пришли, чтобы предложить нам укрыться в своем доме. Там будет безопаснее. Что же нам оставалось? <> Хозяева встретили нас, окружив заботой. В тот момент это много стоило и было очень трогательно» (Банин, 2006, с. 98-99).

О подобных случаях упоминает и Манаф Сулейманов, в книге которого уже в поздние советские годы весьма подробно описывались ужасы мартовской резни в Баку. «Одна из дочерей Гаджи Зейналабдина Тагиева так вспоминает о тех днях: «Когда началась перестрелка, армянский миллионер Меликов прислал за нами своего сына – Жоржа Меликова. Жорж заторопил отца: «Гаджи, наши все за вас очень беспокоятся. Отец наказал – пусть немедленно собираются и едут к нам. Машина внизу... Поедем! Я уже перевез несколько семейств». <> «Жорж Меликов спас в ту ночь 15 семейств состоятельных мусульман. Он носился под градом пуль по улицам Баку, перевозя в дом отца перепуганных женщин, детей, стариков. Те жили у Меликовых, пока не стало более безопасно». Анастас Микоян в своих воспоминаниях пишет, что в эти же дни Степан Шаумян с предосторожностями перевез к себе семьи Наримана Нариманова и Мешадибека Азизбекова, две недели прятал их от дашнаков» (Сулейманов, 1990, с. 214-215).

³⁵ Здесь имеет смысл привести цитату из постсоветской академической монографии, с многозначительным названием «Лицо Врага». Подчеркну, что автора трудно заподозрить к симпатиям в отношении большевиков.

И хотя за весь советский период этот канонический вариант подачи мартовских событий мало изменялся, однако, в последнем варианте учебника по истории Азербайджанской ССР, уже содержатся и некоторые этнические маркеры:

«В мартовские дни, когда решались судьбы советской власти в Баку, бакинские рабочие всех национальностей – азербайджанцы, русские, армяне и др. – плечом к плечу мужественно сражались против контрреволюции. <> В дни мартовских боев дашнаки, стремясь превратить классовые бои в межнациональные столкновения, стали грабить и убивать азербайджанское население. Но советские войска дали отпор провокациям дашнаков» (Гулиев, 1986, с. 80).

Это все та же классовая борьба за власть, которую только буржуазные националисты-дашнаки – стремились превратить в национальную. В этой версии более четко проводится идея советского интернационализма, который мог наблюдать любой школьник-бакинец, в городе в конце 1970-80-х гг., когда межэтнические конфликты были сведены к минимуму (Румянцев, 2008, с. 243-248). Советская власть уже давно воспринималась в качестве единственной легитимной. Борьба против нее, таким образом, становилась по определению нелегитимной. Этот нарратив сопровождал социализацию подростков в советском Баку. В 1950-70-е годы было уже трудно представить, что в 1918 году город представлял собой арену жестоких столкновений и погромов. В принципе, учебный исторический нарратив обслуживал советскую версию интернационализма или «дружбы народов», которая на протяжении многих лет демонстрировала свою эффективность.

И здесь следует понимать, что само знание о характере этих столкновений в определенной степени было доступно и в советские годы, когда любой специалист, как, впрочем, и любопытный обыватель, мог ознакомиться, по крайней мере, с некоторыми мемуарами участников событий. Но эти тексты, видимо, мало кого интересовали в ситуации отсутствия политического запроса. В условиях советского времени отсутствовал прямой запрос на актуализацию этих событий, тем более в контексте межэтнических конфликтов. А сами исследовательские работы (кандидатские и докторские) были ориентированы на те темы, которые были затребованы властью. Таким образом, мартовские события, как их нередко оценивали современники, или бои в советском варианте были не столько темой табу, сколько историческим эпизодом, уже получившим свою каноническую оценку. О них вспоминали, но воспоминания эти были четко дозированы. Для карьерного роста в области

«19 марта представители азербайджанского населения обратились к Бакинскому Совету, лично к Шаумяну, с просьбой прекратить избиение беззащитных мусульман, вывесив белые флаги в знак полной капитуляции. Однако погромы и убийства азербайджанцев продолжались до 21 марта включительно. Конец массовому террору положило лишь решительное вмешательство Джапаридзе, которого поддержали категорические требования 36 Туркестанского полка и угрозы российских моряков – каспийцев выйти в противном случае из подчинения Бакинскому Совету. Газета «Азербайджан» впоследствии по этому поводу писала: «До 21 марта истребляли мусульман и прекратили избиение уже после требования 36 Туркестанского полка вмешательства Джапаридзе, председателя исполнительного комитета, военные пароходы «Ардаган» и «Красноводск» подошли к восточным пристаням и пригрозили открыть стрельбу из пушек по армянской части города, если не прекратится резня мусульман» (Наджафов, 1994, с. 67)

науки тема эта не могла быть популярной, а потому и не интересовала историков-специалистов.

Вслед за распадом СССР только действия мусаватистов тюрков-мусульман начинают рассматриваться как исключительно легитимные. В этом свете уже выступление большевиков – это борьба с единственной легитимной властью мусаватистов. В ситуации нарастающего Карабахского конфликта актуализируется образ врага и мартовские события становятся одними из самых востребованных не только в специализированных исторических текстах, но и в дилетантских работах, так или иначе, но затрагивающих тему нового армяно-азербайджанского противостояния.

Официальная версия событий получает окончательное оформление в 1998 году, когда по указу президента Гейдара Алиева «мартовские бои» признаны геноцидом. Эта интерпретация событий затем появляется и в текстах, разработанных для школ. В учебнике для первого года обучения истории рассказ построен вокруг разговора 10-15 азербайджанцев. Высказывание одного из них показалось недостаточно радикальным для другого и тот произносит следующую тираду:

*«Один из молодых людей сердито перебил говорящего: - Разве можно терпеть, видя, как армянские отряды снуют по городу и делают все, что хотят? На твоей же земле тебя разоружает армянское правительство и готовится уничтожить весь народ. Как это можно назвать? Говоривший до этого мужчина, отвечая на вопрос молодого человека, сказал: – Это геноцид. Если правительство сознательно уничтожает народ, проживающий на своей территории, это называют **геноцидом**. Они хотят с корнями уничтожить наш народ» (Махмудлу, др., 2003, с. 201-202).*

Таким образом, в постсоветской официальной версии Бакинская Коммуна Большевиков трансформируется в армянское правительство, а гражданская война или «мартовские бои» – в геноцид.

Эта тема вновь возникает на страницах учебника для 11 класса, в котором для рассказа о них отводится второй параграф: «Геноцид азербайджанцев в марте 1918 года». В этом тексте воспроизводится во многом уже знакомый нам дискурс. «Заявив на состоявшемся 15 марта заседании Бакинского Совета о том, что «Бакинский Совет должен стать главным оплотом гражданской войны на Южном Кавказе», Шаумян, по существу, дал указание о начале геноцида азербайджанцев» (Гафаров, 2002, с. 11). Нариманов предстает в образе возмущенного патриота, указывающего на то, что армяне-дашнаки «не щадят не только мужчин, но и беременных женщин» (Гафаров, 2002, с. 13). Конечным результатом событий, по мнению авторов, стало истребление азербайджанцев на значительной территории, а не только в Баку. «В результате мартовского геноцида только в Баку было убито более 12 000 человек. Зверства большевистско-дашнакских объединений распространялись и за пределами Баку. Они продолжали истреблять азербайджанцев в Губинском, Сальянском, Ленкоранском уездах. Дашнакские группы под руководством С. Лалаяна и Т. Амирова с 3-го по 16-ое апреля совершили кровавые злодеяния против мирного населения Шемахи. <> В Бакинской губернии геноцид мусульман (азербайджанцев) продолжался до середины 1918

г. За это время было убито свыше 20 000 азербайджанцев» (Гафаров, 2002, с. 14-15). Довершает рассказ полный текст «Указа Президента Азербайджанской Республики «О геноциде азербайджанцев». Таким образом, события марта 1918 года вновь перестают быть предметом дискуссии. Вновь становятся официальной и единственно допустимой интерпретацией. В контексте данной статьи важно подчеркнуть, что события марта 1918 года в постсоветский период начинают играть важную роль в формировании «образа врага». Этим врагом в 1918 году были армяне, и, по версии авторов учебников, вражда протянулась через XX век до современного противостояния с Арменией.

Сентябрь 1918 года

Продолжение этих событий, напротив, уже сочетается с рассказом о дружеских, «братских» отношениях Азербайджана и Османской Турции. 15 сентября Баку переходит под управление османскими войсками и формирующейся азербайджанской администрации и армии. И вновь мы видим разные интерпретации одного события. Для объединенных османско-азербайджанских сил под командованием турецких генералов речь, безусловно, шла об освобождении города. Однако в процессе освобождения города произошли погромы и резня уже в армянской его части (Swietochowski, 1985, pp. 135-139).

Через несколько дней после того, как Баку перешел под управление османской армией, на страницах правительственной газеты «Азербайджан» (АДР) пока еще из Гянджи появлялись статьи следующего содержания:

«Баку пал. Вместе с Баку пал последний в Закавказье оплот чужого добра, которое под флагом, якобы, социализма преобразуясь сегодня в большевиков, завтра в меньшевиков, а то просто в черносотенцев, творили разные гнусности над местным населением, над законными владельцами края, и под конец подкупленные англичанами вздумали сделать все Закавказье ареной кровавых боев в большом масштабе. <> Все эти Джапаридзе, Наримановы, Айоллы и пр. являлись янычарами дашнакцаканов, которые свою деятельность довели до высшего апогея беззастенчивости и нахальства. Если кровь десятков тысяч мусульманского населения Баку, Шемахи, Ленкорани, Кубы и Дагестана, пролитая «красной социалистической армией», если все эти груды развалин не послужили достаточным поводом для убежденных социалистов <>. Пора одуматься. В воззвании Нури паши к азербайджанским армянам затрагивается тот больной вопрос, который сыграл и продолжает, к сожалению, играть самую отрицательную роль в истории мирного сожительства кавказских народов. <> Какова была роль армянских войсковых частей и партии «Дашнакцутюн» в бакинских событиях, всем известно...»³⁶

Использование обозначения – «Баку пал» – не должно вводить нас в заблуждение. Речь идет о событии, осмысливаемом победителями как освобождение города, «естественной столицы Азербайджана». Деятели Османской Турции и АДР спешили поздравить друг друга. «Взятие Баку подняло здесь дух [писал из Баку Расулзаде – И. А.]. Два раза

³⁶ Здесь я по возможности сохраняю правописание оригинала. Газета «Азербайджан» Четверг, 19 сентября 1918 г. № 2 стр. 2.

праздновали. <> Энвер-паша о взятии Баку известил в вечер праздника по телефону. Тотчас я оправился к нему. Обнимались, целовались, праздновали» (Донесение и т. д., 1998, с. 79).

Стремившиеся к власти националисты не отрицали в 1918 году, что при взятии Баку, пострадала теперь уже армянская община города. Об этом упоминает, например, первый премьер-министр АДР Фатали Хан Хойский, который в июне 1920 года был убит в Тифлисе армянскими террористами, как раз за «Бакинскую резню». На первом заседании парламента АДР Хойский говорил:

«При взятии города имели место случаи проявления мести и эксцессов в первые 2-3 дня. Этого правительство не скрывает, но размер этих преступлений сильно преувеличен враждебными элементами страны. В городе, который находился три месяца в осаде, и в котором были учинены над мусульманами небывалые зверства, можно ли было предупредить при взятии разные эксцессы и не дать разгореться страстям? И в состоянии ли было правительство, даже более сильное, предупредить все, что совершилось? Правительство сделало то, что наказало виновников преступления: больше ста мусульман были повешены и расстреляны» (Азербайджанская Демократическая Республика, 1998, с. 33).

В этой речи нельзя не заметить сходства с большевистскими попытками «оправдания» и стремления дистанцироваться от событий³⁷. Точно так же и большевики пошли на вынужденные меры, когда боролись за власть в Баку. В то же время Хойский говорит и о власти закона, перед которым виновные понесли заслуженное наказание. Впрочем, установить власть АДР надолго не удалось, и в апреле 1920 года в Баку вошли уже советские войска. Новая власть предложила свою версию событий.

В советской интерпретации события сентября 1918 года были «захватом Баку иностранными интервентами». В учебнике можно встретить упоминания о героической обороне города отрядами большевиков. Однако «15 сентября турецкие интервенты ворвались в Баку. При помощи турецких штыков к власти в Азербайджане пришли злейшие враги азербайджанского народа – мусаватисты» (Гулиев, 1986, с. 93). Как и в случае с «мартовскими боями», врагами вновь становятся мусаватисты, к которым добавляются еще и интервенты-турки. Однако в отличие от упоминания о резне, учиненной дашнаками в марте 1918 года, в советском учебнике о погромах армян после взятия города в сентябре 1918 года нет упоминания. Учебник по истории Азербайджана хоть и был советским, но разрабатывался в самой республике и здесь мы, видимо, можем наблюдать влияние на содержание нарратива еще и местной власти.

³⁷ Постсоветские азербайджанские историки, признающие факт погромов среди армянского населения города, винят в них все того же Шаумяна. «Отказ Шаумяна от капитуляции на данном этапе [конец июля 1918 г. — И. А.], равно как и его отказ от вхождения в широкую коалицию из партий, входящих в Баксовет, сорвал возможность мирного перехода власти в руки правительства АДР и впоследствии привел к многочисленным жертвам среди мирного (на этот раз армянского) населения в ходе штурма Баку турецко-азербайджанскими силами 14-16 сентября» (Мустафа-заде, 2006, с. 29, 41). Однако из слов Хойского следует, что «эксцессы» были неизбежны. Кроме того, к моменту взятия города Шаумян уже полтора месяца как был отстранен от власти.

Наконец, постсоветский учебник предлагает еще одну интерпретацию событий, в которой важная роль отводится азербайджанской армии. Авторы говорят о военном альянсе азербайджанско-турецких войск, которым противостоял «Армянский национальный совет». Враг получает по заслугам, взятие Баку – это великая победа. Наступил «решающий бой» и юный читатель узнает, что:

«15 сентября азербайджанская армия вошла в Баку. В тот же день в Баку вступили и турецкие войска под командованием Нуру паши. Азербайджанское население встретило их с радостью, как освободителей. Турецкая армия оказала большую помощь в защите территориальной целостности и независимости Азербайджана, потеряв при этом 1100 солдат и 30 офицеров. Спустя два дня, 17 сентября, национальное правительство переехало из Гянджи в Баку. В Баку Азербайджанское правительство выступило с заявлением о том, что государство обеспечивает защиту жизни, имущества и прав граждан» (Гафаров и др., 2002, с. 31-32).

О последовавших вслед за взятием Баку событиях авторы вновь умалчивают. Это рассказ о том, как «мы» дружили и героически воевали плечом к плечу с турками, с «нашими» общими врагами – армянами. Конечно, эти события действительно имели место. Однако, в реальности, они носили куда более сложный и неоднозначный характер. Та же версия, которая представлена в учебниках, – это, скорее, миф, сконструированный из тщательно отобранных и не менее тщательно забытых событий, которые интерпретируются в соответствии с идеологией коллективной дружбы или вражды. Турки теперь уже только помогают азербайджанской армии, а не стремятся к созданию новой империи. Взятие Баку – это торжество справедливой и демократической (в современном духе) власти, персонифицированной в деятелях АДР. В конечном итоге это воспитательный пример совместной победы азербайджанцев и турков над общим врагом.

Заключение

Таким образом, мы видим, как советская и постсоветская власть конструирует различные нарративы и мифы, формирует исторические дискурсы, в которых «мы» – всегда идеальные герои, «они» – всегда жестокие и коварные враги. Традиция тщательного отбора фактов (и /или мифов) и их идеологическая интерпретация, выработка единственной признаваемой официально версии нарратива, концентрация внимания на военно-политических событиях, в ущерб другим темам, проходит через всю историю конструирования учебных текстов по Истории Азербайджана. И было бы преувеличением утверждать, что мы имеем дело только с наследием советской традиции конструирования исторического нарратива. В этой традиции, безусловно, многое связано и с национализмом, в век которого мы все еще живем.

Описанные традиции конструирования исторических нарративов в Азербайджане не следует считать исключением из правил. Однако, анализируя конкретный кейс, имеет смысл задуматься и о связанных именно с ним актуальных вопросах. Как принимаются решения, что ученику школы можно знать, а чего знать не следует? Ведь наивно думать, что

профессиональные историки ничего не знают о тех «неудобных событиях», о которых они «забывают» упомянуть. Почему опыт деконструкции советских исторических мифов, которым так упивались историки в момент распада СССР, не помешал конструированию «новых» дискурсов и нарративов, удивительно схожих с советскими?

Наконец, от великого множества важных вопросов стоит вернуться к тому, который уже был сформулирован Марком Блоком: Что такое история? История – это идеология, которая как девица легкого поведения может обслуживать самые разные политические проекты: советский, любой другой тоталитарный, авторитарный, или демократический. Или все же история может помочь в понимании, что взаимная вражда, жестокость и ненависть обходится нам много дороже, чем самый захудалый мир? Если верно второе, то мы, безусловно, нуждаемся в выходе за границы историко-политических мифов.

Библиография

Altstadt A., 1992. *The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule*. Stanford, California: Hoover Institution Press.

Altstadt-Mirhadi A., 1986. Baku: Transformation of a Muslim Town. In: M. F. Hamm, ed., *The City in Late Imperial Russia*. Bloomington: Indiana University Press.

Anderson B., 1998. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London & New York: Verso.

Baberowski J., 2003. *Der Feind ist Überal: Stalinismus im Kaukasus*. München: Deutsche Verlags-Anstalt.

Brubaker R., 2000. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Brubaker R., 1998. Myth and Misconceptions in the Study of Nationalism. In: Hall J.-A., ed., *The State of the Nation: Ernest Gellner and the Theory of Nationalism*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 272-306.

Cornell S., 2001. *Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus*. Richmond: Curzon.

Fairclough N., ed., 2007. *Discourse and Contemporary Social Change*. Peter Lang: Bern.

Fitzpatrick S., 2005. *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia*. Princeton University Press: Princeton and Oxford.

Gellner E., 1983. *Nations and Nationalism*. Ithaca & New York: Cornell University Press.

Huseynova S., 2008. Presentation of Islam in Secondary Secular Schools in Contemporary Azerbaijan. *Internationale Schulbuchforschung*, 4, Vol. 30. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, pp. 841-854.

Renan E., 1996. What is a Nation? In: Geoff E. & Suny R.-G., eds., *Becoming National. A Reader*. New-York and Oxford: Oxford University Press, pp. 42-56.

Rumyantsev S., 2008. "Ethnic Territories" Presentation Practices in the Historical Textbooks in Post-Soviet Azerbaijan and Georgia. *Internationale Schulbuchforschung*, 4, Vol. 30. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, pp. 811-824.

Sargent L., 2010. The Armeno-Tatar War in the South Caucasus, 1905-1906: Multiple Causes, Interpreted Meanings. *Ab Imperio*, 4, Kazan' (Russia), pp. 143-169.

Schwartz D., 1994. Introduction. In: *Nationalism and History: The Politics of Nation Building in Post-Soviet Armenia, Azerbaijan and Georgia*. Toronto: University of Toronto Press, pp. 1-11.

Shaffer B., 2002. *Borders and Brethren: Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity*. Harvard: The MIT Press.

Slezkine Y., 1996. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. In: Geoff E. & Suny R.-G., eds., *Becoming National. A Reader*. New-York and Oxford: Oxford University Press, pp. 202-238.

Smith G., Law V., Wilson A., Bohr A., Allworth E., 1998. *Nation-Building in the Post-Soviet Borderlands: The Politics of National Identities*. Cambridge: Cambridge University Press.

Suny R.-G., 1993. *Looking toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.

Suny R.-G., 1997. Soviet Armenia. In: Hovannisian R.-G., ed., *The Armenian People from Ancient to Modern Times*. New-York: St. Martin's Press, pp. 347-388.

Swietochowski T., 1985. *Russian Azerbaijan, 1905-1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community*. Cambridge: Cambridge University Press.

Swietochowski T., 1995. *Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition*. New-York: Columbia University Press.

Swietochowski T., 2004. Islam i Natsionalnoye Samosoznaniye na Pogranichnykh Territoriyakh: Azerbaydzhan. In: *Religii i Politika na Kavkaze*. Yerevan, pp. 8-30.

Waal de T., 2003. *Black Garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War*. New York & London: New York University Press.

Waal de T., 2009. The Karabakh Trap: Dangers and Dilemmas of the Nagorny Karabakh Conflict. *Conciliation Resources*, London.

Foucault M., 2004. *Arkheologiya Znaniya*. SPb: Gumanitarnaya Akademiya.

Абдуллаев О., 2011. Азербайджан-2009: основные тенденции общественно-политического и социально-экономического развития. В: Исхандарян А., ред., *Кавказ-2009*. Ереван: Института Кавказа, с. 9-22.

1998. *Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент. (Стенографические отчеты)*. Баку: «Азербайджан».

Баберовски Й., 2004. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828-1914 годы. В: Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., ред., *Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань: Новое Издательство, с. 307-352.

Банин Ум-эль Бану, 2006. *Кавказские дни*. Баку: «Кавказ».

1998. Донесение председателя азербайджанской делегации в Стамбуле М. Э. Расулзаде председателю Совета Министров Азербайджанской Республики Ф. Х. Хойскому и Министру Иностраннных Дел М. Г. Гаджинскому. Стамбул. В: *Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Внешняя политика (документы и материалы)*. Баку: «Азербайджан».

Гафаров Т., Мамедов И., Мамедов Х, др., 2002. *История Азербайджана. Учебник для 11 класса общеобразовательной школы*. Баку: Чашыоглу.

Гулиев А., Мамедов Е., Рагимов К., 1986. *История Азербайджана. Учебник для 9-10 классов средней школы*. Баку: «Маариф».

Киреев Н., 2007. *История Турции. XX век*. Москва: Kraft+iv Ran.

Мамудлу Я., Халилов Р., Агаев С., 2003. *Отечество. Учебник для 5 класса*. Баку: Тахсил.

Наджафов В., 1994. *Лицо врага. История армянского национализма в Закавказье в конце XIX – начале XX века. Часть II*. Баку: Шярг-Гярб.

Нариманов Н., 1989. Из статьи «Баку 1 апреля». *Избранные произведения в трех томах. Том II, 1918-1921*. Баку: «Азербайджан».

Нариманов Н., 1925. *С каким лозунгом мы идем на Кавказ*. Москва: Центральное издательство народов СССР.

Нариманов Н., 1990. *К истории нашей революции в окраинах*. Баку: Типография АН Азербайджанской ССР.

Мустафа-заде Р., 2006. *Две республики: азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг.* Москва: МИК.

Румянцев С., 2008. Нефть и овцы: из истории трансформации города Баку из столицы в столицу. В: Мелерус Н., ред., *P.S. Ландшафты: оптики городских исследований*. Вильнус: Издательство Европейского Гуманитарного Университета, с. 228-266.

Румянцев С., 2010. Национализм и конструирование карт «исторических территорий»: Обучение национальным историям в странах Южного Кавказа. *Ab Imperio*, 4, Казань, с. 415-461.

Шнирельман В., 2000. Ценность прошлого: этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика. В: Олкотт М., Малашенко А., ред., *Реальность этнических мифов*. Москва: Гендальф, с. 12-33.

Шнирельман В., 2003. *Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье*. Москва: ИКЦ «Академкнига».

Шаумян С., 1978. *Избранные произведения*. Том II. Москва: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Сулейманов М., 1990. *Дни минувшие...* Баку: Азернешр.

Сумбатзаде А., Ибрагимов З., Хусейнов И., 1960. *История Азербайджана. Учебное пособие для средней школы*. Баку: Азернешр.

Топчибашев А., 1993. *Меморандум, предъявленный находящимся в Константинополе почетным представителям держав Антанты, членам правительства Азербайджанской республики, чрезвычайным министром – посланником при правительствах Блистательной Порты, Армении и Грузии Али Мардан-беком Топчибачевым (ноябрь 1918 г.)*. Баку, изд. «Азербайджан».

Волхонский М., Муханов В., 2007. *По следам Азербайджанской Демократической Республики*. Москва: Европа.

Юнусов А., 2007. *Азербайджан в начале ххi: конфликты и потенциальные угрозы*. Баку: Адильоглу.

The Republic of Armenia's Neighbours in the Late 19th and Early 20th Centuries in Contemporary World History Textbooks

Satenik Mkrtchyan

Introduction

In one of his books, Ferro states: “Our images of other people, or of ourselves for the matter, reflect the history we are taught as children. Its representation, which is for each one of us a discovery of the world, of the past as societies, embraces all our passing or permanent opinions, so that the traces of our first questioning, our first emotions, remain indelible” (2003, p. ix). Within the structure of any school, the textbook seems to be one of the most influential tools, serving as a basis for the teacher to organize the education and discipline of the students. Moreover, the textbook can perhaps be seen as a more “regularized and controlled” tool for the state. This is true especially for post-Soviet countries. Most of them still sustain the tradition of teaching one approved version of a history textbook within the schools; hence, many teachers base their classes predominantly on this textbook.

An analysis of textbooks can provide the “official view” that the state tries to impose upon citizens from the early period of their life (Shnirelman, 2003, p. 14). This becomes an even more topical issue in states that have had recent histories of conflict and disputes with other states. From this point of view, Luboš Veselý's (2008) edited volume, which presents work on images of “self” and “others” in national history textbooks of the three South Caucasus republics, is quite useful. Many other studies about post-Soviet countries' history textbook narratives have also been done (Ferro, 2003; Shnirelman, 2003; Aymermaher K. & Bordyugov G., ed., 1999; CIMERA, 2007; Rumyantsev, 2008; etc.). However, these authors mostly focus on national history textbooks and teaching from the point of view of “us” and “others” (or “enemies”), while classes of world history explore the rise and fall of nations and empires, migrations, inventions, laws and political institutions (Sewal, 2004, p. 8). From this point of view, it is also important to grasp the textbook's coverage of neighboring countries beyond the context of otherness or enmity, looking also at the regional and world environment in the context of “neighborhood”. The article aims to present the issue of representation of Armenia's neighboring countries and their nations – Azerbaijan (Azerbaijanis), Georgia (Georgians), Iran (Iranians or Persians), Turkey (Turks) – in the narratives of the current world history textbooks of Armenia during the late 19th and early 20th centuries.

The article analyzes this historical period as presented in Armenian textbooks taught in the eighth, ninth and eleventh grades (the Ministry of Education and Sciences (MoE) approves one version for each class). It focuses on representations of and narratives about Armenia's four neighboring countries: Azerbaijan, Georgia, the Republic of Turkey and Islamic Republic of Iran. The article will also consider the extent to which the view in school textbooks fits with Armenia's

official foreign policy priorities as reflected in the country's National Security Strategy. Parallel reviews of Armenian history textbooks will aim to produce a more comprehensive picture.

The textbooks have been analyzed using both qualitative and quantitative measures according to UNESCO's Textbook Research and Revision Guidebook methodology. Quantitatively, we have calculated how much of the text is allotted to a country (or nation), which can show where the emphasis lies (Pingel, 2010, p. 66). Qualitatively, we have examined the messages that the textbooks transmit (Pingel, 2010, p. 66). A linguistic investigation has also been conducted to understand how messages are characterized and transmitted. In addition, we have analyzed how the text portrays facts, events, persons and processes.

Background

Starting from the sixth grade, Armenian public schools use one world history textbook for each grade, which the Ministry of Education (MoE) approved in the 2010-2011 academic year.

Separate textbooks are currently used to teach Armenian history and world history. Starting from the sixth grade, thirty-four hours are allocated annually for world history classes in schools, while twice as much time is spent on Armenian history classes. In 2001 an experimental textbook entitled "Armenian History in the Context of World History" was published as a joint narrative of both subjects. The MoE soon returned to the previous format of teaching these two subjects with separate textbooks. However, the idea of integrating global (world) and local (Armenian) histories has remained in state programs. Particularly, the "National Standard for World History" says: "Processes of Armenian and world history should be analyzed and presented in historical integrity within one united conceptual framework. However, this approach does not contradict the practice of teaching each subject in a different course" (National Standard, 2009). The structure of world history textbooks reflects this perspective. For example, the ninth grade textbook includes text about Armenia (and Armenians) as related to the broader global theme at a particular time. This section is printed in a smaller font size and presented separately from the main text.

Before analyzing related texts, it is also important to discuss how the state decides which elements of world history to teach. The National Standard says: "It is necessary to mainly focus on the nations and societies that are in the spotlight during the given phase of history. Meanwhile, we should also address the history of neighboring nations and states" (2009). The teaching aims emphasize the need for "introducing respect for historical and cultural traditions of different people in the world into the minds of students" (National Standard, 2009). The same text advocates for "considering the Armenian world as a unique, world, lying between different civilizations, which has participated in the key processes of world history" (2009).

Soviet to Post-Soviet Historiography Shifts

In general, historians, historical narratives, and cases of use and abuse of history have played important roles in the process of Soviet collapse and the formation of independent republics. Correspondingly, historiography was one of the first disciplines to react to, undergo, and in some cases, initiate changes. In the long run, this process has correspondingly impacted school history textbooks. One of the main avenues for shifting focus in Armenia included a ‘Gharabaghization’ of the history, as Iskandaryan and Harutyunyan mention (1999, p. 147-160). Another major revision concerned the idea and the period of the First Democratic Republic of Armenia (from 1918 to 1921). Its thorough and objective research was absent during the Soviet period because discussions of the period and the First Republic were either taboo or were replaced with several unconvincing and negative clichés (Harutyunyan, 2004).

Post-Soviet historiography moved from demonization towards idealization of these periods of history, resulting in diametrically opposed views on them (Harutyunyan, 2004, p. 63). This change is evident when comparing the narratives of the Soviet and post-Soviet textbooks. “Friendship (or brotherhood) of nations” is another “revised” concept within the wider shifts of historiography, which are also closely tied to ethno-political conflicts in the region. The textbooks of the newly independent republics also reflect this. Above I discuss the tendency for increased focus on Armenia-Azerbaijan historical relations. In a recent article, Minasyan speaks about “black spots concerning relations between Armenia and its neighbours”. He refers to how Russia, considered a taboo in Soviet times, recently began to be included in newly published works; these include studies dedicated to the history of Armenian-Georgian relations, as well as new works researching relations between Bolshevik Russia and Qemalist Turkey of the 1920s and several aspects regarding their impact on the development of Armenia. Later he also adds that new studies have provided fresh insights into the historical relations between Armenia and Iran (Persia), Byzantium and other countries without the “ideological enmity” and political restrictions of the Soviet period. Armenia’s independence brought about new progress in the research of the Armenian Genocide in Ottoman Turkey beyond the work of the more recent decades of Soviet times (Minasyan, 2009, p. 12).

Authors and their professional backgrounds have significantly defined the character of the shift of historiography and history textbook writing within post-Soviet realities. Zolyan and Zakaryan mention two main trends. First, the majority of historians writing textbooks represent middle and older generations who seek to preserve continuity in relation to the Soviet-era Armenian historiography (which, in turn, was based in many respects on the achievements of the pre-Soviet Armenology). Secondly, the authors of the textbooks are also leading scholars at the Academy of Sciences. This makes it possible to minimize the distance between the textbooks’ more ideology-based discourse and the comparatively more neutral academic historiographical discourse (Zolyan & Zakaryan, 2008, p. 16). The same is true for the textbooks of world history presented here, with two editors-in-chief representing the Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Armenia and Yerevan State University.

Georgia and Georgians; Azerbaijan and Azerbaijanis

Quantitative measures: The narrative in the textbooks does not contain the terms “Georgian” or “Azerbaijani” (in terms of ethnic group or people). Instead, they speak about Georgia and Azerbaijan. Out of the three textbooks analyzed, only two mentions Georgia a total of three times: once in the ninth grade textbook and twice in the eleventh grade textbook. Azerbaijan is mentioned once each in the ninth and eleventh grade textbooks.

The *linguistic dimension* of the analysis shows that the narrative has a precise style, and the authors do not use any attributes regarding the countries or people.

What the text tells us: Within its discussion of the foundation of the USSR (1922-1939), the ninth grade textbook uses a smaller font size text to state: “the Transcaucasian Federation consisting of Armenia, Georgia, and Azerbaijan was formed in 1922...” (Stepanyan, ed., 2008, p. 46). Usually the smaller font size text is used for the Armenia-related texts in the eighth and ninth grade textbooks.

One can find a slight reference to Georgia in the ninth grade textbook under the “Aims of World War I participants” sub-theme, which discusses the goal of the “Ottoman rule”. The textbook argues that the Ottoman Empire sought to “disunite Russia, conquering Eastern Armenia, Georgia, the whole Caucasus, Crimea, and Middle Asia from Russia and Iranian Atrpatakan from Iran” (Stepanyan, ed., 2008, p. 24). The same text has another similar reference to Georgia when speaking about the defeat of the Quadruple Alliance: “As a result of loss and revolutions, the four empires – Russian, German, Ottoman, and Austro-Hungarian — collapsed. This brought about the formation of new states: Poland, Latvia, Finland, Lithuania, Estonia, Yugoslavia, Austria, Hungary, Armenia, Georgia, and Azerbaijan” (p. 24).

Even a quick look at the results of textbook reviews shows that Georgia and Azerbaijan are rarely presented in the context of world history. While the Armenian history textbooks chronologically run parallel to those on world history, they also provide narratives of neighbouring countries, with their main focus on Georgia and Azerbaijan. Thus, textbooks of Armenian history (2008, 2005, 1996), in the framework of the First Republic of Armenia (1918), also speak about Georgian and Azerbaijani Republics in the context of foreign relations. Particularly, the textbook (2008) offers students an introductory text including statements with a friendly attitude towards Georgia and Georgian people. The “establishment of good-neighbourly relations with direct neighbours, Turkey, Georgia, Azerbaijan, and Persia”, is also presented as one of the directions of foreign policy of the Republic of Armenia. A “friendly” country, second only after Iran among the neighbours, Georgia is discussed as a country that helped Armenia to be linked to the rest of the world, especially through trade. Further passages assess the relationship between Armenians and Georgians prior to the given period as “friendly and...positive”, and stress their “joint struggle against alien conquerors”. This also aligns with the broader recognition of Georgia as a neighbour, declared in the National Security Strategy of the Republic of Armenia (approved in 2007). The Strategy begins with the following passage: “The relations between Armenia and

Georgia have traditionally been friendly and significantly facilitating the maintenance of stability in the region” (National Security Standard, 2007).

Right after the subchapter about the relations of the First Republic of Armenia with Georgia, the Armenian history textbook currently taught in schools speaks about Armenia-Azerbaijan relations. The textbook says: “The relations with Azerbaijan were much more complicated, with especially acute and continuous borderline territorial disputes” (Barkhudaryan, 2008, p. 25). According to Zolyan and Zakaryan, the Armenian history textbook describes events around Nagorno-Karabakh in 1918, emphasizing the British decision to establish the Azerbaijani Governor-General’s administration on this territory. Moreover, the decision to hand Karabakh over to Azerbaijan in 1921 was assigned to the Soviet leaders³⁸ (Vesley, ed., 2008, p. 26). Zolyan and Zakaryan, in their contribution to the collection of articles on history textbooks in the Caucasus (2008), note that “overall, within the frames of the traditional national Armenian narrative, the Armenian-Azerbaijani conflict of that period had always been of secondary importance compared to the events in the Ottoman Empire. Therefore, the textbooks devote considerable greater attention to the problem of West Armenia (East Anatolia) and Armenian-Turkish relations. Besides Ottoman Turkey, the other important actors include Russia and Western countries. Azerbaijan’s role is modest compared to their involvement; even in the Armenian-Azerbaijani conflicts, the responsibility is to an extent not assigned to Azerbaijanis themselves, but to the external forces” (Vesley, ed., 2008, p. 26-27). Another episode relevant to this period is the 1905–1906 “Armenian-Tatar” (Armenian-Azerbaijani) clashes. According to the same authors, the origin of this conflict stems from tsarist Russia’s provocation, along with the influence of “young Turkish agents” who disseminated a Pan-Turkish ideology (p. 27).

In comparison, the National Security Strategy currently views both Turkey and Azerbaijan as external threats with the potential to use of force against the Republic of Armenia³⁹. The Strategy mostly depicts an image of an “opponent” to expect danger from rather than of an “enemy” with hostile wording. It also highlights the need and intention to normalize relations. Regarding Azerbaijan, listed as a neighbouring country, “diplomatic relations between Armenia and Azerbaijan have not been established due to the Nagorno-Karabakh conflict. Azerbaijan has adopted a policy aimed at the exclusion of Armenia from all projects of regional cooperation. Azerbaijan continuously refuses to open its communication routes with Armenia and denies all Armenian and international initiatives to engage in bilateral cooperation in an attempt to exert

³⁸ Though the authors note that later on in the section about the break up of the USSR and the “Third Republic”, Azerbaijan is seen almost exclusively in a negative context.

³⁹ The direct passage from the Strategy is the following: “The Republic of Azerbaijan continues to pursue an aggressive policy of militant posturing that explicitly threatens the Republic of Armenia and the Republic of Nagorno-Karabakh”. “There is an additional danger that the Republic of Turkey, a strategic partner of Azerbaijan, may also pose an additional threat. Taking into consideration the universally known provisions of international law, the Republic of Armenia considers the trade and transport blockade imposed by Turkey and Azerbaijan as a use of force against the Republic of Armenia” (National Security Strategy, 2007).

pressure on Armenia regarding the Nagorno-Karabakh conflict” (National Security Strategy, 2007).

Iran and Iranians

Quantitative measures: The narrative in the textbooks does not contain the term “Iranian” (in terms of ethnic group or people); it speaks about Iran. The eighth grade textbook contains two references to Atrpatakan in Iran. There are more references to Iran in the eighth and eleventh grade textbooks in the context of two themes: 1) Iran’s radical changes after World War I, including the period between the 1921 state coup and the 1941 resignation of Reza Shah (the ninth grade textbook allocates 1.7 pages to Iran out of the total six pages in the chapter), and 2) the November 1943 Tehran Conference with the three Allied leaders of the USA, Great Britain and the USSR (each textbook contains one passage).

The *linguistic dimension* of the analysis shows that the narrative has a precise style, and the authors do not use any attributes regarding the countries or people. However, the title of the ninth grade textbook refers to Iran, along with Turkey, Japan, China, and India, as a “traditional society of the East”.

What the text tells us: The eighth grade textbook contains two references to Atrpatakan: 1) “The aim of Ottoman Turkey, which supported the Triple Alliance, was to conquer the Caucasus, Crimea, Atrpatakan of Iran and expand to the Middle East; in other words, they sought to fulfill Pan-Turkish purposes” (Stepanyan, ed., 2007, p. 146); 2) the “Sarighamish Battle took place on the Caucasian front (December 1914 – January 1915), where the Russian army heavily defeated Ottoman troops. Furthermore, Russians expelled Turks from the province of Atrpatakan in Iran” (p. 146).

The ninth and tenth grade textbooks describe the “time of radical changes” in Iran following World War I, which occurred first under the “control” of Great Britain then continued under its “influence”. In concluding about the period, the authors write: “A significant page of Iran’s newest history came to an end. It laid the basis for the modernization of the country” (Stepanyan, ed., 2008, p. 57).

The eleventh grade textbook emphasizes the international relations aspect and speaks less about the internal changes in the country. On the contrary, the domestic aspect is highlighted more in the ninth grade textbook. The eleventh grade textbook, moreover, also mentions Soviet Russia in addition to Great Britain as an influential regional factor. One can read the following text regarding Soviet Russia’s interests: “Improvement of relations between Iran and Great Britain caused the dissatisfaction of Soviet Russia... aim[ing] for the Sovietization of Iran, which eventually failed” (Qosyan, ed., 2010, p. 90).

The ninth grade textbook authors follow the course of events in Iran. “After the 1921 revolution in Iran, Reza Khan dissolved the previous regime (the royal family of Ghajars). The Republic was

not founded in Iran, instead, the parliament recognized Reza Khan as Shah, thus founding the royal family of Pahlavis” (Stepanyan, ed., 2008, p. 57). The textbook describes changes in the country. These include “rule of power”, the central element of which were the military and judiciary; enforcement of order and justice in the country; nationalization of advanced branches of the economy and cancellation of foreign monopolies; development of road construction and its own industry, and limiting of clerical influence and penetration of Western ideas into Iran through educational reforms” (p. 57). Furthermore, the textbook also presents the negative view of the Shah’s governance, including “his autocratic power, persecution of dissidents, and elimination of parliament” (p. 57). Additionally, the authors describe another weak point of the Shah, namely “his orientation to Germany in foreign relations, which became deathly to him. In 1941, under the military pressure of the USSR and Great Britain, he resigned in favor of his son” (p. 57). A map of Iran in 1920s also accompanies the narrative (p. 56).

The ninth and eleventh grades textbooks turn again to Iran in the framework of the period we discuss in this article as a country where the leaders of the USA, Great Britain and USSR met in 1943 (Stepanyan, ed., 2008, p. 82; Qosyan, ed., 2010, p. 90). The tone and the content of the textbook also aligns with the National Security Strategy, in which the Islamic Republic of Iran is seen in the light of “traditional neighborly relations based on a number of shared realities: shared borders, historic and cultural ties, and mutual economic interests” (National Security Strategy, 2007).

Turkey and Turks

Quantitative measures: For the late 19th century and early 20th century, the authors use the terms “Ottoman Rule” and (Qemalist) Turkey (though sometimes they also use “Republic of Turkey”) in the eighth, ninth and eleventh grade textbooks. In the eighth grade textbook, the authors directly mention “Ottoman Rule” in four passages covering World War I. Additionally the authors speak indirectly about this subject in text with a smaller font size in two passages. The ninth grade textbook devotes 2.3 pages to Turkey out of the total six pages in the chapter. Meanwhile, the eleventh grade textbook talks about Turkey in one page out of the total four pages for the chapter, which includes also a photograph of Mustafa Qemal.

The *linguistic dimension* of the analysis shows that Turks are mentioned here as a nation along with the name of the country, unlike in the texts regarding Iran, Georgia, and Azerbaijan. The authors use the following wording: Ottoman Rule, Ottoman Empire, Qemalist Turkey, Young Turkish government (“mladoturki”), and Republic of Turkey. Similar to the other groups, the textbooks contain attributes or attributive descriptions neither for the country nor for the people.

What the text tells us: The textbooks address the Ottoman Empire and Turkey in the framework of two big themes: (1) World War I and (2) changes that occurred in the East in the first half of the 20th century. Moreover, the concrete positioning of Turkey varies quite a bit from book to book, but all of them discuss Turkey as an Eastern country. Thus, the ninth grade textbook offers

the theme, “Modernization trends of the traditional societies of the East”, providing separate subchapters about Turkey, Iran, and China and describing them as “semi-colonies for the developed countries of the West” (Stepanyan, ed., 2008, p. 52). The eleventh grade textbook presents Turkey along with Iran, Japan, China, and India within a longer chapter on Far and Middle Eastern countries.

Several lessons in the textbook present World War I and mention the Ottoman Empire in relation to the following events and themes: aims and projects for participation in the war, the Caucasian front of World War I, the Armenian Genocide, and the Treaties of Brest-Litovsk and Sevres. The eighth grade textbook mostly focuses on World War I, whereas the ninth grade textbook describes the collapse of the Ottoman Empire and events related to the foundation of the Republic of Turkey.

World War I, the Triple Alliance and the Pan-Turkish project of the Ottoman Empire

The eighth grade textbook refers to the “Ottoman Empire” as one of the parties adjacent to the Triple Alliance with its special project to “occupy the Caucasus, Crimea, Iranian Atrpatakan and spread to Middle East, in other words, to realize its Pan-Turkish aims” (Stepanyan, ed., 2007, p. 146). One can note the same concept in the tenth grade textbook, which offers an explanation of the rationale for these activities. “The Ottoman Rule aimed at Russia’s disintegration, to seize from it Eastern Armenia, Georgia, the whole Caucasus, Crimea, and Middle Asia, as well as Iranian Atrpatakan from Iran. The government led by the Young Turks wanted to realize their envisioned Pan-Turkish project. One part of that project was the ethnic cleansing of Armenia through the mass deportation of Armenians” (Qosyan, ed., 2010, p. 24).

Caucasian Front

While the eighth grade textbook focuses on the West European and East European (Russian) fronts, the two main fronts of World War I, it also mentions the Caucasian front. The text particularly says: “Russo-Turkish military actions took place predominantly in Western Armenia” (Stepanyan, ed., 2007, p. 148). Speaking further about the Battle of Sarighamish (December 1914 and January 1915), the eighth grade textbook states: “The Russian army heavily defeated the Ottoman troops. Further on, Russians also expelled Turks from the Atrpatakan province of Iran” (p. 149). The Caucasian front is also discussed in the eleventh grade textbook.

The Young Turkish Government, the Armenian Genocide, and Point Four of the Brest-Litovsk Treaty

The eighth grade textbook has a structure that also provides space for Armenia-related information to be presented separately, attached to a specific theme printed in a smaller font size. Thus, in sections related to World War I, one can also find information about the Armenian Genocide and Point Four of Brest-Litovsk Treaty incorporated as a result of Turkey’s demand. The

ninth grade textbook says: “Taking advantage of the war turmoil, the Young Turkish government realized its planned genocide of the Western Armenians. Of the total population, 2.5 million Armenians from Mets Yeghern suffered, 1.5 million were killed and the rest were expelled from their homes and deprived of their property. Other peoples of the Ottoman Empire, including Greeks, Assyrians, etc., also underwent a genocide. It was only after World War II in 1948 that international laws were adopted to define genocide as a crime against humanity. Despite this, modern Turkey denies the Armenian Genocide in order to avoid responsibility for it, whereas numerous states and world organizations have recognized and condemned it as the first genocide of the 20th century” (Stepanyan, ed., 2007, p. 150).

The eleventh grade textbook has nearly the same information about the Young Turk’s government, though it is integrated into the narrative. It says: “The government of the Young Turks initiated the genocide of Armenians, which had been planned three to four years before the war. During 1914-1916, the Armenians of Western Armenian and Asia Minor were deported and annihilated. Around 1.5 million Armenians were killed, while another one million were expelled from their homes and deprived of their property” (Qosyan, ed., 2010, p. 26).

The eighth grade textbook, when describing the course of World War I and discussing its outcomes, also speaks about “the degrading preconditions that Germany and its allies imposed upon the Bolsheviks”. In addition, it mentions the Brest-Litovsk Treaty, signed on March 3, according to which Russia gave up Poland, Ukraine, the major part of Belarus, and the Baltic States and had to pay heavy military fines (Stepanyan, ed., 2007, p. 155-156). In a smaller font size, usually reserved for discussions of Armenia and/or Armenians, the text says: “The Brest-Litovsk Treaty had disastrous outcomes. Germany and its allies, who were about to be defeated, launched an attack in the spring and summer of 1918. German troops almost reached Paris, while Turkish troops occupied Western Armenia, Transcaucasia and Eastern Armenia. These actions were accompanied by massacres and robberies of peaceful citizens” (Stepanyan, ed., 2007, p. 155-156).

The eleventh grade textbook also speaks about the Treaty of Brest-Litovsk in the framework of World War I, which had “particularly disastrous outcomes for Armenia... Not only Western Armenia, but also Kars and Ardahan were granted to Turkey by the Brest-Litovsk Treaty. Moreover, after Russian troops left, Armenia remained alone against Turkey in the war and had to fight for life or death” (Qosyan, ed., 2010, p. 31).

Treaty of Versailles, Ottoman Rule and the Treaty of Sevres with Points 83-89 Related to Armenia

The ninth grade textbook continues on the topic of World War I by discussing the Paris Congress and Treaty of Versailles. Furthermore, the narrative says, “After the Versailles Treaty, similar treaties were signed with Germany’s allies as well, specifically, Austria, Bulgaria, Hungary, and the Ottoman Empire. They lost territories, were obliged to limit their military, and had to pay military fines to the victors” (Stepanyan, ed., 2008, p. 10). Particularly, “the Ottoman Empire, according to

the 10 August 1920 treaty signed in Sevres, a suburb of Paris, rescinded numerous territories in Europe, the Arabian Peninsula, and Asia Minor, including Western Armenia and Cilicia. The basis for future sovereign states such as Iraq, Syria, Lebanon, and Kurdistan was formed. The united and democratic Republic of Armenia was also established” (Stepanyan, ed., 2008, p. 10).

The Armenia-related text, in a smaller font size but attached to the main narrative, discusses points 83-93 of the Sevres Treaty, which concern Armenia. The textbook says, “the Ottoman government recognized Armenia’s rights to Western Armenia. US President Woodrow Wilson’s commission made corrections regarding the Armenian-Turkish border. Armenia was granted more than 90,000 square kilometers of territory... Armenia thus would have access to the sea. These territories were to be added to those 70,000 square kilometers so that the Republic of Armenia would become a pan-Armenian state” (Stepanyan, ed., 2008, p. 10). The ninth grade textbook offers students a map entitled “Seperation of the Ottoman Empire according to the Sevres Treaty” (Stepanyan, ed., 2008, p. 10).

Turkey as One of the Eastern Traditional Societies

World history textbooks in Armenia speak about Turkey and Iran in the beginning of the 20th century in sections of a chapter entitled “Eastern Countries”. The ninth grade textbook, in the framework of the eighth theme related to modernization trends of Eastern traditional societies, allocates separate subchapters to Turkey, Iran and China. As mentioned above, these countries are described as “semi-colonies for developed countries of the West” (Stepanyan, ed., 2008, p. 52). In the eleventh grade textbook, Turkey, Iran and Arab countries are included in a chapter entitled “Countries of Middle East and Near East⁴⁰ in the first half of the 20th century”.

The subchapter related to Turkey in the ninth grade textbook is entitled “Qemalist Turkey”. Within two pages, the authors start from the Ottoman Empire’s loss in World War I and the truce signed in October 1918 and end with elimination of the monarchy (sultanate) and declaration of the Republic of Turkey in 1923. The eleventh grade textbook adds an explanation of this process, saying: “Territorial losses and the sultan’s inability to stop the collapse of the empire facilitated unification of nationalistic forces under the guidance of Mustafa Qemal” (Qosyan, ed., 2010, p. 74).

Both textbooks present changes that occurred in the country. The ninth grade textbook particularly notes many of them, such as “adoption of a constitution, secularization of the state and courts, adoption of the Latin alphabet and European calendar, general education reform and development of a higher education system, civil marriages, European dresses, and some positive changes in the economy” (Stepanyan, ed., 2008, p. 55). The eleventh grade textbook also

⁴⁰As the Armenian Soviet Encyclopedia suggests (1981), the terms “Near East” and “Middle East” when used together indicate the countries on the territories in the West of Asia and North-East of Africa together with Iran and Afghanistan.

discusses Qemal's aims, stating that he "directed the country's modernization policy with a view of westernization" (Qosyan, ed., 2010, p. 74).

Furthermore, in the concluding part of the narrative, the authors address the weak points of Qemal's governance, particularly noting, "though Turkey became a republic, it was not democratic. Power was concentrated in the hands of Qemal and his entourage, and the military supported them. The president was presented as a hero; all successes in the country were attributed to him. A strong rule of power extinguished all opposing voices. Displeasing parties and non-governmental organizations were shut down. National minorities such as Greeks, Armenians, Kurds, and Assyrians, experienced persecution" (Stepanyan, ed., 2008, p. 55). Both textbooks note the fact that Qemal was granted the honor of being named Ataturk (which means father of Turks). In the framework of this theme, the textbook offers two visual materials, a photograph of Mustafa Qemal (Stepanyan, ed., 2008, p. 53) and a map of 1920s Turkey (p. 54).

Thus, Turkey is referenced in two major contexts, within a longer discussion and in the framework of two main themes: modernization of Turkey, and World War I and the Ottoman Empire as viewed from the point of view of the discourse of the Armenian Genocide. The National Security Strategy (2007) also refers to the Armenian Genocide, stating: "Armenia aspires for the universal recognition and condemnation, including by Turkey, of the Armenian Genocide, and sees it both as a restoration of historical justice and as a way to improve the overall situation in the region, while also preventing similar crimes in the future". Above we also discussed that Turkey is seen as the next external threat supporting Azerbaijan in terms of potentially using force. For both countries, the absence of diplomatic relations is mentioned.

Conclusion

This article has shown that, broadly speaking, the Armenian world history textbooks do not contain any "neighbourhood" discourse. In particular, they do not contain chapter or subchapter titles referring to neighbors or nearby countries, although textbooks of national history present relations with two of the neighbours of the First Republic of Armenia – Georgia and Azerbaijan. Interestingly, the National Standard states that the "main attention should be placed on those nations and societies that are on the first line for the given period of historical development. Simultaneously, the history of neighbouring countries should be addressed" (National Standard, 2011). Apparently the broad context of world history and limits of the textbook volume did not allow for a more narrow country-specific approach; instead, a wider regional classification is used. On the one hand, with the focus on "the nations and societies on the first line of historical development", we see the Euro-centric historiographical influence; on the other, we see elements that signify Armenia's neighbours. A similar blend of approaches is noted regarding the interpretation of history. Particularly, the National Standard for the subject of Armenian history offers that the "civilizational" principle should be used in combination with the "achievements of social formation theory" (National Standard, 2009, p. 7). The textbook authors and national standards for the subjects have classified the societies of the period into two types: progressive

industrial societies (e.g. Europe, USA), and traditional societies of the East (e.g., Ottoman Empire, Iran, and Qemalist Turkey).

As another main theme, the narrative in the textbooks does not contain the terms “Georgian”, “Azerbaijani”, and “Iranian” (in terms of ethnic groups or people); they speak only about Georgia, Azerbaijan, and Iran. For the period of the late 19th century and early 20th century, the authors of the textbooks use the terms “Ottoman Rule” and (Qemalist) Turkey (though sometimes they also use “Republic of Turkey”) in the eighth, ninth and eleventh grade textbooks. In contrast with discussions of the other three neighbors, the authors often use “Turk” to refer to the ethnic group.

In terms of the content and concrete texts on the different countries, two broad conclusions can be drawn as a result of the analysis. Firstly, in the 1920s and 1930s, the textbooks describe “radical changes in the semi-colonial Eastern countries such as Iran and Turkey, which aimed at modernization of their economy, political system, culture, and everyday life”. But this is presented as being introduced from above and having faced major challenges. In Iran Reza Shah led these changes, while in Turkey Mustafa Qemal spearheaded the reforms. Secondly, Turkey is discussed also in the context of World War I, specifically in relation to the Caucasian front and the Treaties of Brest-Litovsk and Sevres. It is also viewed as part of the discourse on the Armenian Genocide. This is apparently one more “testimony” supporting the perspective that the 1915 genocide has become one of the key perceptions, or “root paradigms”, to form the modern Armenian worldview, and it appears often in representations of Armenian identity (Dudwick, 1989; Abrahamian, 2006; Marutyan, 2009; Panossian, 2005).

Narratives in the textbooks that have been written at different times (the last edition we analyzed was published in 2008) and those in Armenia’s 2007 National Security Strategy generally use the same discourse. Namely, Georgia is seen as a “traditionally friendly country” and relations with Iran as “traditionally neighborly based on shared realities”. Azerbaijan and Turkey, however, are seen mostly as opponents who pose a potential threat, underlining the need and intention to normalize relations.

Bibliography

- Abrahamian L., 2006. *Armenian Identity in a Changing World*. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers.
- Arutyunyan B., 2004. Istoricheskaya nauka v Armenii v 1988-1998. Kratkij ocherk, *Vestnik Obsh’estvennykh nauk* 2 (611), Yerevan, pp. 55-67.
- Barkhudaryan V. ed., 2001. *Armenian History in the Context of World History, Textbook for tenth grade*. Yerevan: Zangak-97.
- Barkhudaryan V. ed., 2008. *Armenian History, Textbook for ninth grade*. Yerevan: Macmillan Armenia.

CIMERA, 2007. *History Teaching in Georgia Representation of Minorities in Georgian History Textbooks*. Available at: http://www.cimera.org/pdf/history_teaching_in_georgia.pdf

Dudwick N., 1989. *The Karabagh Movement: An Old Scenario Gets Rewritten*. *Armenian Revue*, vol. 42, pp. 63-70.

Ferro M., 2003. *The Use and Abuse of History or How the Past is Taught to Children*. London and New York: Routledge.

Iskandaryan A., Arutyunyan B., 1999. *Armeniya: Karabakhizatsiya natsional'noj istorii, in Aimermakher K., ed., Natsional'nye istorii v sovetskikh gosudarstvakh*. Moskva: "Airo-XX".

Marutyan H., 2009. *Iconography of Armenian Identity. Volume I: The Memory of Genocide and the Karabagh Movement*. Yerevan: Gitutyun.

Minasyan S., 2009. "Armenia's Attitude Towards its Past: History and Politics", *Caucasus Analytical Digest*, No. 8, 17 July 2009. Available at: <http://georgien.boell-net.de/downloads/CaucasusAnalyticalDigest08-1.pdf>

National Security Strategy of Republic of Armenia, (approved at the session of National Security Council at the RA President office on January 26, 2007), MFA of Armenia. Available at <http://www.mil.am/arm/?page=49>

National Standard for World History subject for high schools 2009, N-1078-A/Q Order, Yerevan: Minister of Education and Sciences of Armenia, MoE of Armenia. Available at http://www.armedu.am/arm/files/material_files/Hmshxpatm.pdf

National Standard for World History subject for general schools (sixth-ninth grades) 2011, Minister of Education and Sciences of Armenia, MoE of Armenia.

Panossian R., 2005. *Homeland-Diaspora Relations and Identity Differences*. In: Herzig E. & Kurkchian M., eds., *The Armenians Past and Present in the Making of National Identity*. London and New York: RoutledgeCurzon.

Pingel F., 2010. *UNESCO Guidebook on Textbook Research and Textbook Revision*, 2nd revised and updated edition, Georg Eckert Institute for International Textbook Research. Available at <http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001171/117188e.pdf>

Qosyan A., ed., 2010. *World History. Textbook for eleventh grade*. Yerevan: Zangak-97.

Rumyantsev S., 2008. "Ethnic Territories" Presentation Practices in Historical Textbooks in Post-Soviet Azerbaijan and Georgia. *Internationale Schulbuchforschung*, 30 (2008), pp. 811–824.

Sewall G., 2004. *World History textbook review, American Textbook Council*. Available at <http://www.historytextbooks.org/worldhistory.pdf>

Shnirel'man V., 2003. *Vojny Pamyati. Mify, Identichnost' i Politika v Zakavkaz'e*. Moskva: Akademkniga.

Stepanyan A., ed., 2007. *World History, Textbook for eighth grade*. Yerevan: Zangak-97.

Stepanyan A., ed., 2008. *World History, Textbook for ninth grade*. Yerevan: Zangak-97.

Veselý L., ed., 2008. *Contemporary History Textbooks in the South Caucasus*. Prague: AMO Press.

Zolyan M., Zakaryan T., 2008, in Veselý, L. ed., *Contemporary History Textbooks in the South Caucasus*. Prague: AMO Press, pp. 11-31.

Образы себя и соседей в учебниках истории Грузии: репрезентация событий начала XX века в постсоветский период

Нино Чиковани

Введение

Цель настоящей статьи – проследить динамику репрезентации образов соседей при изложении событий начала XX века в постсоветских учебниках истории, предназначенных для общеобразовательных школ Грузии.

Актуальность и значение исследования данной темы обусловлены несколькими обстоятельствами. Концепция преподавания истории и учебники, по которым она преподается, считаются одним из важнейших источников формирования исторического сознания и национальной идентичности. Посредством учебников у учащихся формируется восприятие образа собственной нации и ее роли в истории, а также видение других, в первую очередь соседей (Stojanovic, 2001, p.27). Учебники представляют собой зеркало, в котором отражается общество. Они отражают не только ценности, но и стереотипы, в большинстве случаев широко распространенные в том или ином обществе.

После распада Советского Союза в Грузии, как и на всем постсоветском пространстве, началась де- и реконструкция прошлого. Уже с конца 80-х годов история Грузии стала обязательным предметом не только для гуманитарных, но и точных, естественных и экономических специальностей высших учебных заведений (системы элективных курсов еще не существовало).

Для стран постсоветского пространства, в частности для Грузии, основная задача заключалась в разработке национального курикулума истории и создании соответствующих учебников. Создание учебников – прерогатива государства. Государство определяет цели и стандарты преподавания истории, а также общие принципы представления национальной и мировой истории. Образы себя и других во многом обусловлены этими принципами.

Учебники истории тесно связаны с историографической традицией, выраженной в мастер-нарративе – доминантном нарративе, отраженном в ключевых текстах, которые признаны наиболее квалифицированными и авторитетными. Легитимированный и институционализованный мастер-нарратив определяет рамки национального историописания, представляя самые яркие примеры восприятия и репрезентации прошлого, выделяя центральные фигуры и акторов национальной истории, определяя кто *мы* и кто *другие*, кто воспринимается как «враг(и)», а кто как «друг/другья» (Berger, 2009, p. 33). Даже если цели преподавания истории определены наилучшим образом, вряд ли можно ожидать, что университетские или школьные учебники «опередят» историографическую реальность.

Какова же была эта реальность в 90-х годах XX века? Вместе с Советским Союзом исчезли методологические запреты и ограничения, существовавшие в исторической науке. Марксистский исторический материализм и формационный подход вроде бы должны были уступить место методологическому плюрализму. Но это оказалось нелегкой задачей, что можно объяснить несколькими факторами:

- ◆ «Железный занавес» отгораживал советское пространство от остального мира не только политически и идеологически. Советские ученые были оторваны от процессов, происходящих в науке, особенно в сфере социальных наук, новых подходов и теоретических разработок. Осмысление существующих в исторической науке новых тенденций, ознакомление со школами и направлениями, сформировавшимися во второй половине XX века, требовало времени.
- ◆ Инерция оказалась сильной. Ставший привычным монометодологический подход упрощал дело историка, снабжая его единственно возможным дискурсом интерпретации исторических фактов и наделяя функцией «хранителя прошлого», служившего интересам государства: раньше – единого советского, теперь – независимого национального.
- ◆ В советский период преподавание истории считалось одним из важнейших инструментов формирования новой советской идентичности, и было строго идеологизировано. Деидеологизация истории стала важной задачей постсоветской историографии. Но и это оказалось непростым делом: как отмечается в литературе, вместо деидеологизации произошло замещение коммунистической идеологии некавалифицированным или парапатриотическим нарративом (Reisner, 1998, p. 414), что, конечно, не способствовало развитию исторической науки.
- ◆ Было сохранено (а в некоторых случаях сохраняется и по сей день) стремление к установлению «исторической истины», которая должна быть отражена в единственно «верной», институционализированной, официальной, позитивистской версии истории. Сохранилось также четкое разделение «Истории Грузии» и «Истории Мира»; как заметил О. Райснер (1998, p. 414), подразумевалось, что последняя означала историю не-грузинского мира.

Как и везде в кризисные переходные периоды, в начале 90-х годов в Грузии обращались к истории за ответами на все вопросы. Началось восполнение «белых пятен» истории: в историографические тексты «вернулись» табуированные за советский период темы. Вышеотмеченные факторы и здесь сыграли свою роль: новые темы излагались по старой методологии, но так как методология исторического материализма была отвергнута на словах, а до освоения новых методологических возможностей оставался еще долгий путь, нарратив принимал форму хроники, наполняясь все новыми (или хорошо забытыми) фактами и именами.

При сравнении большинства историографических текстов 90-х годов XX века с восьмитомным изданием «Очерков истории Грузии», выпущенном в 70-е годы, можно обозначить всего несколько изменений:

- 1) Исчезли темы и цитаты, отсылающие к классикам марксизма-ленинизма, обязательные в советское время для исторических исследований любого периода.
- 2) Радикально изменился нарратив, отражающий историю XIX и XX веков.
- 3) Ранее табуированные темы представлены огромным количеством эмпирического материала.
- 4) Изменился контекст истории Грузии. В «Очерках» акцент делался на исторически враждебное политическое окружение, а также на стремление найти выход в поисках надежного единоверного союзника. Эти поиски вели к добровольному присоединению к России и преодолению опасности физического уничтожения, а в дальнейшем – к вступлению в семью советских народов. В современной версии, напротив, подчеркивается опасность потери национальной идентичности вследствие колонизаторской политики Российской империи и ее преемника – Советского государства.

Можно сказать, что мастер-нарратив истории Грузии, созданный Ив. Джавахишвили в начале XX века, продолжает существовать и сегодня. Но этот нарратив был создан в условиях, радикально отличающихся от сегодняшних. Это был период формирования грузинского национализма. Как правило, нация рассматривалась в противопоставлении с другими, которые нередко представлялись как «национальные враги». Язык, общее прошлое, территория и культура представлялись как маркеры, значение которых остается неизменным, точным и одинаково важным на протяжении всей истории. Коллективная память, символы, мифы, события и традиции обозначались как вечные феномены, легитимизируя современные идентичности (Carvalho & Gemenne, 2009, p. 3).

Грузинская научная историография складывалась в конфронтации с российской имперской политикой, ставившей целью реконструировать историческую память грузин в соответствии с имперскими целями. В таких условиях, история стала главным основанием для реконструкции и сохранения этнической идентичности, оказавшейся в серьезной опасности. Описания притеснений и страданий стали характерными для национальных историй и позволяли обозначить отличие «угнетателя–другого» (Berger, 2009, p. 30-32). В нашем случае, в период формирования национальной историографии, «угнетатель-другой» был представлен в лице России, а для более раннего периода – соседних мусульманских государств.

Таким образом, современный грузинский исторический мастер-нарратив сохранил все вышеперечисленные черты. Претерпев формальные изменения, но сохранившийся в советское время, нарратив, сформированный в начале прошлого века, в 1990-х годах еще раз изменил форму в соответствии с новым контекстом. Этническая концепция истории обрела новую жизнь.

Первое постсоветское поколение учебников истории

Уже к концу 1980-х годов были созданы новые учебники, авторами которых были известные историки. Они содержали большое количество фактического материала, который, впрочем, был изложен все в той же форме последовательной смены общественно-экономических формаций.

После обретения Грузией независимости было создано несколько учебников, все они были выдержаны в духе позитивистской историографии, изобиловали различными фактами и героической риторикой. Авторами этих учебников были университетские профессора, что, по мнению части экспертов, делало их концептуально труднопонятными для учащихся (Gundare, 2007, р. 31). Учебники истории Грузии содержали гораздо больше фактического материала, в том числе и отражающего ранее табуированные факты и события. Особое место уделялось истории Грузинской Демократической Республики (1918-1921), а также событиям начала XX века. Увлечение фактологией имело несколько причин, из которых можно назвать: традицию марксистской версии позитивистской историографии; трудности, а иногда и нежелание, осмыслить различные новые теоретические подходы; поиск «истинной истории», что рассматривалось как путь к «правильным» ответам на вызовы, стоящие перед недавно завоевавшим независимость государством; и, наконец, после того как из курикулума исчез объемный курс по «Истории СССР», появилась возможность расширить курс по национальной истории. Акцент делался опять же на запоминании. В 1990-х годах в Грузии, как и в других постсоветских странах, обучение истории приобрело ярко этноцентристский характер. Как отмечала И. Гундаре, произошло быстрое перемещение от одной «правильной» истории, в которой все рассматривалось с перспективы классовой борьбы, на другую «истинную» историю, где перспектива была только грузинская (Gundare, 2006, р. 32). Как и в советских текстах, в учебниках существенно преобладала политическая история, хотя экономической, социальной и культурной истории также уделялось определенное внимание (Ломашвили, любое издание с 1990-х годов до 2005; Вачнадзе, Гурули, Бахтадзе, любое издание 90-х годов⁴¹). До методологического плюрализма и мультиперспективного подхода следовало пройти нелегкий путь.

Как были представлены соседи в первом поколении учебников? При изложении истории средних веков отмечалась совместная борьба с иноземными захватчиками и классовыми угнетателями в случаях, когда дело касалось соседей, которые после советизации стали «братьями по Союзу» (например, совместная борьба грузинского и армянского народов против персидских завоевателей при царе Вахтанге Горгасали (V век), восстание грузинского и азербайджанского народов против арабов под предводительством Бабека и т. д.). В дальнейшем образ врага был связан в основном с мусульманским миром, от которого исходила угроза не только завоевания, но и потери национальной идентичности и ассимиляции. Начиная с XV-го века постепенно усиливалось и становилось ближе

⁴¹ Эти учебники издавались ежегодно и были обязательными до реформы образования (альтернативных учебников тогда еще не было).

Российское государство – единственная надежда в борьбе за прорыв из мусульманского окружения.

Известно, что у детей 7-10 летнего возраста уже есть простые стереотипные представления о различных социальных группах, в том числе и этнических, с представителями которых они почти или совсем не имели отношений (Weigl & Maliszkievicz, 1997, p. 185). Такие стереотипы складывались по отношению к несоветским южным соседям, с которыми у Грузии были давние, непростые и разносторонние связи, полностью прекратившиеся после установления советской власти. Естественно, учебники – лишь один из многих медиумов, и укреплению этих стереотипов больше содействовали другие медиумы (идеологическая пропаганда, средства массовой информации и т.д.), но учебники, о силе воздействия которых мы уже говорили выше, не способствовали их преодолению.

При изложении истории начала XX века образы соседей представлены Россией, Турцией и, гораздо реже, Азербайджаном и Арменией.

Турция⁴²

Образ Турции обусловлен ее активным участием в политических событиях на Кавказе в указанный период. Турция участвовала в Первой мировой войне на стороне Германии, т. е. против Антанты и, следовательно, России. В дальнейшем территория Грузии стала предметом переговоров и соглашений между «большими игроками», в числе которых были те же Россия и Турция. Поэтому в нарративе Турция представлена в образе источника постоянной угрозы. После заключения Брестского мира Турция неоднократно нарушает достигнутые соглашения, пытаясь захватить территории Закавказья; поддерживает абхазских сепаратистов; Турция и Иран пытаются «разжечь сепаратистское движение в Саингило (исторический Герети)», вместе с Россией она пытается придать сепаратистским движениям этнический, религиозный, а иногда и аграрный характер (Вачнадзе, Гурули, 11 класс, 2000, с. 111); Турция ведет агентурную деятельность в Абхазии, Самцхе-Джавахети и Аджарии (Вачнадзе, Гурули, 9 класс, 2000, с. 131).

«Во время Первой мировой войны «турецкое командование организовало сильное наступление по черноморскому побережью. Передовые отряды турков вторглись в приграничные районы Батуми».

«В силу сложившейся к концу 1916 года обстановке, военно-политические планы Турции в Грузии и в целом Закавказье потерпели поражение» (Вачнадзе, Гурули, 11 класс, 2000, с. 100).

«Турция... начала наступление на фронте. Грузия и все Закавказье оказались под реальной угрозой оккупации со стороны Турции» (Ломашвили, 1999, с. 36).

⁴² Здесь и далее я не привожу различие между Османской Империей, просуществовавшей до 1922 г., и ее преемницей Турецкой Республикой.

В конце февраля (1918 года) Закавказский Сейм «начал мирные переговоры с Турцией... Турция сознательно затягивала переговоры. Дело в том, что к этому времени Германия начала генеральное наступление против России»... Брестским договором «завоеванные территории остались за Германией, ее союзник Турция же получила «в награду» исконные территории Грузии и Армении... Переговоры были сорваны... 1 апреля Турция возобновила наступление и вторглась на территорию Грузии и Армении. Грузинский и армянский народы оказали героическое сопротивление завоевателям, но силы были неравны»... Турки овладели новыми территориями и «взяли курс на Тбилиси» (Ломашвили, 1999, с. 38).

В других учебниках активность Турции в Закавказье описана еще более подробно: говорится о территориальных приобретениях Турции, постоянной угрозе войны, которая «была бы губительной не только для Грузии, но и всего Закавказья», попытке Турции захватить Батумскую область путем референдума, проведенного оккупационными силами Турции (Вачнадзе & Гурули, 9 класс, 2000, с. 121-122, 130). Отмечается также, что в случае ожидаемой со стороны России агрессии против Грузии, Турция выполняла роль союзника советской России. «Новая власть Турции была благодарна России. Взамен на военно-экономическую помощь и поддержки на международной арене Турция была готова уступить России Закавказье» (Вачнадзе & Гурули, 9 класс, 2000, с. 138).

Россия

Образ России представлен в виде империи, стремившейся сохранить свои владения. События в Грузии в начале XX века изложены, следуя схеме развития революционной борьбы в Российской империи: экономическая и политическая отсталость России, усиление революционной борьбы, создание политических партий, первая революция, период реакции, новый подъем революционного движения, Первая мировая война, Февральская революция, Закавказский комиссариат, Закавказский Сейм, период короткой независимости государств Южного Кавказа, установление советской власти.

В учебниках рассматривается колонизаторская политика Российской империи, направленная на изменение демографической ситуации и разжигание вражды между различными этническими группами.

«Усилилось переселение чужеземцев в Грузию, что создало дополнительные трудности в и так малоземельной стране. В 1908-1915 годах в Грузию были переселены 66 тысяч русских, которым выделили большое количество наилучших земель. До 1912 года в Грузии было создано около ста русских поселений. Власти оказывали переселенцам серьезную помощь в решении проблем земельного устройства» (Вачнадзе, Гурули, 11 класс, 2000, с.87; Антелава и др., 1996, с. 261-261).

Отмечается, каким образом Россия поддерживала абхазских и осетинских сепаратистов в период Первой мировой войны, еще до восстановления государственной независимости Грузии (Вачнадзе, Гурули, 11 класс, 2000, с. 111).

Такой образ России сохраняется и при описании периода Временного правительства и прихода к власти большевиков. Россия разжигает вражду между соседними народами.

Оказывает финансовую и военную поддержку местным большевикам. Договаривается со своими противниками, торгуя территориями Южного Кавказа с целью сохранить часть владений царской империи. Вместе с тем отмечается и заслуга Россииской армии в отражении наступлений Турции:

«Командование Российской Кавказской армии сумело остановить турецкую армию, перешедшую в наступление по направлению Батуми». «Турция не смогла разбить сопротивление этой армии в 1915-1916 годах» (Вачнадзе, Гурули, 9 класс, 2000, с. 100).

«В январе 1918 года посредством военных сил, снятых с кавказского фронта, большевики попытались оккупировать Грузию и установить советскую власть. Новосозданная грузинская армия и народная гвардия полностью разбили российские войска» (Вачнадзе, Гурули, 9 класс, 2000, с. 121).

«Советская Россия, естественно, не была заинтересована в усилении позиций Турции в Закавказье, так как считала этот край своей неотделимой частью. Но подстрекание к гражданской войне [в странах Южного Кавказа] объективно способствовало турецкой агрессии, самое главное – имперско-самодержавная политика советской России способствовала отделению Закавказья и ее распаду на национальные республики» (Ломашвили, 1999, с. 97).

«К весне 1918 года грузинский народ оказался перед лицом конкретного исторического выбора. Возвращение в ирано-османский плен было абсолютно исключено. Была исключена и поддержка советской власти или т. н. «белогвардейской контрреволюции». Обе эти силы проявляли имперские устремления. Оставался единственный верный путь – использовать создавшуюся, благоприятную обстановку для восстановления полной государственной независимости» (Ломашвили, 1999, с. 97).

О вмешательстве России во внутренние дела Грузии подробно говорится при изложении внутренней и внешней политики Грузинской Демократической Республики в 1918-1921 годах (Вачнадзе, Гурули, 9 класс, 2000, с. 122, 130-131). Отмечается, что:

«В конце апреля 1920 года Советская Россия овладела Азербайджаном и начала наступление на Грузию. Но Англия и другие страны вынудили ее прекратить наступление и признать независимость Грузии» (Вачнадзе, Гурули, 9 класс, 2000, с. 48).

Отдельно рассматривается договор между РСФСР и Грузинской Демократической Республикой от 7 мая 1920 года, которым Россия «безоговорочно признавала суверенитет и полную независимость Грузии» (Вачнадзе, Гурули, 9 класс, 2000, с. 122, 130-131) и который впоследствии был нарушен Россией.

Некоторые из авторов учебников отмечают роль грузинских большевиков в установлении советской власти в Грузии, а также несостоятельность власти меньшевиков:

«В феврале 1921 года Орджоникидзе атаковал Грузию российскими войсками со стороны уже большевизированных Армении и Азербайджана. Грузины вступили в бой, даже одержали победу и провели по улицам Тбилиси 1600 пленных российских солдат, но правительство Грузии во главе с Жордания, не дождавшись исхода войны, бежало на запад, в Европу... Оставленная без хозяев страна вновь оказалась в составе России. 25 февраля

1921 года – тяжелейший день в летописи грузинского народа: советское, т. е. коммунистическое, иго оказалось еще более тяжелым, жестоким и кровавым, чем иго российского императора» (Саникидзе Л., Метревели Р., 1999, с. 94).

Этот патетический рассказ был предназначен для учеников 5-го класса.

Параграф одного из учебников, посвященный событиям февраля 1921 года, называется «Завоевание Грузинской Демократической Республики советской Россией» (Вачнадзе, Гурули, 11 класс, 2000, с. 119). В нем ситуация в январе-феврале 1921 года и деятельность правительства Грузинской Демократической Республики оценивается по-другому и подчеркиваются агрессивные намерения советской России:

«Правительство Грузинской Демократической Республики и Учредительное собрание до конца выполнили свой долг и, несмотря на тяжелейшее военно-политическое положение, не согласились на капитуляцию перед советской Россией». Они эмигрировали в Европу. «Правительство приняло во внимание то обстоятельство, что 11-ая Красная армия и другие военные соединения могли учинить кровавую расправу грузинской армии и народной гвардии... Был подписан договор о прекращении военных действий. Несмотря на категорическое требование Советской России, Гр. Лорткипанидзе не подписал акта о капитуляции» (Вачнадзе, Гурули, 11 класс, 2000, с. 119-120).

Азербайджан и Армения

Как уже отмечалось выше, в учебниках Азербайджан и Армения упоминаются гораздо реже. О них речь идет в основном при изложении событий, связанных с объявлением независимости в мае 1918 года и в дальнейшем – с установлением советской власти. Коротко изложен военный конфликт между Грузией и Арменией:

«В октябре 1918 года правительство Грузии выступило с предложением о созыве конференции кавказских республик (Грузия, Армения, Азербайджан, Северный Кавказ) для решения вопросов о спорных территориях. Из-за негативной позиции Армении конференция была сорвана. 8 декабря 1918 года войска Армении вторглись в Ахалкалакский и Борчалинский уезды без объявления войны. Грузинские войска заставили их отступить» (Ломашвили, 1999, с. 47).

В учебнике других авторов упомянутая война и требования Армении описываются более подробно:

«Посягнуть на целостность Грузинской Демократической Республики попыталась республика Армения. Она требовала от Грузии отказа от исконных территорий, как в южной Грузии (Джавахети), так и в Картли (Тбилиси, Гори) и Аджарии (Батуми). Правительство Грузии убедительно отвергло требования Армении. В декабре 1918 года армянские войска вторглись в Борчалинский уезд. Грузинская армия и народная гвардия с боями отступили. Правительство Армении в ультимативной форме требовало освободить территории до Гори, включая Тбилиси. Вскоре грузинская армия и народная гвардия перешли в наступление. Агрессор отступил с большими потерями» (Вачнадзе, Гурули, 11 класс, 2000, с. 114).

Спорные с Арменией территории упоминаются и в связи с началом восстания за установление советской власти в феврале 1921 года, поддержанного Россией. Подчеркивается, что спорный Лорийский район был выбран намеренно, чтобы организовать восстания в селах, населенных российскими колонистами (Вачнадзе, Гурули, 11 класс, 2000, с. 138).

В некоторых учебниках в разделах, посвященных борьбе за независимость в начале XX века, упоминается также и этнический состав буржуазии Грузии:

Во время первой российской революции «в Грузии фактически не существовала национальная буржуазия. Буржуазный класс в основном был представлен предпринимателями и торговцами армянской национальности, поэтому его союз с национальным движением был исключен. Армянская буржуазия поддерживала колониальную администрацию и вместе с ней боролась против национального движения и революции» (Вачнадзе, Гурули, 9 класс, 2000, с. 86; Антелава и др., 1996, с. 261).

Еще одна интересная цитата: «Вслед за армяно-татарской бойней в Баку попытались спровоцировать столкновение армян и татар и в Тбилиси, но тбилисские рабочие под предводительством Ноя Рамишвили сумели предотвратить трагедию» (Вачнадзе & Гурули, 11 класс, 2000, с. 119). Это редкое исключение, когда в учебнике азербайджанцы упоминаются татарами. В издании того же учебника 2003 года этноним исправлен, и тон повествования гораздо более сдержанный:

«В 1905 году в Баку, вследствие намеренных провокаций со стороны властей, началось столкновение армян и азербайджанцев, переросшее в массовую бойню. Создалась угроза противостояния между армянами и азербайджанцами, проживающими в Тбилиси, что было предотвращено смелыми и решительными действиями Ноя Рамишвили и других грузинских деятелей. Была также попытка устроить бойню армян в Батуми, Мемед-бег Абашидзе, рискуя собственной жизнью, спас жизни многих армян» (Вачнадзе, Гурули, 9 класс, 2000, с. 88).

Первый национальный стандарт и второе поколение учебников истории

В сложный период транзиции, в условиях конфликтов, разгоревшихся после распада Советского Союза, Грузия столкнулась с еще одной проблемой: как должна преподаваться история в многонациональной, многокультурной и многоконфессиональной стране? Поиск ответов был трудным. Следовало также определиться с образом соседей в учебниках истории.

В 1997 году в Грузии был принят новый Закон об образовании, на основе которого был разработан «Национальный образовательный стандарт» по истории Грузии и истории Мира, определяющий принципы и цели преподавания истории. Авторы стандарта пытались разработать концепцию преподавания истории, которая соответствовала бы политической ориентации постсоветской Грузии. Согласно стандарту, для современной Грузии была нужна такая модель исторического образования, которая соответствовала бы перспективе полной демократизации страны и способствовала бы воспитанию в учащихся политической,

культурной и религиозной толерантности (Национальный образовательный стандарт по истории Грузии, 1997, с. 5). Концепция преподавания истории должна была соответствовать международным стандартам. Акцент делался на «плюралистско-альтернативное преподавание истории», что запрещалось и отсутствовало в идеологизированных советских программах истории. Внимание обращалось не только на приобретение исторических знаний, а также на развитие навыков и умений (Национальный образовательный стандарт по истории Грузии, 1997, с. 5).

Однако, содержание стандарта не соответствовало декларируемым принципам. Огромное количество фактического материала, изложенного в позитивистской традиции, не способствовало развитию самостоятельного и критического мышления. Самое примечательное же было то, что согласно стандарту, единственной целью представления альтернативных точек зрения был поиск *исторической истины*: «Могут существовать различные взгляды на один и тот же исторический факт, но лишь один из них представляет собой истину» (Национальный образовательный стандарт по истории Грузии, 1997, с. 31). Форма представления фактов не позволяла учащимся дистанцироваться от них. Это способствовало формированию восприятия истории как судьбы, как легендарного рассказа о прошлом.

После принятия стандарта в учебниках особых изменений не произошло: выпускались те же учебники, что и до 1997 года, разве что с незначительными поправками. Это те книги, которые были проанализированы нами в предыдущей части статьи, представляющие статическую картину преподавания истории с начала 90-х годов. Следовательно, первое и второе поколение учебников истории можно различать лишь условно. Самовосприятие и восприятие *других* остались неизменными. Мастер-нарратив также не предлагал особых новшеств. Место формационного подхода занимала странная смесь исторического материализма с теорией локальных цивилизаций, принципами школы Анналов и других, не до конца осмысленных теоретических подходов.

Закон об образовании 2005 года и третье поколение учебников

В 2004 году в Грузии был разработан и принят документ «Национальные цели общего образования». Цель его принятия – создание благоприятных условий для формирования свободной личности, считающей национальные и общечеловеческие ценности. Отмечалось также, что в современном динамическом, этнически и культурно разнообразном мире особое значение приобретают навыки взаимоуважения, взаимопонимания и взаимопознания (Национальные цели общего образования, 2004).

В апреле 2005 года в Грузии был принят новый закон об образовании. Он определял цели государственной политики в сфере образования (Закон Грузии об общем образовании, 2005). Наряду с другими вопросами закон предусматривал унификацию преподавания грузинского языка, истории и географии Грузии, а также других социальных наук по всей стране.

Были разработаны новые программы и созданы новые учебники. В течение нескольких последующих лет была предпринята попытка интегрировать историю, географию и гражданское образование в единый предмет в 7-м и 8-м классах, а также – историю Грузии в историю Мира.

Созданные в соответствии с национальным стандартом учебники утверждаются Центром национальных программ и оценок. Допускается грифирование нескольких учебников для одного класса. Часть грифированных учебников переводится на все языки преподавания. В текущем учебном году количество учебников, переведенных на азербайджанский, армянский и русский языки составляет 7 – по одному учебнику с 6-го по 12-ый классы (полный перечень грифированных учебников на 2010-2011 учебный год доступен на ganatleba.org./index.php?m=149).

Школа обладает правом выбора грифированного Центром учебника. В 2010-11 учебном году был разработан новый учебный план на 2011-2016 гг. и были приняты новые критерии для грифирования учебников. Учебник принимается сроком на 5 лет (Национальный учебный план для общеобразовательных школ. 2010-2011 учебный год, 2010, с. 16). Учитель имеет право также использовать в качестве дополнительного или вспомогательного материала негрифированный учебник, если считает, что он соответствует целям, изложенным в Национальном учебном плане (Национальный учебный план для общеобразовательных школ. 2010-2011 учебный год, 2010, с. 17).

В основных принципах методики особо подчеркивается, что «материал должен подаваться из разных перспектив. Это способствует формированию критического мышления, которое необходимо для преодоления стереотипов... Школа должна способствовать разнообразию подходов, учитывающих интересы учащихся, а также воспитывая уважение в отношении религиозных, языковых, этнических различий» (Национальный учебный план для общеобразовательных школ. 2010-2011 учебный год, 2010, с. 35).

Если попытаться коротко охарактеризовать третье поколение учебников истории, созданных после 2005 года, можно сказать следующее:

- ◆ Как и прежде, в учебниках существенно преобладает политическая история. Вопросы экономической, социальной и культурной истории теперь вписаны в общий контекст и не содержат сложной терминологии и статистических данных.
- ◆ Изменился подход к изложению материала: в большинстве случаев нарратив сменился фрагментами из источников, которые снабжены вступительной информацией или небольшими комментариями⁴³.
- ◆ Следует отметить, что данные учебники, с нашей точки зрения, действительно были разработаны с учетом мультиперспективного подхода. Однако стремление к восстановлению «реальной», «истинной» истории еще не полностью преодолено.
- ◆ Перейдем к вопросу об образе соседей в данных учебниках.

⁴³ В этом отношении исключение составляют учебники «дореформенных» авторов.

Турция

Как и в учебниках второго поколения, Турция упоминается при изложении событий, отражающих борьбу международных акторов за влияние на Кавказе. В период Первой мировой войны «в Грузии и на Кавказе пересекались влияния и интересы Османского государства, Германии, России и государств Антанты» (Анчабадзе и др., 2008, с. 387). Отмечается, что «военно-политические планы Османского государства в Грузии и в целом Закавказье потерпели поражение» (Абдаладзе и др., 2008, с. 17).

В некоторых случаях привлечены новые источники. Так, например, приводится цитата из книги С. Какабадзе «История Грузии в сжатом изложении: Новая эпоха», которая впервые была издана в 1921 году. В этой книге говорится о борьбе против турков после Брестского договора:

«8 апреля [1918 года] у реки Натанеби грузинские отряды и бронепоезд, которым командовал Гогвадзе, встретили османское войско. Османы были разгромлены и потеряли 600 человек только убитыми, не считая раненых» (Ахметели, 2009, с. 294).

Отмечается, что по условиям Мудросского мирного договора «Турция оставила оккупированные территории Закавказья» (Абдаладзе и др., 2008, с. 52).

Говорится об антигрузинской деятельности агентов Турции в Ахалкалакском и Ахалцихском уездах в 1918-1919 годах. «Правительство Грузинской Демократической Республики, несмотря на некоторые территориальные потери, все же сумело сохранить территориальную целостность страны» (Абдаладзе и др., 2008, с. 52).

В учебнике «История Мира и Грузии» для 12-го класса специальный урок посвящен теме «Распада Австро-Венгерской и Османской империй». Эти события описаны следующим образом:

«В октябре 1918 года Османская империя объявила о капитуляции в Первой мировой войне. Войска Антанты заняли территорию Османов. Мустафа Кемал-паша и его друзья возглавили национальное движение, которое начало борьбу против войск Антанты. В 1920 году Кемал был избран председателем Национального собрания, а в 1923 году, после вывода сил союзников, когда на территории Турции была создана республика, его избрали первым президентом» (Ахметели, Мургулиа, 2008, с. 106).

Дальше рассказывается о Лозанском договоре, оформившем границы Республики Турции и юридически узаконившем распад Османской империи; реформах Кемала-паши, «целью которых была модернизация Турции и формирование государства европейского типа. В ходе президентских выборов Кемалу было присвоено новое имя – Ататюрк, что означает «отец турков». В источнике дается «14 пунктов» Вудро Вильсона, из которых 12-ый касается Турции. Представлена символика Османской империи и Республики Турции и дается задание: «Обсудите, как отразилась история на символике страны» (Ахметели, Мургулиа, 2008, с. 107).

Россия

До августовской войны (2008 года) между Грузией и Россией образ последней в учебнике в основном не изменился. Также излагается колонизаторская политика России и борьба за восстановление государственной независимости Грузии. Часть авторов подводит учащихся к мысли о необходимости двустороннего подхода к истории взаимоотношений с Россией, а также ее роли в истории Грузии. «В этот период истории Грузии [1801-1918 гг.] можно увидеть лишь негативные тенденции, или же их можно оценить и позитивно?» (Ахметели & Мургулиа, 2008, с. 34) – вот задание, которое предлагается ученикам 12-го класса.

Интересно, что в одном из учебников в качестве источника приводятся слова Ноя Жордания на первом Национальном собрании Грузии (ноябрь 1917 года), на котором он обосновывает стремление Грузии к России желанием дистанцироваться от Востока:

«Это было исторической необходимостью. Тогда перед Грузией стояла дилемма – или Восток, или Запад. И наши предки решили отдалиться от Востока и обратиться к Западу. А путь к Западу лежал через Россию... Теперь мы стоим перед той же дилеммой – ...или опять Запад и, следовательно, Россия, или Восток» (Анчабадзе и др., 2008, с. 372).

А через несколько параграфов приводится выступление Ноя Жордания на заседании Учредительного собрания Грузии 14 января 1920 года, которое наглядно демонстрирует изменившееся за короткий срок отношение к России:

«Мы всегда выбирали и выбираем Запад... Пути Грузии и России и тут разошлись: наш путь лежит в Европу, а России – в Азию. Враги будут кричать, что мы примыкаем к империалистам. Поэтому я должен решительно заявить: я предпочитаю западных империалистов восточным фанатикам» (Анчабадзе и др., 2008, с. 389).

В учебниках отмечается, что «на рубеже XIX-XX веков русские поселения в массовом порядке создавались на абхазском причерноморье. Основную часть русских, проживающих в городе, составляли офицеры и интеллигенция, настроенная против царя. Известно, что для императора Кавказ «был ближней Сибирью», куда часто ссылали политически неблагонадежных лиц» (Элизбарашвили и др., 2007, с. 153).

Подчеркивается активное вмешательство советской России во внутренние дела Грузии в период Закавказского Сейма и Грузинской Демократической Республики: «Русские считали районы Сочи и Гагры российской территорией, грузинская сторона обосновала несостоятельность территориальных претензий, но русские не изменили свою позицию»; «К захвату территорий Грузии стремилась как большевистская Россия, так и боровшийся против нее белогвардейский генерал Антон Деникин» (Анчабадзе и др., 2008, с. 383). С 1917 года Россия поддерживала «национальный совет Южной Осетии, стремившийся к отделению от Грузии и присоединению к Северной Осетии, т. е. России... Осетинские сепаратисты особенно активизировались после того, как большевики захватили власть на Северном Кавказе и вооружали сепаратистов, подстрекая их к большевистскому перевороту»... После того, как летом 1920 года народная гвардия и части регулярной армии Грузии подавили восстание сепаратистов, Георгий Чичерин направил правительству

Грузинской Демократической Республики ноту, в которой выражалась обеспокоенность по поводу этого факта. Россия временно отступила (Абдаладзе и др., 2008, с. 50-52).

В изданиях 2008 и 2009 годов приводится цитата из сочинения Н. Жордания, в которой говорится о том, как готовилось так называемое восстание в Лорийском районе:

«Разгорелась война. Москва, посредством радио, оповестила мир о том, что в Грузии началось восстание, а в Закавказье она заявляла, что советская Армения напала на меньшевиков и требовала присоединения Борчалы к Армении. Чтобы подбодрить народ, мы подхватили эту версию. Потом начали говорить об азербайджанцах. Когда среди пленных появились русские, мы говорили, что им помогают русские. Эта агитация помогала, народ был возмущен... Они еще не знали реального положения дел – что воюет русская армия, а не армянин или азербайджанец» (Ахметели, Лорткипанидзе, 2009, с. 294).

Что касается установления советской власти, то эта тема рассматривается на фоне грузино-российских отношений и событий на Южном Кавказе. Рассказывается о деятельности грузинских большевиков, которых поддерживала Советская Россия. «Помимо грузинских большевиков, Москва также настраивала против Грузии национальные меньшинства, проживающие в стране» (Абдаладзе и др., 2008, с. 54). Перечисляется ряд следующих событий: договор между РСФСР и Грузинской Демократической Республикой от 7 мая 1920 года, план войны с Грузией, составленный в Москве и предусматривающий организацию восстания в Борчалинском уезде. За восстанием должно было последовать вступление в Грузию Красной Армии якобы с целью «оказания помощи трудящимся» (Абдаладзе и др., 2008, с. 55).

В качестве источников приводятся фрагменты из тайных телеграмм С. Кирова, И. Сталина, С. Орджоникидзе, посла Грузинской Демократической Республики в России Г. Махарадзе, газетные публикации, переписка между С. Орджоникидзе и ЦК РКП(б) после советизации Азербайджана. Эти документы отражают отношение Советской России к Грузии и процесс подготовки к установлению советской власти (Анчабадзе и др., 2008, с. 395-397).

Примечательно заглавие одного из источников – «Подготовка вторжения 11-ой армии в Грузию». Приводятся отрывки из писем Сталина, Троцкого и Ленина, в которых говорится об оккупации Грузии (Анчабадзе и др., 2008, с. 395-397).

Подчеркивается факт аннексии и оккупации со стороны России:

«В 1921 году армия России с трех сторон вторглась в Грузию. Вооруженные силы Грузии оказывали героическое сопротивление. Силы были неравны. Грузинская армия отступила. 25 февраля большевистская армия заняла Тбилиси» (Купатадзе, Самушиа, 2009, с. 149).

Приводятся источники, из которых следует, что большевики в случае взятия Тбилиси обещали «рай» голодным, не одетым, безоружным солдатам. Один из пленных русских солдат рассказывал, что им пообещали дать возможность грабить город в течение недели (Анчабадзе и др., 2008, с. 402).

На основании этих источников учащиеся могут определить свое отношение к роли России в Грузии в 1920-х годах. Приводятся взаимоисключающие оценки 25 февраля 1921 года (Анчабадзе и др., 2008, с. 403). Приведенные в конце параграфов вопросы также актуализируют тему оккупации и аннексии: «Почему, по вашему мнению, Россия маскировала свои намерения и какими методами пыталась завоевать Грузию?»; «Какие методы использовала Россия для оккупации Грузии?» (Ахметели, Мургулиа, 2008, с. 98). В учебнике 9-го класса установлению советской власти в Грузии посвящен параграф под названием «Оккупация Грузии», а ученикам 12-го класса предлагается написать сочинение на ту же тему (Ахметели, Мургулиа, 2008, с. 91).

Армяне, азербайджанцы, народы Северного Кавказа

В Национальном учебном плане отмечается, что в 8-м классе преподавание истории и географии должно опираться на принцип глобальной регионализации, на обзор ряда характеристик народов Кавказа (демографическое, этническое, религиозное многообразие). Рекомендуется также выработать у учащихся умение сравнивать по вышеуказанным характеристикам схожие регионы (Национальный учебный план для общеобразовательных школ. 2008-2009, с. 77).

В учебнике для 8-го класса, в который интегрированы курсы по истории Мира, истории Грузии и гражданское образование, акцент сделан именно на Кавказском регионе. Говорится об общих и разных чертах народов Южного Кавказа. Приводятся карты Кавказа, а также объяснение географических названий. В учебнике по истории и географии Грузии и Мира для 8-го класса учащимся предлагается версия географической границы между Европой и Азией, согласно которой три государства Южного Кавказа оказываются частью Европы (Неидзе и др., 2007, с. 5). Приводится информация о географическом расположении, климате, экономике, политических системах, ресурсах, населении соседних государств (России, Армении, Азербайджана, Турции и Ирана) (Элизбарашвили и др., 2007, с. 154-274).

Кавказ представлен как регион, отличающийся этническим и религиозным многообразием. «Народы Кавказа на протяжении долгой истории имели тесные культурные и хозяйственные связи, что обусловило их сближение»; «наряду с этническим и религиозным многообразием, кавказские народы имеют много общего» (Элизбарашвили и др., 2007, с. 142-143).

В то же время указывается, «что этническая и религиозная пестрота иногда создает серьезные политические проблемы в регионе» (Элизбарашвили и др., 2007, с. 119). Интересен V раздел учебника для 8-го класса – «Географическое положение. История конфликтов». В этом разделе дается определение стереотипов, которые, по мнению авторов, являются одним из факторов разжигания этнических и религиозных конфликтов (Элизбарашвили и др., 2007, с. 170-227).

Примечательны такие заголовки как «Кавказский узел», «Многоэтничный Кавказ», «Быт кавказских народов» (Элизбарашвили и др., 2007, с. 117-120, 121-122, 143-147) и др. Вместе с тем, авторы этого учебника сочли необходимым объяснить учащимся 8-го класса факт наличия многочисленной армянской общины в Грузии:

«Среди армян много арменизированных грузин, так как в средние века, чтобы спастись от мусульманства, грузины становились паствой армянской апостольской церкви. В Иране и Османском государстве, в отличие от других христиан, армяне пользовались существенными налоговыми льготами. Центром культурной деятельности и этнической самобытности армян была армянская апостольская церковь. Армянин, отказавшийся от веры предков, больше не считался армянином, а тот не-армянин, который становился членом паствы армянской апостольской церкви, становился армянином, независимо от того, знал ли он армянский язык. В XIX веке и до 1917 года, армяне имели в Тбилиси важные национальные учреждения (театры, школы, газеты)» (Элизбарашвили и др., 2007, с. 152).

Часть авторов проявляет осторожность, описывая конфликты, возникшие между новообразованными государствами Южного Кавказа в короткий период их независимости. Военные столкновения между Грузией и Арменией в декабре 1918 г. и осложнение отношений с Азербайджаном в январе 1919 г. интерпретируются в одном из учебников как пограничные конфликты (Анчабадзе и др., 2008, с. 385-386). Военным действиям не уделяется много внимания. В качестве одного из источников приводится фотография, на которой озабочен военный парад в честь победы в войне с Арменией. Там же отмечается, что «когда грузины заняли Борчалинский уезд, азербайджанцы выразили протест, но дело кончилось мирным договором» (Анчабадзе и др., 2008, с. 386).

При изложении событий начала 1921 года не говорится об этническом составе населения «восставших» районов. Авторы также избегают упоминаний о негрузинском составе населения этих районов. Упомянуты лишь интересы и намерения ряда внешних акторов, и, в первую очередь, России (Ахметели, Лорткипанидзе, 2008, урок 117; Анчабадзе и др., 2008, урок 91). В другом же учебнике, напротив, отмечается, что установлению советской власти предшествовали восстания среди национальных меньшинств, которых подстрекала и поддерживала Россия (Анчабадзе и др., 2008, с. 384).

Отмечается, что Армения и Азербайджан де-юре признали независимость Грузии в 1919 году (Анчабадзе и др., 2008, с. 389). «Страны Запада не решились противостоять одержавшей победу в Гражданской войне Советской России. Государства Южного Кавказа – Азербайджан, Армения и Грузия – оказались в международной изоляции» (Анчабадзе и др., 2008, с. 394).

Подытоживая анализ образов соседей в учебниках третьего поколения, можно сказать, что в них отражаются изменения в подходах преподавания предмета истории, учитываются требования Национального стандарта, просматривается стремление к преодолению последствий конфликтной памяти. Впрочем, последнее утверждение относится не ко всем соседям. Сложные отношения с Россией нашли свое отражение в содержании учебников, как и, в целом, в политике памяти в стране. Августовская война 2008 года между Грузией и

Россией актуализировала образ «другого», который наделяется атрибутами «исторического врага». В результате после войны тема российской колонизации и оккупации стала еще более актуальной в грузинской историографии.

* * *

Учебники третьего поколения вызвали немало разногласий в среде специалистов. Можно выделить два наиболее спорных вопроса. Первый из них касался «интегрированных учебников» (т. е. содержащих общий курс по истории, географии и гражданского образования). Объединение предметов оказалось искусственным, механическим и непродуктивным, поэтому в дальнейшем Министерство образования и науки отказалось от этой идеи. Второй вопрос связан с почти полным исчезновением авторского нарратива в большей части учебников. Именно этот подход вызывает наиболее острые споры, как между преподавателями, так и представителями научного сообщества.

Претензии не лишены основания: в ряде случаев выбор источников не до конца продуман, возникает проблема создания фрагментарного представления об историческом процессе.

Но главное, по нашему мнению, то, что учебники нового типа требуют от преподавателя больше профессионализма и мастерства. Новый учебный нарратив – это уже не традиционный учебник с готовым текстом, который ученик должен выучить, а педагог проверить уровень запоминания им фактического материала. Представления об истории как традиции интерпретации известного нам ряда фактов с трудом воспринимается не только в преподавательской, но и в академической университетской среде. «История есть история! Мы должны написать реальную историю, как она была, и ничего больше!» – это слова одного из профессоров, и этот подход по сей день доминирует среди историков.

Большинство школьных преподавателей свято верят в единственную «реальную историю» и считают, что преподавание этой «реальной» истории может способствовать разрешению конфликтов. На вопрос экспертов, что же значит «правильное преподавание», преподаватель, как правило, отвечает: это преподавание того, что является правдой, что действительно случилось (Gundare, 2006, с. 34).

И, наконец, вновь следует вернуться к проблеме «политического заказа» и позиции историков. Известно, что принципы, определяемые государством для авторов и издателей учебников, основаны не только на правилах педагогики. На формирование этих принципов влияет и политика. В идеальном случае, научная добросовестность, педагогика и политические принципы должны «сотрудничать» в учебниках (Pingel, 2003, р. 7). Но это случается редко. Как правило, политика берет верх и многие профессионалы не испытывают по этому поводу особой радости.

Заключение

Образы «других», в том числе соседей, представленные в учебниках по истории Грузии, до настоящего времени не были предметом специального исследования. Большой интерес у

исследователей вызывал вопрос о степени «включенности» истории национальных меньшинств в общую историю Грузии. Эти исследования можно рассматривать как важный шаг на пути формирования гражданского общества.

Приведенный же в данной статье анализ позволяет сказать, что в учебниках истории, используемых в общеобразовательных школах в настоящее время, более детально, по сравнению с дореформенными учебниками, представлен контекст – как региональный, так и мировой. Это позволяет авторам предоставить учащимся больше информации о соседях. В учебниках фактически отсутствуют этнические, религиозные и другие стереотипы. Акцент сделан на формировании гражданского сознания, в отличие от дореформенных учебников, в которых акцентировались вопросы этнической идентичности. История Грузии в новых учебниках изложена в более нейтральном тоне, и это дает возможность учащимся дистанцироваться от «прошлого». Подобному дистанцированию способствует также ознакомление с различными интерпретациями исторических событий.

В то же время, несмотря на то, что анализ трех постсоветских поколений учебников позволяет сделать заключение о позитивной динамике изменений в нарративе в целом, и в вопросе о репрезентации образов соседей в частности, нельзя не отметить, что и учебники третьего поколения не лишены недостатков. В данной статье мы попытались проанализировать некоторые причины, обуславливающие наличие в учебниках определенных недостатков.

За прошедший после начала реформы период в Грузии накопился определенный новый опыт в сфере преподавания истории. Было проведено немало встреч, на которых присутствовали авторы учебников, представители научных кругов, специалисты в области образования, учителя средних школ. Инициировали эти встречи как государственные, так и негосударственные структуры, а также международные организации. Опубликованы работы, отражающие результаты анализа учебных программ, учебников, опросов педагогов и учащихся. Развиваются и становятся все более продуктивными контакты с зарубежными коллегами. Если иметь в виду, что вопрос о репрезентации отношений с соседями в учебниках истории является одним из наиболее важных для обществ в процессе транзисии (Stradling, 2003, p. 12), то можно утверждать, что как раз крепнущие связи с коллегами из стран ЕС, США и пр., будут способствовать преодолению существующих недостатков.

Проанализированные учебники

Абдаладзе Г., Квитаишвили Н., Купатадзе Б., Джануашвили К., 2008. *Новейшая история. 12 класс*. Тбилиси: Изд-во «Сакартвелос мацне».

Антелава И., Гаприндашвили М., Вачнадзе М., Меликишвили Г., Метревели Р., 1996. *История Грузии с древнейших времен до наших дней. Вспомогательный курс для средних школ и неспециальных высших учебных заведений*. Тбилиси: Изд-во «Ганатлеба».

Антелава И., Вардосанидзе С., Метревели Р., 1999. *История Грузии. Учебник 7 класса для русской школы*. Тбилиси: Изд-во «Интеллекти».

Анчабадзе Г., Гамкрелидзе Г., Сургуладзе М., Швелидзе Д., 2008. *История Грузии. 9 класс.* Тбилиси: Изд-во «Логос пресс»

Асатиани Н., Кигурадзе Н., Саникидзе Г., Пирцхалава Л., 2007. *История. 11 класс.* Тбилиси: Изд-во Бакура Сулакаури.

Ахметели Н., 2009. *История Грузии. 9 класс.* Тбилиси: Изд-во «Диогене».

Ахметели Н., Лорткипанидзе Д., 2008. *История Грузии. 9 класс.* Тбилиси: Изд-во «Диогене».

Ахметели Н., Мургулиа Н., 2008. *История Грузии и мира. 12 класс.* Тбилиси: Изд-во «Диогене».

Вачнадзе М., Гурули В., 2000. *История Грузии (XIX-XX века).* 9 класс. Тбилиси: Изд-во «Артануджи».

Вачнадзе М., Гурули В., 2002. *История Грузии. 11 класс.* Тбилиси: Изд-во «Артануджи».

Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М., 1999. *История Грузии. 1 класс.* Тбилиси

Кигурадзе Н., Пирцхалава Л., Чикваидзе Ц., 2007. *История. 10 класс.* Тбилиси: Изд-во Бакура Сулакаури.

Кикнадзе З., Неидзе В., Патаридзе Л., Сургуладзе М., Лаошвили З., Узунашвили Т., 2006. *История/география Грузии и мира. 7 класс.* Тбилиси: Изд-во «Логос пресс».

Кикнадзе З., Патаридзе Л., Сургуладзе М., Узунашвили Т., 2006. *История. 10 класс.* Тбилиси: Изд-во «Логос пресс».

Купатадзе Б., Самушиа Дж., 2009. *История. 7 класс.* Тбилиси: «Грузинский биографический центр».

Ломашвили П., 1992. *История Грузии. 9 класс.* Тбилиси: Изд-во «Ганатлеба».

Ломашвили П., 1999. *История Грузии. 1918-1991. 11 класс.* Тбилиси: Изд-во «Ганатлеба».

Ломашвили П., 2002. *История Грузии (1801-1918). 10 класс.* Тбилиси: Изд-во «Ганатлеба».

Ломашвили П., 2002. *История Грузии. 1801-2001. 11 класс.* Тбилиси: Изд-во «Ивериа».

Ломашвили П., 2002. *История Грузии. 9 класс.* Тбилиси: Изд-во «Ганатлеба».

Неидзе В., Сургуладзе М., Анчабадзе Г., Бахиа-Окруашвили С., Бокериа М., Еремашвили Н., Мшвениерадзе Г., Узунашвили Т., 2007. *История/география Грузии и мира. 8 класс.* Тбилиси: Изд-во «Логос пресс».

Рамишвили П., Ахметели Н., Сартаниа Д., Чхиквишвили Г., 2007. *История Грузии и мира. 11 класс.* Тбилиси: Изд-во «Диогене».

Саникидзе Л., Метревели Р., 1999. *Летопись нашей Родины. 5 класс.* Тбилиси: Изд-во «Цисарткела».

Элизбарашвили Н., Кереселидзе Д., Блиадзе М., Самушиа Дж., Купатадзе Б., Квитаишвили Н., Джануашвили К., Меипариани Т., Микиашвили Л., 2007. *История и география Грузии и мира. Гражданское образование. 8 класс*. Тбилиси: Изд-во «Сакартвелос мацне».

Документы

Закон Грузии об общем образовании. 2005. 8 апреля. Тбилиси.

Национальные цели общего образования. 2004. Указ правительства Грузии № 84, 18 октября. Тбилиси.

Национальный образовательный стандарт по всеобщей истории. 1997. Т. Николаишвили и Ц. Чикваидзе. Тбилиси.

Национальный образовательный стандарт по истории Грузии. 1997. П. Ломашвили и С. Вардосанидзе. Тбилиси.

Национальный учебный план для общеобразовательных школ. 2008-2009 учебный год. 2008. Тбилиси.

Национальный учебный план для общеобразовательных школ. 2010-2011 учебный год. 2010. Тбилиси.

Полный перечень грифированных учебников на 2010-2011 учебный год. 2010. Центр национальных учебных планов и оценки. Доступно на: ganatleba.org./index.php?m=149

Библиография

Berger S., 2009. The Comparative History of National Historiographies in Europe: Some Methodological Reflections and Preliminary Results. In: S. Carvalho and F. Gemenne, ed., *Nations and their Histories. Constructions and Representations*. NY: Palgrave Macmillan, pp. 29-45.

Carvalho S., Gemenne F., 2009. Introduction. In: S. Carvalho and F. Gemenne, ed., *Nations and Their Histories. Constructions and Representations*. NY: Palgrave Macmillan, pp. 1-6.

Gigineishvili L., 2007. Post-reform History Textbooks in Georgia: Changing patterns and the Issue of Minorities in Georgian History. *History Teaching in Georgia: Representation of Minorities in Georgian History Textbooks*. CIMERA, Geneva, pp. 7-30. Available at: www.cimera.org

Gundare I., 2007. The Teaching of History in Georgia. With Special Focus on the Armenian and Azeri Minorities and Their Representation in Georgian History Textbooks. *History Teaching in Georgia: Representation of Minorities in Georgian History Textbooks*. CIMERA, Geneva, pp. 23-68. Available at: www.cimera.org

Jones S., 1994. Old Ghosts and New Chains. Ethnicity and Memory in the Georgian Republic. In: R. S. Watson, ed., *Memory, History and Opposition under State Socialism*. Santa Fe: School of American Research Press, pp. 149-165.

Koulouri C., 2002. Introduction. In: C. Koulouri, ed., *Clio in the Balkans. The Politics of History Education*. Thessaloniki: Petros Th. Ballidis & Co, pp. 15-52.

Mehlinger H. D., 1985. International Textbook Revision: Examples from the United States. *Internationale Schulbuchforschung*, № 7.

Pingel F., 2003. Two Stories of Victimization and Self-Assertion. Schoolbooks and Curricula in the Context of Politics and Academic Research. In: F. Pingel, ed., *Contested Past, Disputing Present. Curricula and Teaching in Israeli and Palestinian Schools*. Studien zur Internationalen Schulbuchforschung. 110/2. Hannover, pp. 7-28.

Reisner O., 1998. What Can and Should We Learn from Georgian History? Observations of Someone Who Was Trained in the Western Tradition of Science. *Internationale Schulbuchforschung*, № 20, pp. 409-423.

Reisner O., 2009. Interpreting the Past – From Political Manipulation to Critical Analysis? *Caucasus Analytical Digest*, # 8, 17 July, pp. 2-4.

Stojanovic D., 2001. History Textbooks and Creation of National Identity. In: C. Koulouri, ed., *Teaching the History of Southeastern Europe*. Thessaloniki: Petros Th. Ballidis & Co, pp. 27-32.

Stradling R., 2003. *Multiperspectivity in History Teaching: A Guide for Teachers*. Council of Europe.

Weigl B., Maliszkievicz B., 1997. Multicultural Education Programme “Let’s Meet Others – They are not Strangers” carried out in the TAK School in Opole. *Internationale Schulbuchforschung*. 19 (2), pp. 175-189.

White J. J., 1988. Searching for Substantial Knowledge in Social Studies Texts. *Theory and Research in Social Education*, 16, 2, pp. 115-140.

Бендианишвили А., Даушвили А., Самсонадзе М., Кокрашвили Х., Чумбуридзе Д., Джанелидзе О., 2008. *Российский колониализм в Грузии*. Тбилиси: Изд-во «Универсали».

Газета «Резонанс», 11 декабря, 2010.

Газета «Сакартвелос республика», 7 ноября, 2008.

Джанелидзе О., Сиамашвили Г., 2010. По следам «белых пятен» истории Грузии. В: Бамсдорф Ф. и Бордюгов Г., ред., *Национальные истории на постсоветском пространстве. Ч. 2. Десять лет спустя*. Москва: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, с. 244-264.

The Effect of Religious Identity on the Construction of Otherness: Perception of Armenian Identity in the Turkish Education System

Ceyhan Suvari

Introduction

This study suggests that Armenian identity, positioned as “the other” in the construction of Turkish identity, has been understood from a religious perspective rather than an ethnic or national one. This perception has in turn been supported by stereotyped historical narratives. For this purpose, this paper examines the portrayal of Armenian identity and fictionalized narratives present in history textbooks approved by the Education and Morality Council of the Turkish Republic Ministry of Education and used as didactic tools at different levels of the Turkish education system. The subject of Armenian identity has been highlighted especially in the textbooks dealing with the lecture on “*Principles of Atatürk and Revolution History*”⁴⁴. For this reason, textbooks on this subject from different time periods have been examined.

Assessments of the arguments in textbooks have been conducted with an anthropological approach rather than a historical one. My aim is not to act as a historian but to analyze the national historical statements reconstructed with nationalist perspectives and clichés ranging from the first years of the republic’s foundation to today. I have therefore focused on clichés found within these narratives rather than only concentrating on historical facts.

The focus on clichés illuminates how the dilemma of “us vs. them”, central in the construction of a group’s identity, mostly arises from stereotypes. Answers given to the questions “Who am I?” and “Who are we?” underlie the sense of identity. Thus, consciousness and feeling of belonging is constructed upon the contradiction of “us” and “others/them” (Küçükcan, 1999, p. 45-46; Bilgin, 2007, p. 35). People are often most sensitive about their own cultures when they first meet other people. This moment may therefore serve as the most suitable occasion for constructing their own identities, reinforced from the position of “the other” against “us” (Cohen, 1999, p. 78). For this reason, the relation between “I/we” and “the other” must be understood. Bilgin states that dual concepts, such as similar-different, local-foreigner, close-far, friend-enemy, normal-perverse and minority-majority, determine this relationship (2007, p. 177). Synthesizing the works of various researchers, eight criteria define any group under a single and common

⁴⁴ The purpose of the lecture “Principles of Atatürk and Revolution History” has been specified as follows in the official web page of Ministry of Education (see: <http://orgm.meb.gov.tr/OzelEgitimProgramlar/Egitilebilir/07%20.htm>): It discusses the situation of the Ottoman Empire during the First World War and its consequences, Ataturk’s education, personality and qualities, along with the events and phenomena regarding life, particularly during his last days, the Independence War and resulting developments in Turkey, including political, legal, educational, economic, social and cultural reforms, Ataturk’s opinions regarding national education, the meaning of Kemalism, and the significance of Ataturk’s principles and reforms for the Turkish nation.

identity: a group with a collective special name for itself; a common ancestors belief; sharing of historical memories; one or more common cultural elements shared by the group members; a connection with a certain land/motherland; a developed sense of solidarity among group members; choice of endogamy marriages; and a sense of themselves as a special group (Smith, 2002, p. 47-55; Altuntaş, 2002, p. 20-21; Küçükcan, 1999, p. 46; Aydın, 1998, p. 55-56; Fawcett, 2000).

In constructing “us”, the group is able to establish a common identity through these criteria. Stereotypes play an important role at this stage, not only signifying “us” against “the others” and affirming the above variables in our favor, but also negating and trivializing these eight factors against “the others” by means of stereotypes towards this group. In this way, they further serve to construct “us”.

My purpose in addressing stereotypes is to analyze “the logic” of these explanations rather than the extent to which they reflect reality. Yet, as Milas underlined, relation between stereotypes and reality is less significant. Instead, the model and project in which they have been created is essential, along with the social needs they address, the ideologies they serve, and how they promote them (2005, p. 21). So, a study of stereotypes will reveal thought patterns and perspectives on identity.

At the same time, examining the discussion of Armenian identity in textbooks since the foundation of the republic will provide clues as to why “Armenianhood” is deemed as a problem, in addition to showing changes in the state’s official ideology. Sections of the textbooks that have been used since the first years of the republic, explaining the events of 1915 and the Exile Law, have been fictionalized under the title of the “Armenian Problem”, using clichés referring to the “Betrayal of Millet-i Sadıka (Loyal Community)” and massacre of Muslims by Armenian gangs. The “Armenian Problem” has been brought into the agenda more often especially since the 1990s, when Armenia emerged as an independent state after the disintegration of Soviet Union.

In conjunction, this subject has also been more frequently addressed in textbooks. Two factors could explain this development. First, **Turkey has become neighbours** with a state that has Armenian instead of Soviet identity. The conflict between Armenia and Azerbaijan serves as a second issue. Because of the dogma regarding “our Muslim brothers and our relatives”, Turkey seems to support Azerbaijan’s side. It is necessary to understand the perspective that Azerbaijanis are “coreligionist and cognate”, which underlies Turkey’s approach to this issue, and to examine the role of religion in construction of national identity generally and Turkish national identity specifically.

Effect of Religion in Construction of Turkish National Identity

Religion has played an important role in the construction of both individual and social identities. Various researchers state that religion is the source of identity in the periods before the Enlightenment Age (McNeill, 1998; Dolukhanov, 1998). Did this effective role of religion come to an end with the modernization process or did it remain but with a secondary importance?

As Geertz also underlines, “national identity and religious commitment are like two faces of a medallion” (2001, p. 73). Moreover, “especially colonial societies have a national identity comprised of the synthesizing of religious traditions and Enlightenment tradition that forms the manifest of secular nationalism” (Kinvall, 2002, p. 88). Rieffer has also considered religion and nationalism as inseparable pieces with many meanings that complete each other (2003, p. 215).

All ethnic groups and national states are “branded” with a certain religion. Demerath suggests the “cultural religion”⁴⁵ concept to explain this situation. According to him, “no matter if religious practices have been fulfilled at the individual level [or even if a person is atheist], the individual is not able to think independently of the religion that is the brand of the ethnic and national identity that he/she comes from” (2000, p. 127-129). As a matter of fact, regardless of where he/she goes, a Middle-Eastern person is usually assumed to have a Muslim identity, without considering the possibility that he/she is a Christian, Jewish, Yezidi or atheist. Yet, the perspective that “Arabs have constructed their ethnic identities around the religion of Islam” has been identified with the Middle East (Tamimi, 2003, p. 168). On the other hand, Catholicism has been a basic criterion for Polish identity (Demerath, 2000, p. 128). Shinto religion has become the political and ideological basis of Japanese nationalization since 19th century and it has been accepted as the official religion as a result (Pye, 2003, p. 48). Even atheists in Northern Ireland are identified as Protestant or Catholic (Demerath, 2000, p. 136).

Although Turkey is officially a secular national state, religion occupies an important place in the construction of Turkish identity. Islam is the most important and most known symbol of “Turkishness” in ethnic terms, and religion marks belonging to the nation for its people both within and outside of Turkey. Regardless of where they are, both Turks and non-Turks equate Turkish identity with Islam. Moreover, this concept has now become a cliché as it is for other ethnicities and nations. According to the results of Küçükcan’s research on Turks living in England, Islam has been a central, inseparable aspect of their identities, even for those who do not consider themselves as Muslims. The study revealed that 43% of those surveyed certainly believe in Allah, whereas 47% express doubt regarding this idea. The percentage of non-believers is 4% while 4% are not concerned with the issue of religious beliefs, with 2% not answering the question. That is to say, beyond being a Muslim, although 51% doubt the existence of Allah or do not espouse this belief at all, for those Turks living in England, the cliché “Turk = Muslim” is common (1999, p. 147).

“The Other”, Stereotyped and Turned into Clichés while Constructing Identities

In social sciences, prejudices and stereotypes define the stigmatization phenomenon (Bilgin, 2007, p. 72). Prejudices are the negative and clichéd judgments attributed generally to a group. People from the “other” group are the targets of these prejudices because of their association

⁴⁵ Demerath’s (2000) “cultural religion” concept matches up with the definition of religion which Geertz (2001) considers as a cultural system.

rather than their actions or skills. In other words, prejudice is a preconceived opinion, the expression of acting negatively against a certain group based on judgment without evidence. Similarly, stereotypes are also predetermined attitudes, ideas and images that we have about various groups; they are general claims or comments developed and communicated in daily chats, mass communication tools, or works of literature and art (Bilgin, 2007, p. 129). According to Milas, stereotypes are established through a) individual experiences, b) common perceptions of the group of which individuals are a member, and c) communication tools, schools, literature, etc. (2005, p. 18-19).

Prejudices and stereotypes play an important role in identity construction. As stigma and labels are placed on all the members of “the others”, they not only determine the meaning of this group in “our” eyes but also confirm “the perfection” of “us.” According to Daniel-Henri Pegeau, each stereotype results from the relation between “I” who is “here” and “the other” who is “there”. In this way, societies or groups determine the cultural, optical, and ideological environment that they belong to. The designated environment displays a strong “duality”: “us” and “others” (Milas, 2005, p. 20).

Prejudices and stereotypes also create categories by totalizing groups that are close to each other. Categorization serves to systematize the environment. A person sorts out the information he/she obtains from the environment, processes this information, and simplifies the phenomenon by exaggerating some similarities between stimuli and ignoring differences (Bilgin, 2007, p. 120). “Turning [new information] into cliché and personalization”, which Adorno considers as the facility to comprehend the incomprehensible (2003, p. 129), is a paradoxical solution. Strict dualities inherent in the earliest development phase, such as “good and evil”, “we and others”, and “me and the world”, allow us to comprehend confusing and complex concepts. They also serve as “the structures required in terms of allowing us to stand up to a reality that will be chaotic by means of foresight and a rough organization”.

The fact that Muslims in Turkey consider Christians in Anatolia, who are from different sects and who speak different languages (Armenians, Assyrians, Keldanis, Christian Arabs, etc.) all as Armenians is a precise result of categorization. An interview that Neyzi conducted with a Christian Arab from Antakya confirms that categorization:

Without a doubt, torture of students that espouse leftist opinions reflect a general tendency but Can believes that his Christian identity made him draw more attention. Oral historical narratives of Christian Orthodox Arab Can Kılçksız from Antakya: “If a Muslim or Turk makes critiques, they are considered as traitors or separatists at most but if a Christian makes the same statement, they take huge counter-measures and they are considered as a foreign threat”. Since torturers could not distinguish one Christian sect from the other, Can has been classified either as an insurgent or “Armenian”: “In their subconscious, they think that I am not one of them. It is a very different thing to feel that fear”. As a matter of fact, the lawsuit of Can has been published by a right-leaning section of the press, referring to Can as a leftist activist with Armenian roots and his name has been published in newspapers as “Kılçksızyan” (2004, p. 195-210).

This and many other similar examples show that Christianity and Armenian identity are perceived as synonymous. Generally in Turkey, both the state and Muslims educated by the government's educational institutions identify Christian "others", particularly when they are criticized, in connection with Armenian identity. In conjunction, prejudices suggesting that Armenians are "unreliable", "insidious", and "resentful" are very common throughout Turkey. In fact, the phrase "son of Armenian" often corresponds to all these adjectives when negative terms are imposed on Armenians, effectively condensing a long story. Prejudices and stereotypes imposed on Armenians can also clearly be seen in textbooks.

Perception of Armenian Identity in Textbooks and Stereotypes Imposed on Armenians

As mentioned above, Armenians in Turkey are "otherized" through references to their religious affiliation. The idea that Armenians are Christians is more frequently used as an "otherizing" tool than the fact that they speak another language or that they come from a different ethnicity, for instance. The perception of "Armenian" as connoting belonging to another religion is seen as negative. Many definitions regarding Armenians through this perception involve stereotypes. In addition, not only ordinary lay people, but also politicians, religious functionaries, bureaucrats, and academics define Armenian identity by using stereotypes and drawing on prejudice.

In textbooks, we can also find clues suggesting that Armenian identity is connected with a "Christian other", drawing on a religious reference, rather than an ethnic or national identity. This situation reveals itself for the first time with the claim suggesting that Armenian religious functionaries have played an active role in facilitation and promotion of Armenian nationalism:

"...The idea of an independent state emerged from the Armenian Church, not from among the Armenian people... Armenian churches have become the places where Armenian nationalism has been represented, rather than places fulfilling their religious responsibilities" (İlgazi, 2009, p. 22-23).

"Armenian religious functionaries have played an important role in terms of both the rebellions and organization" (Turan, et al., 2006, p. 94).

"As before, the patriarch, priests and church organizations have made great efforts in promoting Armenian activities during this period. Without a doubt, Patriarch Zaven Efendi is the first name that comes to mind when one mentions the Church and patriarchate. He has acted like a gang leader rather than a Patriarch" (Selvi, et al., 2006, p. 109).

Another sign that Armenian identity is perceived through a religious lens is the emphasis on Christian Western countries' support for Armenians:

"The third reason that pushes European people to be interested in Armenians is a psychological one. The Christian world considered Armenians as their religious fellows within the boundaries of the Ottoman Empire. According to them, most of the Christians in the Balkans have been rescued and now it is time for rescuing the Armenian minority living in Anatolia..." (Alpargu, et al., 2008, p. 169).

“Gavur”⁴⁶ is another name that Turkish Muslim groups use for Christians. This negative expression removes all kinds of ethnic and linguistic differentiation among the Christian “others”, used instead with a perception of a homogeneous Christian group. Another cliché regarding Armenian identity, based on the perception of “gavur”, can be seen in explanations of Armenian history:

“The historical origin of this community, referred to by their neighbors as Armenians and who call themselves Hay or Hayasdan, mostly depends on narratives and postulates... Actually all Armenians and the country called Armenia was never ruled by a ruler and its people have never formed a country and state of the same type” (Eroğlu, 1982, p. 216).

In short, the abovementioned cliché claims that historical data regarding Armenians all depend on rumors and they have never had a state belonging to them. According to this quote, Armenians are a community without a history or homeland. For this reason, they have set their sights on “our” lands and resorted to every kind of evil deed for the sake of reaching their objectives. Here, by stating that Armenians, who are perceived as others, do not have a history, it is strongly underlined that “we” have a real and ancient history, ignoring the “others” past as “our” history is being built.

A positive Muslim Turk image is constructed in textbooks through a negative perception of Armenians. Adjectives such as “innocent”, “hero”, “forgiving”, “prudent” and “fair” characterize Turks in the textbooks in which Armenians are defined as “drunk”, “mad”, “immoral”, “cowards”, “rapist”, “traitor”, “spiteful people” and “gang members”. As a matter of fact, Yalçın, et al.’s statement “...It is seen that Turkish authorities acted coolheaded and patient against every kind of activity and rampancy of Armenians” clinches the contrast between the Turk and Armenian images. The textbook suggests that the “patient Turk” will not be easily agitated, but in the end even their patience ends as a result of the rampancy of Armenians:

“Loss of lives and the concern people had after random fire that Armenians shot at the end of Ottoman bank robbery has challenged the endurance of Muslim people. This tension has turned into mutual conflicts and many lives have been lost during these incidents” (Turan, et al., 2006, p. 97).

In textbooks, we also frequently encounter the idea that “Turkish people are forgiving in spite of all kinds of evil done by Armenians”. As Saray states, “provided that Armenians will retreat from the lands they invaded without any conditions, Turkish and Azerbaijani Turks wish to have good neighborly relations and live in peace with Armenians by forgetting about all the pain they had in the past”. The author also contributes to the image of the forgiving Turk by saying Armenians will be “forgiven” without any conditions (2000, p. 182).

In a symposium entitled “A Friendly Look on the History While Entering 21st Century: Turk-Armenian Relations”, organized in Igdir with mostly Turkish and Azerbaijani participants, both

⁴⁶The word “gavur” is expressed as “irreligiousness” in the dictionary prepared by Turkish Language Society (see: <http://tdkterim.gov.tr/bts/>)

academics and state officials used many stereotypes regarding Armenians. For example, Memmedov characterizes them with negative adjectives such as “betrayal”, “cunningness”, “ruthlessness” and “wretchedness” (2000, p. 63). Kalafat cites the stereotypes from declarations and added that Armenians are also thieves:

“...In his declaration regarding the Crusade and Armenians, he has stated that Armenians have encouraged Christians to crusade with a spirit of banditry. Local Armenians of Anatolia have left their places to invader Armenians and the robberies that Armenians have committed in Istanbul during the reign of Fatih Sultan Mehmet have been attributed to the forces of Fatih Sultan Mehmet...” (2000, p. 186).

Eroğlu, in parallel with the negative expressions in the declarations presented in the symposium, has stated that Armenians “have not abstained from conducting the highest level of evil deeds, the cheapest of betrayals and the bloodiest murders in eastern, southeastern and southern regions”. He also displays Armenians as “ultimately evil” people (1982, p. 226).

Turan, et al., who discuss the incidents of 1915 in the textbook *Ataturk’s Principles and History of Turkish Revolution*, state that Armenians are “hypocrites” and that those who died in conflicts perished because Turkish people, in order to protect their lives and goods, needed to defend themselves with weapons:

“It was said that independence would be the solution. Armenians, who have never given up on their actual objectives, became patriots within this atmosphere. In spite of this, they carried on being hypocrites and they continued to use every opportunity within the framework of their separatist purposes by taking advantage of the environments provided by independence. However, it was not too long before their masks fell off... Under these circumstances, Turkish people took up arms to defend their lives, goods, and honor, and many Armenians died during the conflicts that occurred. Although Museg, who organized these incidents, ran away to Alexandria and saved himself, he continued lying and conducting mischief” (2006, p. 98).

The text “The Armenian Issue and Eastern Front Line”, provided to students as “additional information” in the textbook, *“Primary School Turkish Republic’s Principles of Atatürk and Revolution History, 8th Grade”*, is also filled with stereotypes and prejudices:

“...Armenians were encouraged by the help and support of Entente States, claiming that they were seeking their rights by coming to the foreground as people who have been wronged. The statements of Ottoman Empire authorities suggesting that Armenians were a loyal people to the state and that they were innocent people also spoiled them. However, Armenians were neither innocent nor loyal to the state. What these people did to the state they were associated with since the end of the 20th century was nothing more than a complete betrayal and hostility above all kind of indulgence... Armenians experienced many losses against the Turkish army and fell into more dangerous positions. Armenians, who understood that being in a war is not as easy as killing armless and defenseless people, declared that they accepted the conditions of truce” (Çağatay, 1998, p. 101).

It was stated that Armenians, defined as “guerillas” in some other textbooks such as Çağatay’s (1998, p. 101), were pulverized when the Turkish army engaged in the situation. Turks achieved

an ultimate victory and ultimately beat the “traitor Armenians” in the battleground. The wishes and demands of Armenians were suppressed forever thanks to the ultimate superiority of Turks over Armenians⁴⁷ (Serdarlar, et al., 1968, p. 63).

In the additional texts in textbooks comprised of personal comments and subjective views of the authors, stereotypes have been used to refer to Armenians as “shameless” (Bircan, et al., 1996, p. 151), along with other derogatory terms, including “slanderer Armenians” (Bircan, et al., 1996, p. 149), “Armenian madness” (Bircan, et al., 1996, p. 151), “drunk Armenians” (Öztürk, 2007, p. 155; İlğazi, 2009, p. 154), and “raki addict Armenians” (Çağatay, 1998, p. 103).

In fact, women of “the other” have been subjected to the highest level of insults while constructing “us” against “them”. “Ego” establishes its power by means of stereotypes used regarding the women belonging to the “other”. Thus, women are defined within the “other” as “indecent”, “coquettish”, and “cheating”, and as “women who are made available” by their men, while “our women” are defined as “decent”, “loyal”, “beautiful”, and “loyal to the religion and the state”. As a matter of fact, Kaşgarlı, who has declared Armenians as eternal traitors, relates this thought to the Crusades, dated long before the period between 1915 and 1918⁴⁸. However, in trying to prove this point, he claims that “women”, who have a critical value in the “honor” concept within construction of Turk-Islam identity, a process to which he has influentially contributed, have not had any value for Armenians and Christian culture. He further contrasts Armenian identity against Turk-Islam identity by means of using the “women” concept:

“Armenians have not only defended Franks against Turks but have also considered every kind of betrayal and felony they committed as ingenuity. They have not stopped at this point, trying to make their girls available to Franks in order to gain their support. They made their girls, with fertile lands in large portions, available to Franks by kind of begging them” (2000, p. 32).

This situation is supported by the image of Armenian women presented to Franks during the Crusades (Kaşgarlı, 2000, p. 32) or the image of “indecent” women, one of whom danced with a French sergeant only once the Turkish flag was taken down from Maraş Castle (Alpargu, et al., 2008, p. 160)⁴⁹. The reading texts about the Maraş Incident and Sütçü İmam are given as case

⁴⁷ Exactly on the contrary to the expression “the wishes and demands of Armenians have been suppressed forever”, the expression “Armenians have never given up on their objective and they are still conducting activities even today for reaching these objectives” is also suggested in textbooks (see: Kürkçüoğlu, et al., 1989, p. 168; Kara, 2000, p. 50; Uzun, 2000, p. 2; Saray, 2000, p. 179)

⁴⁸ This claim made by Kaşgarlı (2000) is in contradiction with the opinions of some Turkish historians. Yet, many Turkish historians have underlined that Armenians were loyal to Ottomans until the 19th century and to Seljuks before Ottomans and that is why Armenians have been mentioned as a loyal community (Millet-i Sadıka). However, Kaşgarlı states that Armenians are “traitors” and they never have been “a loyal community”.

⁴⁹ The incident of taking down the Turkish flag (it should actually be an Ottoman flag because the Turkish Republic has not been founded at that date) and hanging a French flag is told in the above-mentioned book as it follows: Minorities in the city had prepared a feast for the commander of French Forces who invaded Maras. A French commander wanted to dance with a girl from the minority. But the girl said: “I would like to dance with you but not in a place that this Turkish flag is waved, only when I see a French flag on Maras Castle”. After that, the Turkish flag

studies and additional information at the end of each chapter in some textbooks. In this source, the moment when Turkish people lose their patience and attack the “others” in self defense is described as a result of “the evil others” attacking sexual and religious symbols of Muslim Turkish women. “The veil” is the most frequent symbol for this purpose. It has a religious meaning (according to Islam a woman needs to cover her face and hair around men who are strangers to her) and a sexual meaning through the concept of “honor”. For example, in the incident of Sütçü İmam, he shoots “the other” person who opened “the veil” (Kara, 2000, p. 161; Çağatay, 1998, p. 103; Mumcu, et al., 1985, p. 123-124).

The Situation in Textbooks before Exile

It is generally stated in the textbooks that before their exile, Armenians had not had any problems with the Ottoman administration. Until the end of 19th century, they had a good relationship with Muslims and Ottomans called them “Millet-i Sadıka” (Loyal Community) because of these qualities (Kolaç, 2008, p. 55; İlğazi, 2009, p. 59; Turan, et al., 2006, p. 92-93). It is especially underlined in these books that Ottomans were extremely tolerant of all minorities, but particularly of Armenians. Specifically, they had never pressured Armenians to adopt their religion and speak their language:

“As it is known, Turkish Statesmen were responsible for treating everyone equally, regardless of whether they were Turks, Non-Turks, Muslims or Non-Muslims. Armenians were one of the nations who benefitted from this tolerance system the most after Turks emigrated from Asia Minor. The fair and tolerant administration style of the Turks, who emigrated as a dynamic force, has allowed the Armenians, exasperated because of Byzantine pressure, to survive. Armenians, happy with the tolerance and justice of the Turkish administration, had a very comfortable life during the reign of Seljuks and Ottomans. This comfortable life continued until the end of the 19th century, when provocation of Russians and some European nations started” (Saray, 2000, p. 179).

While some textbooks mention that “Armenians had a comfortable and peaceful life” in (Kolaç, 2008, p. 55; Mumcu, et al., 1985, p. 117; Çağatay, 1998, p. 99; Kara, 2000, p. 154; İlğazi, 2009, p. 59; Akkoyun, 1997, p. 72; Akyüz, et al., 1997, p. 117; Akandere, 2008, p. 39; Turgut, 2004, p. 82), others state that “even the owners of the country, the Turks, were not as comfortable and free as they were” (Turan, et al., 2006, p. 93, Bircan, et al., 1996, p. 144). The cliché of “Armenians who had a comfortable and peaceful life” has been strengthened with this statement. In fact, the description of Turks as the “real owners of the country” underlines a hierarchical and categorical

on top of Maras Castle was taken down with the order of the commander and French flag was hung instead of it ... (Alpargu, et al., 2008, p. 160).

However, the hanging of the French flag at Maras Castle is told in this way in another book:

Many stressful incidents occurred in Maras. The first serious incident involved a Turkish woman, returning her home and assaulted by a few drunk Armenians. Sütçü İmam, who saw this incident and killed one of the people who assaulted the woman, managed to escape to Elbistan without being caught. After this incident, which caused tension in Maras, taking down the Turkish flag at the castle with the order of a French commander was the final straw (İlğazi, 2009, p. 154).

distinction between the nation's citizens. It is thereby ingrained in the minds of students that Muslim-Sunni-Hanafi Turks, who are referred to as Millet-i Hakime, truly own the country:

"Ottoman Armenians in Eastern Anatolia have carried on a comfortable and peaceful lifestyle for hundreds of years thanks to the uncommon tolerance policy. It has been so significant that Armenians have earned the title "Millet-i Sadıka" (Loyal Community) as a community sincerely loyal to the Ottoman Empire. Since the state has not forced them to move from their original lands, they spread throughout all corners of the country... In addition to being allowed to fulfill the requirements of their religion without any limitations, these people were also able to speak their own languages freely. Armenians were not conscripted as all other minorities were. Even the real owners of the country, the Turks, were not as comfortable and free as they were. Ottoman Armenians were very happy with this life... Armenians have never had a problem with the Ottoman administration" (Bircan, et al., 1996, p. 144-145).

On the other hand, there are some contradictions in the sections where this issue is discussed. For example the information suggesting that "Armenians have had a very comfortable life and they were not even conscripted" (Eroğlu, 1982, p. 217) contradicts the information in another book that suggests that the "Armenians who were taken into the army betrayed the country" (Akandere, 2008, p. 41):

"Armenians comprised a rich class among Ottoman society. Armenians did not join the army unlike Ottoman Turks" (Eroğlu, 1982, p. 217).

"Upon the declaration of mobilization by the Ottoman Empire before World War I, some of the Armenians that were called to the army escaped to foreign countries while others fled to inner parts of the country and preferred to create rebellions by cooperating with the enemy" (Akandere, 2008, p. 41).

In contrast to the above-mentioned textbooks, some resources state that Armenians "betrayed" Ottoman and Seljuk Empires whenever they had a chance and even helped Crusaders during the Crusades, thus pointing out that Armenians were not in fact a "loyal community". Kaşgarlı's claims, also cited, are as follows:

"The real heroes of the Crusades were not noble overlords but Armenians. Armenians did their best to begin the Crusades and to continue them. They accompanied Crusaders along the road that reaches from Istanbul to Jerusalem. They made terrific efforts to help Christian armies... Thanks to the Armenians' suggestions, Crusade armies that had planned to go to Taurus to reach Jerusalem then followed the Taurus Mountains by northwest and came to Kayseri and held the gates of the Taurus Mountains that are opened to Syria. The people who made efforts so that the Turks would not advance again are not the Crusaders but the Armenians... Adana, Taurus and all of Cilicia were given to the Crusaders by Armenians" (2000, p. 30-32).

In spite of the fact that Armenians never had a majority in any city of Anatolia, they spread to Western cities thanks to the tolerance shown by the Ottomans. It is also claimed that in the process, their wealth grew and their population increased:

"Armenian merchants' and missionaries' partiality and cunningness, along with local rulers' mercy and sometimes their ignorance of certain incidents have caused the Armenian population to

increase in such places over time; and churches, monasteries, schools, and naturally Armenian graveyards have also been established” (Memmedov, 2000, p. 63).

Even if the textbooks that have defined Armenians as the “loyal community” also mostly blame them for the collapse of relations between Ottomans and Armenians (Yalçın, et al., 2006, p. 102; Turan, et al., 2006, p. 98-99; Akbıyık, 2000, p. 107), some books include such statements: “Armenian nationalism emerged through the end of the 19th century with the provocation of Russia, a country that had interests in Anatolia. Russia provoked Ottoman Armenians to divide Anatolia and some trivial Armenian rebellions occurred in some places of Anatolia” (Mumcu, et al., 2001, p. 119). This statement suggests that foreign countries, particularly Russia, used Armenians to their own benefit.

Reasons for Exile Found in Textbooks

Regarding the exile of Armenians, all the textbooks suggest that this was necessary and Armenians were the only people responsible. The Ottoman Empire had to enact an Exile Law since Armenians had “cooperated with the enemy”, “rebelled and killed civilian Muslims” and “made things difficult for the Turkish soldiers on the front lines”. For these reasons, the term “forced migration” is used instead of “exile” in some of the textbooks (Öztürk, 2007, p. 108). The main point underlined in these textbooks is that Armenians, who were the “loyal community” in the past, acted in an “ungrateful” manner and misused the tolerance “we” showed them:⁵⁰

“Armenians followed Armenian committees that sought adventures with the provocation and encouragement of foreign countries with various interests in Turkey and that have maintained their existence in this way. They created turmoil and rebellions, committed sabotage, and even acted as spies for the enemy... They fought against Turkish soldiers. If they had not done these things, it would [not] even be discussed to force them to migrate to different parts of the country and also no military efforts would be used to suppress Armenian rebellions... However, it has never been seen in history that governments had their hands tied as a result of the acts of minorities who do not act in accordance with the interest of the country or who even act to demolish the country. Providing the appropriate punishment for a crime is the most natural right and even duty of the state authorities and government administrator” (Turgut, 2004, p. 83-84).

“The Armenian issue rose to another level during World War I. For the Ottoman Empire, Armenian incidents have turned from being a terrorist movement into a complete betrayal against the country. Armenian gangs who cooperated with Russian armies within the difficult conditions of World War I committed unimaginable torture and massive massacres against Turkish people in the regions they invaded. More than 700,000 Turks migrated from Eastern Anatolia to Western Anatolia as a result of this Armenian ferocity and Armenians massacred approximately the same number of people (Alpargu, et al., 2008, p. 171).

“...The Exile Law was enacted after Armenian rebellions. Ultimately, the rebellion and massacre of Turks in Van made it necessary to enact the law. As the Armenian committee member Papasyan

⁵⁰ In regards to this issue see also: Öztürk, 2007, p. 152; Kara, 2000, p. 155; Akyüz, et al., 1997, pp. 117-118; Bircan, et al., 1996, p. 145; İlgazi, 2009, p. 60.

clearly stated, Armenians' cooperation with Russians, in order to demolish the Turkish nation and state, prompted the migration" (Eroglu, 1982, p. 224).

However, again, there is contradictory information in the discussions of this subject. The first inconsistency regards the name of the state. Although the incidents of 1915 occurred during Ottoman reign, some textbooks have used the name "Turkey" in statements such as "Armenians wanted to found a large Armenian country by taking advantage of Turkey's situation" (Serdarlar, et al., 1968, p. 62). On the other hand, contradictory expressions identify the people allegedly killed by Armenians, sometimes referred to as Turks and sometimes as Muslims. Yet, Turks are not the only Muslim community in Anatolia, which also includes Kurdish and Circassian people, etc. However, authors who used the expression "Turkish" either ignore these groups or include the other Muslims under Turkish identity and try to homogenize Anatolia in favor of Turks.

Exile in Textbooks

As with the other subjects, there are some contradictions and differences in sections regarding the Armenians' exile. The first inconsistency that we see deals with its dimensions, including the affected people and areas⁵¹:

"The Agent of the Commander in Chief, Enver Pasha, demanded in his letter to the Minister of Internal Affairs, Talat Pasha, dated May 2, 1915, that Armenians should be dispersed so that they are not able to rebel against the government. This is only to be applied to Armenians in the regions where rebellions have broken out... With a provisional law enacted on May 27, 1915, the power of relocating and settling the armed people, insurgents, and village and townspeople who disrupt the peace and who betrayed the country by showing resistance and infringement, has been transferred to the army" (Yalçın, et al., 2006, p. 103).

"According to this law, known as the "Exile Law", people who act against the orders of the government, the country's defense and provision of security, were subjected to migrate to other regions either as individuals or en masse if they cannot be stopped in any other way. The law gave large powers to the regional commanders in practice. Eastern Anatolia Armenians, who acted in favor of the enemy during the war against Russia, were forced to immigrate to Syria and Palestine, areas which were not yet front lines at this time" (Turan, et al., 2006, p. 101).

"Exile had to occur in places that would directly shaken the trust of the front line, including Erzurum, Bitlis and Van regions and Mersin and Iskenderun, which were behind Sina front line, and then expanded to Adana, Ankara, Aydın, Bursa, Samsun, Çanakkale, Diyarbakır, Edirne, Eskişehir, İzmit, Kastamonu, Kayseri, Karahisar, Konya, Kütahya, Maraş, Niğde, Sivas, Trabzon and Urfa. Armenians living in these places were transferred and settled in Halep, Rakka, Zor, Kerek, Havran and Mosul" (Akandere, 2008, p. 42).

The second inconsistency can be seen in the information given regarding deaths. It is stated in some textbooks that Armenians reached Syria and Beirut without any losses:

⁵¹ See also: Selvi, et al., 2006, p. 166; Çağatay, 1998, p. 100.

"The claim suggesting that Armenians were massacred during these transfers is not true. Close and simple roads were preferred while the convoys were transferred to their settlement locations and special care was shown for their protection and safety" (Akandere, 2008, p. 42).

Some authors have written that Armenians experienced losses but as a result of natural conditions and Kurdish Tribes and Arabian Bedouins, not the fault of the government:

"During this exile, thousands of Armenians have lost their lives because of road conditions and the raids of Kurdish gangs" (Saray, 2000, p. 179-180).

"The fact that people who have been subjected to forced migration have been attacked by some gangs like those of the Armenians and especially Kurdish Tribes and Arabian Bedouins, and that this was a reason for the loss of lives, is a fact stated in many reports prepared regarding these developments" (Öztürk, 2007, p. 108).

Various textbooks claim that it was other Armenians who killed those subjected to exile:

"Many incidents occurred during the migration. Armenian gangs, armed against Turks and who had taken control of the hills, attacked the convoys to prevent the migration and Armenians in the convoys reacted during these attacks. Security forces responsible for the transfer of the convoys had to prevent the incidents and fulfill their duties. In this situation, an armed conflict was inevitable between the parties. As a natural result, many people lost their lives" (Turan, et al., 2006, p. 102).

Textbooks accepting that Armenians died during exile claim that this was natural and that the number of Muslims or Turks killed by Armenians before and after the exile would have been much higher than the number of Armenian people who died as a result of the migration:

"It has been avoided with care, as the conflicts between Muslims and Armenians would have caused a much more significant loss of life to the Muslim population than the number of deaths that has been exaggerated on the Armenian side, which continues to use these incidents for propaganda until today" (Öztürk, 2007, p. 108).

"It is true that Armenians have had some losses during conflicts in Eastern Anatolia and the exile. In fact, no one denies that... Also, it should clearly be stated that the losses that Turks experienced as a result of rebellions and massacres started by Armenians was much bigger than those of the Armenians" (Alpargu, et al., 2008, p. 173).

"Armenian people have died during this exile because of climate conditions, the difficulties of the roads, contagious diseases or various rebellion movements, attacks of gangs and various other reasons... However, the number of Turks who died because of incidents that Armenians caused and their actions that forced Turks to impose an exile, is much higher than the losses of Armenians" (Selvi, et al., 2006, p. 166).

Some of the textbooks that attribute the losses of Armenians to natural conditions have compared two different situations with the statement, "some of the Armenians have lost their lives because of natural conditions and lack of public order, however, it should not be forgotten that approximately 100,000 Turkish soldiers died in Sarıkamış because of difficult natural conditions. As a result, Turkish nationals cannot and should not be held responsible for what

happened during the migration of Armenians” (Bircan, et al., 1996, p. 145). They tried to display Armenian exile and the deaths during that exile as a “legitimate and ordinary” phenomenon.

Conclusion

The Armenian issue has been significantly discussed in textbooks of the lecture *Principles of Atatürk and Revolution History* used in the Turkish educational system. Although the textbooks have tried to use a common language regarding the Armenian issue, contradictory information is given regarding Armenian history, the exile, and the incidents that occurred during this period.

Judgments including quite a number of stereotypes and prejudices regarding Armenian identity are used. The textbooks discuss Armenians, who have been positioned as enemies and “others”, in terms of contradictions such as good-evil, superior-inferior and fair-unfair. Armenian identity, considered as being “the other”, is displayed in a negative manner whereas “we”, Turks of the Ottoman Empire and Republic of Turkey, have been fictionalized as perfect and superior. Violence, killing children, raping women, setting eyes on “our” lands, acting immorally and cowardly, being hypocrites and traitors were stated in reference to Armenians. Even if it is rare, a Turkish evil deed is specified but then justified as an “appropriate reaction” or a kind of “punishment” against the massacres and betrayals that Armenians committed against the Turkish people.

In spite of claims that this “evil” state of Armenians resulted from “provocations” by Russia and England through the end of the 19th century, it is actually specified that this state of “being evil” is eternal. Armenians, who are “others” against “us”, those who are fair and superior, are always inferior in some way when compared to “us” and they need to act in accordance with this. Almost every textbook uses the statement, “the rightful owners are the Turks who are the real owners of the country”. Actually, perception of Armenians as a “loyal community” is as much the result of a problematic perspective as the perception of Armenians as “traitors”. Armenians, who are “otherized” in both cases, are degraded to a position lower than Turks, who are shown as “the ruling nation” in other words. While there is a direct insult with “traitor Armenians” in the first perspective, the expression of “loyal community” expects an attitude of ultimate submission, implicitly stating that Armenians are in a lower position than Turks. Armenians have also been the “others” economically, becoming rich as a result of the policy of tolerance, and in turn they have risen to higher positions than Turks. At this point, it is stated directly or implicitly that Armenians have exploited Turks by getting rich because of the exceptions that were provided to them.

Different and contradictory information exists regarding the incidents that occurred during the exile. While some of the books claim that no Armenians died during the exile, others argue that Armenians did die but that the Ottoman Empire was not responsible and that they were killed by natural conditions, Kurdish Tribes, and Arabic Bedouins, and even Armenian gangs. This perspective suggests that as the Ottoman Empire, “we” have not had the slightest fault in the incidents during the exile.

Reading texts are given at the end of chapters in addition to the main subjects discussed in textbooks. “Sütçü İmam” is the reading text that has been most discussed. They provide inconsistencies regarding the Sütçü İmam incident, which occurred after Maras city was taken under control by French soldiers. Some books state that the people in the incidents are French soldiers (Mumcu, et al., 1985, p. 123-124; Alpargu, et al., 2008, p. 160; Kara, 2000, p. 161), whereas others argue that these people were Armenian soldiers dressed in French uniforms (Çağatay, 1998, p. 103). Still other sources claim them to have been drunk Armenians (İlgazi, 2009, p. 154; Öztürk, 2007, p. 155).

Inclusion of Armenian women in the degraded state of Armenian versus Turkish identity clinches the situation. “Honor”, which women embody within Turkish identity through the concepts of “holiness” and “morality”, has been used in creating a fictionalized image of the Armenian women with a “lack of honor” in stereotype narrations. In this way, Armenian identity has once again been degraded by means of gender. “Worthless” and “indecent” images of Armenian women, presented to Franks during the Crusades and who danced with a French commander provided that the Turkish flag was taken down from the castle, serves as an example of Armenian women being placed in a position below Turkish women.

Chapters in textbooks regarding Armenian identity are written with nationalist reflexes. Textbooks, the reproduction of judgment patterns, have reinforced the perception of Armenians, “otherized” by Turkish national identity to the present day. History writing, in the effort to establish a Turkish national identity, supports this perspective. This type of historiography undertakes the most important and functional role in the construction of the identity regarding one’s own nation. However, it is inevitable to be stuck in some dilemmas while playing this role. In this type of case, the situation involves more of a reconstruction of the past rather than a factual description of what happened in the past. So, a history that is actually fictional and inconsistent is being built. As Aydın states, during this construction process, this type of historiography ignores examples and incidents that may damage its own theories or the integrity of the ideological history that is its aim (1998, p. 59). The purpose is not to write an accurate history, but to influence “the national conscious” by providing the manipulated masses with legitimizing arguments regarding the deeds of the instrument of the state that represents “the nation”.

Bibliography

Adorno T. W., 2003. *Otoriteriyen Kişilik Üstüne*. Translated by Doğan Şahiner, İstanbul: Om Yayınevi.

Akandere O., et al., 2008. *Atatürk İlkeleri ve İnkılap Tarihi*. Konya: Eğitim Akademi Yayınları.

Akbıyık Y., 2000. Haçın ve Zeytun Ermeni Meselesinin Çözümü. In: B. Türkdöğün, ed., 2000. *21. Yüzyıla Girerken Tarihe Dostça Bakış: Türk-Ermeni İlişkileri*. Ankara: AKDİTK Atatürk Araştırma Merkezi, pp. 107-121.

- Akkoyun T., 1997. *Türk İnkılap Tarihi*. Afyon: Kocatepe Üniversitesi Yayınları.
- Akyüz Y., et al., 1997. *Atatürk İlkeleri ve İnkılap Tarihi I/1*. Ankara: Yükseköğretim Kurulu Yayınları.
- Alpargu M., et al., 2008. *Atatürk İlkeleri ve Türk İnkılap Tarihi*. Ankara: Gündüz Eğitim ve Yayıncılık.
- Altuntaş N., 2002. *Türkiye’de Etnik Kimlik Farklılaşmasında Din-Mezhep Etkisi ve Siyasete Yansımaları*. Ankara: Hacettepe Üniversitesi.
- Aydın S., 1998. *Kimlik Sorunu, Ulusalılık ve Türk Kimliği*. Ankara: Öteki Yayınevi.
- Bilgin N., 2007. *Kimlik İnşası*. Ankara: Aşina Kitaplar.
- Bircan A., et al., 1996. *Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi ve Atatürkçülük*. Ankara: Bem-Koza Eğt. Bas. Yayınları.
- Cohen A. P., 1999. *Topluluğun Simgesel Kuruluşu*. Translated by Mehmet Küçük, Ankara: Dost Yayınevi.
- Çağatay N., 1998. *İlköğretim Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi ve Atatürkçülük 8: Doğan Yayıncılık*.
- Demerath J., 2000. The Rise of Cultural Religion in European Christianity: Learning from Poland, Northern Ireland, and Sweden. *Social Compass*, 47 (1), Sage Publications, pp. 127-139.
- Dolukhanov P., 1998. *Eski Ortadoğu’da Çevre ve Etnik Yapı*. Translated by Suavi Aydın, Ankara: İmge Kitabevi.
- Eroğlu H., 1982. *Türk İnkılâp Tarihi*. İstanbul: Devlet Kitapları.
- Fawcett L., 2000. *Religion, Ethnicity and Social Change*. London: Macmillan Press.
- Geertz C., 2001. *Gerçeğin Ardından Bir Antropoloğun Gözünden İki İslam Ülkesinin Son Kırk Yılı*. Translated by Ulaş Türkmen, İstanbul: İletişim Yayınları.
- İlgazi A., et al., 2009. *Atatürk İlkeleri ve İnkılap Tarihi*. Ankara: Gazi Kitabevi.
- Kalafat Y., 2000. Toplu Mezar Kazısı, Soykırımı ve Nahçıvan Gezisi. In: B. Türkdöğün, ed., 2000. *21. Yüzyıla Girerken Tarihe Dostça Bakış: Türk-Ermeni İlişkileri*. Ankara: AKDİTYK Atatürk Araştırma Merkezi, pp. 183-192.
- Kara K., 2000. *Liseler İçin Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi ve Atatürkçülük*. İstanbul: Önde Yayıncılık.
- Kaşgarlı M. A., 2000. Haçlı Seferleri ve Ermeniler. In: B. Türkdöğün, ed., 2000. *21. Yüzyıla Girerken Tarihe Dostça Bakış: Türk-Ermeni İlişkileri*. Ankara: AKDİTYK Atatürk Araştırma Merkezi, pp. 29-36.
- Kinvall C., 2002. Nationalism, Religion and the Search for Chosen Traumas: Comparing Sikh and Hindu Identity Constructions. *Ethnicities*, 2 (1), pp. 79-106.

Kolaç B., 2008. *Atatürk İlkeleri ve İnkılap Tarihi*. Ankara: İmaj Yayınevi.

Küçükcan T., 1999. *Politics of Ethnicity, Identity and Religion. Turkish Muslims in Britain*. Aldershot: Asgate Publishing Company.

Kürkçüoğlu Ö., et al., 1989. *Atatürk İlkeleri ve İnkılap Tarihi 1/2.*, Ankara: Yükseköğretim Kurulu Yayınları.

McNeil W. H., 1998. *Dünya Tarihi*. Translated by Alâeddin Şenel, Ankara: İmge Kitabevi.

Memmedov Ş., 2000. Ermenilerin Türkiye ve İran'dan Göç Ettirilmeleri Politikası. In: B. Türkdoğan, ed. 2000. *21. Yüzyıla Girerken Tarihe Dostça Bakış: Türk-Ermeni İlişkileri*. Ankara: AKDITYK Atatürk Araştırma Merkezi. pp. 63-68.

Milas H., 2005. *Türk ve Yunan Romanlarında "Öteki" ve Kimlik*. İstanbul: İletişim Yayınevi.

Mumcu M., et al., 2001. *T. C. İnkılap Tarihi ve Atatürkçülük*. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi.

Mumcu M., et al., 1985. *Lise ve Dengi Okullar İçin T.C. İnkılap Tarihi ve Atatürkçülük*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi.

Neyzi L., 2004. *"Ben Kimim?" Türkiye'de Sözlü Tarih, Kimlik ve Öznellik*. Translated by Hande Özkan, İstanbul: İletişim Yayıncılık.

Öztürk C., 2007. *İmparatorluktan Ulus Devlete Türk İnkılap Tarihi*. Ankara: Pegem A Yayınları.

Pye M., 2003. Religion and Conflict in Japan with Special Refernce to Shinto and Yasukuni Shrine. *Diogenes*. 50/3, pp. 45-49.

Rieffer B. J., 2003. Religion and Nationalism: Understanding the Consequences of a Complex Relationship. *Ethnicities*. 3(2), London: Sage Publications, pp. 215-242.

Saray M., 2000. Türk-Ermeni İlişkilerinde Unutulmaması Gereken Noktalar. In: B. Türkdoğan, ed. 2000. *21. Yüzyıla Girerken Tarihe Dostça Bakış: Türk-Ermeni İlişkileri*. Ankara: AKDITYK Atatürk Araştırma Merkezi. pp.179-182.

Selvi H., et. al., 2006. *Atatürk İlkeleri ve İnkılap Tarihi*. İstanbul: Değişim Yayınları.

Serdarlar N., et al., 1968. *Lise Kitapları Türkiye Cumhuriyeti Tarihi 1918-1964*. İstanbul: İnkılap ve Aka Kitapevleri.

Smith A. D., 2002. *Ulusların Etnik Kökeni*. Translated by Sonay Bayramoğlu ve H. Kendir, Ankara: Dost Yayınevi.

Tamimi A., 2003. *Islam, Arabs, and Ethnicity, Religion and the Creation of Race and Ethnicity*. New York: New York University Press.

Turan R., et al., 2006. *Atatürk İlkeleri ve İnkılap Tarihi*. Ankara: Gazi Kitabevi.

Turgut R., 2004. *İlköğretim Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi Ve Atatürkçülük*. Ankara: Pasifik Yayınları.

Uzun Ş., 2000. Anıt-Müze Açış Konuşması. In: B. Türkdöğän, ed. 2000. *21. Yüzyıla Girerken Tarihe Dostça Bakış: Türk-Ermeni İlişkileri*. Ankara: AKDİTK Atatürk Araştırma Merkezi, pp. 1-4.

Yalçın E. S., et al., 2006. *Türk İnkılap Tarihi ve Atatürk İlkeleri*. Ankara: Siyasal Kitabevi.

Milli Eğitim Bakanlığı Resmi WEB sayfası. Available at:

<http://orgm.meb.gov.tr/OzelEgitimProgrmlar/meslekiegitimmerkprog/din.htm> [Accessed 26 December 2010].

Milli Eğitim Bakanlığı Resmi WEB sayfası. Available at:

<http://orgm.meb.gov.tr/OzelEgitimProgramlar/Egitilebilir/07%20.htm> [Accessed 26 December 2010].

TDK Büyük Türkçe Sözlük. Available at: <http://tdkterim.gov.tr/bts/> [Accessed 22 November 2010].

Part 2

The End of the 20th Century: Searching for New Interpretations

Азербайджан в конце XX – начале XXI века: этнические границы в контексте отношений с «соседями»

Севиль Гусейнова

Введение: XX век как эпоха нациостроительства в Азербайджане

XX век прошел для азербайджанских интеллектуалов в поисках границ и содержания национальной идентичности. Общественная деятельность первых интеллектуалов, составивших костяк национального движения в конце XIX – начале XX веков, была направлена на «пробуждение национального (само)сознания» у мусульман-тюрок, населявших территории, впоследствии вошедшие в Азербайджанскую республику⁵². Эти первые интеллектуалы, неважно участвовали ли они в деятельности партий правого или левого толка, находились под влиянием различных идей европейского национализма и теорий модернизации⁵³. Первый опыт нациостроительства следует отнести к 1918-1920 гг., когда в Закавказье была провозглашена Азербайджанская Демократическая Республика (АДР). Несмотря на то, что просуществовала она меньше двух лет, возглавившие Республику местные интеллектуалы, в основном входившие в состав партии «Мусават» (азерб. «Равенство»), успели создать ряд государственных институтов, впоследствии получивших развитие в годы советской власти⁵⁴.

Однако массовое «пробуждение национального сознания» у тюрок-мусульман состоялось только в годы, когда реализовывалась советская национальная политика. И в этом азербайджанцы-тюрки мало отличались от абсолютного большинства «народов»,

⁵² Вслед за Эрнестом Геллнером я должна подчеркнуть, что не причисляю себя к тем специалистам, «кто принимает и поддерживает национализм в его собственных идеологических формулировках». Говоря в данном случае о пробуждении, я указываю только на идеи, распространенные в среде самих националистов в начале XX века. По справедливому мнению Геллнера: «Националистические теории обычно рассматривают нации как устойчивые, естественные социальные общности, которые лишь начинают действовать, или, используя любимое выражение националистов, «пробуждаются» в эпоху национализма. «Национальное пробуждение» – горячо любимое определение националистов» (Геллнер, 1991, с. 14-15).

⁵³ Немногочисленная элита, состоявшая из интеллектуалов получивших европейское образование, появилась уже в середине XIX века. По мнению историка Тадеуша Светоховского, второе поколение местных интеллектуалов, получивших европейское образование к 1870-м годам, представляла собой хоть и немногочисленную, но сплоченную группу (Swietochowski, 2004, р. 27). Уже в 1875 году выпускник Московского Университета Гасанбек Зардаби, начинает выпускать первую газету на местном тюркском языке - «Экинчи» (азерб. «Пахарь») (Shaffer, 2002, 29). В начале XX века, и особенно в революцию 1905-1907 годов, формируются и первые, национальные партии (Багирова, 1997, с. 7). Самой влиятельной становится основанная в 1911 году партия «Мусават». Именно активисты этой партии возглавили Азербайджанскую Демократическую Республику (1918-1920 гг.).

⁵⁴ В первую очередь следует упомянуть Государственный Университет. Кроме того, была создана структура государственных институтов власти (министерства и различные ведомства).

населявших огромные просторы Российской Империи. Франсин Хирш, автор наиболее интересного анализа влияния этнографической науки на реализацию советской национальной политики, отмечает в своем труде, что:

«в ходе всесоюзной переписи населения 1926 года, консультанты-этнографы сообщали, что жители сельских местностей продолжают идентифицировать себя главным образом в категориях клана, племени, религии или места рождения, несмотря на то, что локальные элиты пытаются манипулировать регистрацией национальности для реализации собственных планов» (Hirsch, 2005, p. 145).

Однако, по мнению Хирш, уже в первой половине 1930-х «национальность становится фундаментальным маркером идентичности». Основными критериями, с помощью которых описывались этнические границы, становились «национальные территории» и язык. Юрий Слезкин, в свою очередь отмечает, что:

«первое в истории государство рабочих и крестьян» стало первым в истории государством, которое узаконило этнотерриториальный федерализм, классифицировало всех граждан в соответствии с их биологической национальностью и формально предписало политику правительственного предпочтения по этническому признаку» (Slezkine, 1996, p. 204).

В контексте советской национальной политики происходила не только территориализация наций, но и наполнение этих, теперь уже «национальных территорий», определенным «национальным духом». Т. е. насаждавшиеся представления о феномене нации и этничности, сопровождались развитием «национальных культур». По сути, «культурная революция» (Fitzpatrick, 1992; Clark, 1995), дополняла и корректировала национальную политику, в результате которой:

«Советские институты территориального статуса нации и персональной национальности конституировали всеобъемлющую систему социальной классификации, организовывали «принцип видения и разделения» социального мира, стандартизованную схему социального учета, объяснительную сетку публичных дискуссий, набор пограничных маркеров, легитимную форму для публичной и личной идентичностей» (Brubaker, 1994, p. 48).

Безусловно, советский режим преследовал свои собственные цели. Политика насаждения, развития и культивирования наций и этничности подразумевала конструирование «национальных по форме», но «социалистических по содержанию» советских наций. Эта политика была направлена на преодоление «буржуазного национализма». Советские нации должны были соответствовать ожиданиям новой пролетарской власти. Поэтому:

«Их [наций – С.Г.] прошлое было сконструировано и реконструировано; традиции тщательно подобраны, изобретены и освящены; и даже те, которые обладали древнейшей родословной стали иными в сравнении со своими предыдущими воплощениями» (Sunny, The Revenge of the Past, 1993, p. 160).

Большевики, по крайней мере, из числа тех, кто формулировал эту политику (и в первую очередь Сталин), видимо свято верили в то, что преодоление «буржуазного национализма» позволит сохранить единство страны. Получив «свои» территории, возможность развивать национальные языки и культуру, видя во главе «своих республик» представителей местной «коренной» элиты, «советские нации» просто утратят стимул к борьбе за национальное самоопределение⁵⁵.

1991-й год продемонстрировал, что эти надежды создателей СССР себя не оправдали⁵⁶. Однако, конец этой эпохи не стал, тем не менее, концом «советских» представлений о нации и этничности. Советский режим не только не преодолел «буржуазный национализм», но, напротив, именно советская национальная политика способствовала бурному расцвету национальных движений в конце 1980-х годов⁵⁷. И теперь, видимо для абсолютного большинства жителей постсоветского пространства нация по-прежнему остается категорией, в первую очередь, биологической и генетической. Неотъемлемой, обязательной и сущностной характеристикой каждого человека.

Влияние советской национальной политики на формирование подобных представлений о природе этничности и нации, а также их широкое массовое распространение и теперь

⁵⁵ Как указывает американский советолог Терри Мартин, «Советский Союз не был федерацией, и, конечно, он не являлся национальным государством. Его отличительной чертой была систематическая поддержка форм национального существования: территории, культуры, языка и элит. <> Большевики попытались соединить националистические требования наличия собственной территории, языка, элиты и развития собственной культуры с социалистическим стремлением к экономически и политически унифицированному государству. В этом смысле мы можем называть большевиков интернационалистическими националистами, или, еще точнее – националистами “позитивного действия” (Affirmative Action Nationalists)» (Martin, 2001, p. 13). О том, как эта политика реализовывалась в Азербайджанской ССР см.: Баберовски, 2010, с. 303-336, 531-641.

Объединение понятий «национализм» и «интернационализм» не должно нас удивлять. Конечно, любой обыватель, да и почти каждый специалист в области гуманитарных или социальных наук и теперь убеждены, что интернационализм является противоположностью национализму. Однако, как справедливо указывает Том Нейрн, «интернационализм является органической частью концептуального универсума национализма» (Nairn, 1997, p. 28).

⁵⁶ Как указывает Марк Бейссингер, “дизинтеграция Советского государства не могла бы иметь место в отсутствие эффекта чередующегося влияния одного национализма на другой» (Beissinger, 2002, p. 36-37).

⁵⁷ Рональд Суни указывает на подъем «нового национализма» в Армении в 1960-е гг. (Suny, 1993, Looking Toward Ararat, pp. 185-191; Suny, 1997, pp. 374-378). По моему мнению, важнейшей характеристикой этого «нового национализма» является его массовость. Именно в этом его важнейшее отличие от национализма начала XX века, приверженцами которого была очень немногочисленная элита европейски образованных интеллектуалов и в Армении, и в Азербайджане (см.: Баберовски, 2010, с. 78-81, 138-149). Т. е. советская национальная политика, ставившая перед собой цель сделать национальность (в том числе и «биологическую») важнейшей и фундаментальной характеристикой каждого советского гражданина, создала основу для быстрого распространения массового «нового национализма» в 1960-1980-е гг. Существенный вклад в его массовое распространение внесли также политика формирования национальных культур и распространение массового образования. В том же, что касается образования, не последнюю роль сыграл обязательный курс по «национальной истории».

трудно переоценить. И постсоветские политики, интеллектуалы или простые обыватели привычно не рефлектируют по поводу «своей» «биологической этничности», которая была, по словам Владимира Малахова, интериоризованна в годы СССР, когда институционализированная этничность стала важнейшей базовой характеристикой любого гражданина страны. Как отмечает Малахов,

«приписываемая «этничность» (то есть определяемая властью, а не самосознанием индивидов) была интериоризована людьми и постепенно превратилась из внешнего идентификатора в часть (само)идентичности. Отсюда произошла такая особенность <> политического мышления, как методологический этноцентризм – взгляд на общество, как на конгломерат «этносов» («народов»). Этот тип мышления разделяется сегодня как массовым сознанием, так и значительной частью интеллектуальных и политических элит. Бывшему советскому человеку бывает трудно объяснить, что его или ее национальность не является чем-то врожденным» (Малахов, 2007, стр. 50).

Институциональная история: «мы» и «наши соседи»

Главный тезис, который выдвигается в данной статье, состоит в утверждении, что в постсоветском Азербайджане система образования по-прежнему направлена на формирование и поддержание *именно такого типа мышления*, на который указывает Малахов. Для анализа специфики репрезентации в учебных текстах *таких* представлений о нации взяты постсоветские учебники по национальной и мировой истории. Учебники в Азербайджане утверждаются Министерством Образования, и только одна единственная версия учебников допускается к применению в средних школах страны. Таким образом, учебник по истории остается одним из наиболее массовых текстов, с которым, в той или иной степени, знаком практически каждый житель страны, прошедший обязательное для всех обучение в средней школе. В данном случае, речь, по словам Марка Ферро, идет об институциональной истории, «которая главенствует, так как выражает или узаконивает политику, идеологию, режим» (Ферро, 1992, с. 306). В современном Азербайджане как обязательный предмет в средних школах как раз и существует только институциональная версия истории Азербайджана. Никакие альтернативные тексты в школу не допускаются.

Анализ, который я предлагаю в своей статье, будет исходить из утверждения, что дефиниция нации, которая предлагается ученикам средних школ в рамках курса по истории Азербайджана, основана на советском официально принятом определении, автором которого является Иосиф Сталин⁵⁸. Представление о феномене нации (что есть «мы» как нация) играет ключевую роль в повествовании о «наших» отношениях с соседними нациями-государствами. Логика повествования о нации носит эссенциалистский характер. И «мы-нация», и каждая из соседних «наций-государств», репрезентируются в качестве солидарных и гомогенных сообществ. Такие сообщества коллективно и солидарно

⁵⁸ Это сохранение основных компонентов советского определения нации в постсоветском историческом нарративе не следует считать исключением. В целом, влияние разработанных в советские годы исторических нарративов на их постсоветские аналоги остается весьма значительным (см: Khalid, 2007, p. 130-131).

«дружат» или «не дружат» с соседними нациями-государствами. Причины и истоки как «дружбы», так и «не дружбы» репрезентируются в контексте идей «историцизма»⁵⁹. «Мы» дружим по той причине, что «мы» – «братские нации», «веками жили бок-о-бок» и «дружили». «Не дружим» в связи с «исторически» сложившимися обстоятельствами, когда та или иная соседская нация на протяжении веков выступала по отношению к «нам» с враждебными намерениями. Важнейшим аспектом этой процедуры эссенциализации и историзации как представлений об азербайджанской нации, так и отношений с соседями становится утверждение, что возможны только два контрастных типа контактов: либо «мир», либо «вражда».

Следует подчеркнуть, что предметы «История Азербайджана» и «Новейшая История» были выбраны для анализа не случайно. Как указывает Райнер Олигер:

«Существует три предмета, особенным образом подходящих для производства и распространения национальной идеологии в начальных и средних классах: история, география и литература». В этой триаде предметов, «исторические нарративы и учебники по истории предоставляют пространство для национального нарратива и создают широко разделяемую веру в общее культурное происхождение или происхождение от абстрактного или воображаемого сообщества» (Ohliger, 1999, p. 108).

Наконец, следует сказать, что для анализа были выбраны четыре учебника, предназначенные для первых (5 и 6 классы) и для последних лет преподавания в средней школе курса по истории Азербайджана (10 и 11 классы). В учебниках для 5 и 6 классов авторы предлагают первые объяснения и дефиниции азербайджанской нации. В 10 классе авторы посвящают отдельный параграф (т. е. самостоятельную тематическую лекцию) объяснению феномена азербайджанской нации. Наконец, в учебниках для 10 и 11 классов наиболее рельефно отражается репрезентация отношений с соседскими «нациями-государствами». Определенные оценочные упоминания об отношениях с соседями можно встретить также и в учебниках по мировой истории. В связи с этим в состав анализируемых учебников я включила и курс по «Новейшей истории», предназначенный для 11 класса.

Но прежде чем перейти непосредственно к анализу текстов я остановлюсь на двух аспектах. Во-первых, я постараюсь обозначить теоретические и методологические рамки, в которые имеет смысл помещать анализ описания и дефиниции азербайджанской нации и «национальных отношений» с соседями. Во-вторых, я попытаюсь предложить краткое описание научного и политико-идеологического контекста, в котором описанные выше дефиниции нации оказываются востребованными и помещаются в учебные пособия.

⁵⁹ «Историцизм <> это убеждение в возможности понять настоящее из прошлого. Это вера в то, что ключ к смыслу событий, происходящих сегодня лежит в истории. То, что случается сейчас, рассматривается как развертывание тенденций, имевшихся ранее» (Малахов, 2005, с. 53).

Народ, нация, национализм

Одно из своих эссе в известной книге «Нация, Раса, Класс» Эммануэль Валлерстайн начинает с мысли о том, что «люди склонны недооценивать сложность, запутанность и противоречивость» понятия «народ», «считая все очевидным» (Балибар, Валлерстайн, 2003, стр. 85). Эта кажущаяся «очевидность» часто становится серьезным препятствием для исследователей в постсоветском Азербайджане. Многие из них просто не считают необходимым четко определять в своих работах такие привычные в повседневности понятия, как «народ», «нация» или «национализм». Первые два из этих понятий становятся просто синонимами и нередко приравниваются еще и к термину «этнос». Националистические же идеологии, неизбежно сопровождающие процесс формирования наций, со времени существования СССР воспринимаются как не имеющие к «нам» отношения. Национализм это всегда не «наша» идеология, а националистами всегда являются представители других сообществ.

При этом, никаких серьезных попыток переосмыслить принятое с советского времени определение нации в среде социальных исследователей и гуманитариев в Азербайджане не наблюдается. В среде специалистов и теперь широко распространено, как выше уже говорилось, по сути, сталинское определение нации. Т. е. вся серьезная и длительная исследовательская работа по вопросам определения феноменов нации и национализма осталась за границами дискуссий в азербайджанской науке⁶⁰. Язык и территория по-прежнему лежат в основе определения такого феномена, как нация, истоки происхождения которой помещаются в глубокую древность. В то время, как большинство серьезных исследователей нации и национализма указывают на их относительно недавнее происхождение. Или точнее относительно недавнее происхождение тех смыслов, которые в эти понятия ныне вкладываются (Hobsbawm, 2002, p. 9-10; Hobsbawm, 2003)⁶¹.

⁶⁰ Один из очень немногих примеров исследования, автор которого знаком с несколькими работами в данной области, – это монография историка Айдына Балаева, посвященная самому известному из деятелей АDR, Мамеду Эмину Расулзаде. Если судить по тексту, известный азербайджанский историк Балаев знаком с несколькими работами таких специалистов, как В. Тишков, Э. Геллнер, Э. Смит. Однако, это знакомство приводит к видимому эклектизму, если не сказать неразберихе, в представлениях Балаева. Он, например, указывает на то, что элита способствует «утверждению национальной идентичности» в массах и активно пользуется терминологией, принятой в рамках подхода социального конструктивизма. Однако все это никак не мешает ему подходить к пониманию нации с привычных для советского историка примордиалистских позиций: «Этносы обретают черты нации в результате не саморазвития на этнической основе, а политического действия и, по существу, являются продуктами деятельности отдельных интеллектуалов»; «в качестве «сырья» для современных наций используется культурное, историческое и прочее наследие этнических общностей донационалистического мира. В этом отношении у современных наций, несомненно, есть глубокие корни в более ранних этнических сообществах...» и пр. (подробнее см: Балаев, 2009, с. 9).

⁶¹ Одно из наиболее известных определений нации, безусловно, принадлежит Бенедикту Андерсону и является ярким примером социально-конструктивистского подхода: «это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но, в то же время, суверенное. Оно *воображенное*, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих

С тем, чтобы конкретно обозначить теоретический и методологический подход, имеет смысл обратиться к работам Мишеля Фуко и упомянуть два важных вопроса дискурс анализа, сформулированные им. Первый вопрос, на который необходимо по Фуко найти ответ, чтобы установить связь между различными «актами высказывания» это вопрос:

«Кто говорит? Кто в совокупности всех говорящих индивидов уполномочен использовать этот язык? Кто является его носителем? Кто использует его единичность, его авторитет, и от кого этот язык получает взамен если не свою гарантию, то, по крайней мере, свою презумпцию истинности? Каков статус индивидов, которые имеют, причем, только они одни, регламентированное или традиционное, юридически определенное или спонтанно допускаемое право на подобный дискурс?» (Фуко, 2004, с. 112-113).

Язык национального дискурса уполномочены использовать, в первую очередь, политики, ученые и учителя. Статус этих акторов «включает в себя социальные институты, системы <...> педагогические нормы», предусматривающие преимущественное право на конструирование этого дискурса. Само же это право формируется и поддерживается в пространстве национального государства.

Второй вопрос, по Фуко, состоит в том, что: «Необходимо также описать те институциональные *местоположения*, откуда» политики, ученые или учителя ведут «свою речь и где она находит свое законное происхождение и свою точку применения (свои специфические объекты и инструменты верификации)» (там же, с. 114). Институциональные местоположения – это, безусловно, не только парламенты, министерства, институты, Академии наук или государственные университеты, но и многочисленные учебные кабинеты в средних школах.

В поисках ответов на вопросы, обозначенные Фуко, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью принимать во внимание высокую степень значимости национальной государственности. Безусловно, та или иная «национальная элита» может оперировать категориями «нация» или «национальность» еще задолго до формирования государственности. Можно вслед за Баберовски утверждать, что в воображении таких элит нация уже существует (2010, с. 21-22). Однако и представители таких элит, как правило, надеются, что кульминацией их деятельности станет создание национального государства или, по меньшей мере, достижение максимально возможной автономии. Именно на это надеялись и о такой кульминации мечтали представители азербайджанской национальной элиты в начале и в конце XX века.

Наконец, следует подчеркнуть, что именно в границах «нашего» национального государства, история, как предмет преподавания призвана выполнять те функции, на которые указывает Райнер Олигер. Вновь возвращаясь к Фуко, я хочу подчеркнуть, что не рассматриваю дискурсы (и в частности национальный дискурс) как совокупности знаков

собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» (подробнее см: Anderson, 1998, р. 6).

(«означающих элементов, отсылающих к содержаниям или представлениям»), свою задачу я вижу «в рассмотрении их как практик, систематически формирующих те объекты, о которых они говорят» (там же, с. 112). Конкретно в данной статье речь идет о дискурсивном формировании образа азербайджанской нации или коллективной национальной идентичности. И кроме самих дефиниций («что такое нация» и пр.) важнейший аспект для анализа – это специфика репрезентации в учебниках по истории этнических границ между «азербайджанской нацией» и «ее соседями».

Суммируя все сказанное в данном разделе, подчеркну, что в своем анализе я буду исходить из положения, что наличие национального государства становится определяющим фактором существования группы акторов, основная задача которых состоит в конструировании национального дискурса. Эти акторы (политики, ученые, учителя, эксперты и пр.) формируют национальный дискурс из перспективы представлений о нации, как фундаментальной, социально-биологической категории. Или, иначе говоря, исходя из представлений и дефиниций, получивших официальный статус в годы СССР.

Я же, в свою очередь, придерживаюсь той перспективы, которую предлагает Роджерс Брубейкер. Сергей Глебов⁶², комментируя подход этого американского социолога указывает, что: «одно из фундаментально важных положений Брубейкера состоит в том, что язык, которым мы описываем феномен национализма, заимствован из практики, его термины – это категории социальной и политической практики, а, следовательно, должны быть подвергнуты серьезному критическому разбору, прежде чем их можно будет использовать в языке анализа» (Глебов, 2000, с. 148). Или, иначе, язык анализа не должен содержать терминов социальной и, тем более, политической практики.

Вслед за Брубейкером, нацию я буду понимать как фундаментальную, когнитивную и социальную норму, а также институционализированную в годы СССР форму, которая «включала в себя разработанную систему социальной классификации», «набор маркеров для проведения границ между группами» и пр. По справедливому мнению Брубейкера, когда:

«общественное пространство резко расширилось при Горбачеве, эти повсеместно институционализированные формы были с готовностью политизированы. Они представляли собой элементарные формы политического сознания, политической риторики, политического интереса и политической идентичности. Согласно веберовской метафоре стрелочника, они определили колею, когнитивные рамки, по которым пошло действие, отражающее динамику материальных и идеальных интересов. Таким образом, национальность как социальная и культурная форма превратила коллапс режима в дезинтеграцию государства. Она продолжает формировать политическое сознание и политическое действие в государствах-преемниках СССР» (Брубейкер, 2000, с. 249-250).

⁶² Один из со-редакторов самого авторитетного на постсоветском пространстве журнала, на страницах которого обсуждаются вопросы коллективной памяти, нации и национализма и др.

Наконец, в своем анализе я буду исходить из утверждения, что в постсоветский период курс истории является важной составной частью политики «национализирующего национализма». Брубейкер указывает на разные формы национализма и справедливо утверждает, что в восточно-европейских, постсоветских, территориально давно уже состоявшихся нациях-государствах, мы сталкиваемся с «национализирующим национализмом». Национализм сохраняется в качестве доминирующей идеологии, несмотря на достижение своей главной цели – построения территориального национального государства. Т. е. идеология национализма претерпевает определенные изменения в контексте трансформации целей и задач нациостроительства. Как указывает Брубейкер:

««национализирующие» национализмы включают в себя требования, предъявляемые от имени «коренной» нации или национальности, определенной в этнокультурных терминах и резко отличающейся от совокупности граждан в целом. Коренная нация понимается в этом случае как законный «владелец» государства, которое, в свою очередь, рассматривается как государство для этой нации и принадлежащее ей. Несмотря на владение “своим собственным” государством, коренная нация видится в ослабленной культурной, экономической или демографической позиции внутри данного государства. Наследие дискриминации против этой нации до достижения ею независимости считается причиной подобной ослабленной позиции. Именно это и используется как оправдание “возмещения” или своего рода «компенсирующего» проекта по использованию государственной власти для отстаивания определенных (ранее неадекватно удовлетворявшихся) интересов коренной нации» (Brubaker, 2000, p. 4-5).

В числе этих неадекватно удовлетворявшихся интересов, безусловно, важное внимание уделяется «национальной истории». Принято считать, что в годы СССР истории Азербайджана уделялось незаслуженно мало времени, а многие события и факты намеренно скрывались от азербайджанцев, или искажались. Или, иначе, что история не выполняла своего прямого предназначения – не формировала «национальное сознание». Преодолению этих «недостатков» в значительной степени посвящен новый (постсоветский) курс по истории.

Постсоветский научный и политико-идеологический контекст

Конкретная цель моего анализа – образы и дефиниции нации, в контексте отношения с соседями, позволяет мне упомянуть еще о нескольких аспектах, связанных с политико-идеологическим и научным контекстом, в котором разрабатывались новые учебники. Начну с утверждения, что в постсоветском Азербайджане существует довольно многочисленная группа специалистов и экспертов, которые становятся авторами различных публикаций, посвященных вопросам нации, национальной идентичности, этничности и пр. Однако, в большинстве публикуемых в стране работ, как правило не находит отражения современная теория нации и национализма. В постсоветском Азербайджане особой популярностью

пользуется разве что теория этногенеза, разработанная Львом Гумилевым⁶³. Наконец, как нам представляется, даже специалисты чаще всего просто не владеют информацией о современных исследованиях, методологии их проведения и основанных на них теориях. Очень часто работы представляют собой размышления автора, которые не основаны на каком либо серьезном полевом исследовании, не имеют под собой эмпирического материала. Большинство работ сосредоточены либо на политических аспектах, либо это традиционные этнографические тексты, в которых описываются жилище, одежда, традиции и пр. атрибуты этничности⁶⁴.

Официальной государственной идеологией в конце 1990-х годов становится «азербайджанство» или «азербайджанизм». Автором этой идеологии («национальной идеи») принято считать бывшего президента Азербайджана Гейдара Алиева, который после своей кончины в 2003 году получил статус «великого общеазербайджанского лидера». Какого-либо программного текста, в котором бы четко и ясно описывалась данная идеология, не существует. Фактически, идеи «азербайджанства» разбросаны по различным выступлениям, интервью или публицистическим статьям покойного президента, других официальных лиц, различного ранга сторонников власти⁶⁵. В целом, можно сказать, что речь идет об эклектичной идеологии, в которой можно найти как идеи этно-национализма, так и идеи национализма гражданского. Фактически, идеология «азербайджанства» отражается в учебниках только в признании особой роли покойного президента Гейдара Алиева, как в советском, так и в постсоветском нациостроительстве. Его приход к власти рассматривается как кульминация этого процесса, к специфике репрезентации которого в учебниках мы и обратимся в следующем разделе.

Что такое нация? Теория этногенеза и образы нации

В учебнике для 5 класса авторы, вводя в повествование понятие «народ», ассоциируют его с конкретной территорией проживания: «ОДИН ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ЖИТЕЛЕЙ ЕВРОПЫ, ОДИН ИЗ САМЫХ ДРЕВНИХ НАРОДОВ МИРА – МОЙ НАРОД, МОЙ РОДНОЙ, ВЕЛИКИЙ

⁶³ Например, известный в стране психолог Самед Сеидов в своей последней монографии указывает на Льва Гумилева, как на автора «выдающихся научных открытий в области законов этногенеза» и пр. (Сеидов, 2009).

⁶⁴ Одним из самых известных и часто публикуемых азербайджанских этнографов был профессор Гамаршах Джавадов. Его работы представляют собой классические тексты по этнографии этнических групп («меньшинств») (см., например: Cavadov, 2000; Cavadov, 2004). Традиционной этнографией занимаются и специалисты Института археологии и этнографии Национальной Академии наук Азербайджана (см.: Аббасов, ред., 1998; Bunyadov, baş red., 2007).

⁶⁵ Главным государственным идеологом в современном Азербайджане считается глава аппарата президентской администрации Рамиз Мехтиев. В своем последнем интервью государственной газете «Бакинский Рабочий» он не только обозначил содержание и специфику официальной идеологии, но и пообещал, что его следующая книга будет посвящена подробному описанию «национальной идеи». См: <http://3view.az/articles/12837/1/>

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ НАРОД⁶⁶. Живи и процветай, мой край – древнейший из древних, изначальная вечная моя Родина – Азербайджан...» (Отечество. Учебник для 5 класса, с. 5). Какого либо конкретного определения понятию «народ», авторы учебников не предлагают. Из текста, впрочем, становится понятным, что азербайджанцы – это один из «тюркских народов». Для «единого азербайджанского народа» стали общими «племенные обычаи, нормы жизни, народные поговорки» тюрков – огузов. Авторы подчеркивают «конфессиональное единство народа» – приверженность исламу. В этой версии национального дискурса, разработанного для первого года преподавания истории в школах, уже подчеркивается, что народ, национальная государственность и культура (обычаи и религия) неотделимы друг от друга. «Есть в жизни неопровержимая истина: не имеющий своего государства рано или поздно растворяется среди других народов и умирает, исчезает полностью» (Отечество. Учебник для 5 класса, с. 6).

События, связанные с Гюлистанским мирным договором, заключенным между Российской и Персидской империями в 1813 году, позволяют увидеть и другие критерии, необходимые для существования нации/народа. По мысли авторов, когда «народ», лишив независимости, «начали уничтожать», то его лишали «Языка, школы, даже имени...» (Отечество. Учебник для 5 класса, с. 11). К числу других критериев, необходимых для существования «народа», авторы относят: «идеалы свободы», «несгибаемый дух», «славное прошлое» и «духовный мир единого народа» (Отечество. Учебник для 5 класса, с. 12).

Эти критерии позволяют описать не все население (мультиэтническое и мультиконфессиональное) современного Азербайджана, а только собственно – азербайджанцев, как этно-нацию, состоящую только из тюрков-мусульман. В то же время, авторы упоминают, что «как турки, так и представители всех народов населяющих Азербайджан, являются его гражданами» (Отечество. Учебник для 5 класса, с. 283). Равноправие для всех граждан гарантируется. Конституция 1995 года «...дает равные права всем без исключения гражданам, независимо от национальности, вероисповедания, языка, расы, убеждений, пола и социальной принадлежности» (Отечество. Учебник для 5 класса, с. 305). Однако, представители других этнических групп (не тюрков-мусульман) не включаются в понятие «мой народ», которое задается в учебнике. В целом, можно суммировать, что в качестве признаков, определяющих нацию, задаются: территория, лингвистическое («сладостный язык») и конфессиональное культурное единство, общая коллективная память о прошлом.

В тексте, предназначенном для 6 класса, авторы во введении уделяют время рассказу о формировании «азербайджанского народа», несмотря на то, что в учебнике дается курс по истории только «Древнего мира». И это вновь критерии, описывающие азербайджанцев,

⁶⁶ Выделено как в учебнике.

как этно-нацию, а не как сообщество, основанное на согражданстве⁶⁷. Авторы говорят о том, что в Азербайджане «проживают этносы», относящиеся к различным лингвистическим группам. Затем конкретизируют: «Название нашей нации – азербайджанцы, а наш язык – азербайджанский. В настоящее время общее число азербайджанцев в мире составляет более 30 миллионов» (История Азербайджана. Учебник для 6 класса, с. 7). Таким образом, в 6 классе еще более конкретно обозначается, что «наша нация» – это турки-азербайджанцы. Представители всех остальных «этносов», проживающих на территории страны, остаются за границами азербайджанской нации.

При этом авторы упоминают, что азербайджанцы, как нация, сформировались в результате «смешения различных племен». Но подчеркивают, что все эти племена «тюркские по происхождению». По версии авторов «Азербайджанские турки образовались в результате слияния проживавших на этой обширной территории с древнейших времен и переселявшихся сюда периодически тюркских этносов, известных под различными названиями – азери, гаргары, албаны, гунны, хазары, сабиры, огузы и др.» (История Азербайджана. Учебник для 6 класса, с. 7).

Наконец, в 10 классе вопросам «формирования азербайджанской нации» отводится уже отдельный параграф. «Для формирования любой нации нужна первичная объективная почва. Без нее формирование нации невозможно. Она состоит из следующих факторов: развитие капитализма; создание общего рынка; возникновение экономических и культурных центров; изменение структуры общества; формирование буржуазии и рабочего класса». По мнению авторов «в Азербайджане во второй половине XIX века все эти условия имелись». Далее в тексте учебника предлагается и ответ на вопрос: «А что же такое нация?» По мнению составителей учебника:

«Как и любая другая нация, азербайджанская нация – это исторически устойчивое сообщество людей, возникшее на почве духовной общности, выражающейся в общности языка, территории обитания, экономической жизни и культуры. Все компоненты вместе образующие нацию важны в равной степени. Необходимо учесть, что нация формируется только при совокупности всех этих компонентов. Так, на различных этапах многовековой истории Азербайджана существовали такие признаки нации, как единство языка, территории и духовности. Для возникновения нации не доставало только общности экономической жизни» (История Азербайджана. Учебник для 10 класса, с. 183-184).

Таким образом, авторы учебников остаются на сталинских позициях определения нации. «Нация, – писал Сталин в своем первом научном труде, – есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории,

⁶⁷ Здесь я имею в виду, что критерии, с помощью которых в учебнике описывается азербайджанская нация, в гораздо большей степени соответствуют «этнической» концепции нации, идеальный тип которой часто ассоциируют с «немецкой моделью» второй половины XIX – начала XX вв. В этой модели на «первом плане» находятся история и культура. В эксплицированном виде эта модель представлена Фридрихом Майнекке. Ему «принадлежит определение нации как «сообщества происхождения», которое «может трактоваться как в терминах культуры (язык, религия), так и в терминах биологии (кровь, наследственность, генотип)» (Малахов, 2005, с. 24).

экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (цитируется по: Slezkine, 1996, p. 203). Легко заметить, что оба определения практически идентичны. Вся новизна подхода авторов учебника состоит в том, что они говорят конкретно об «азербайджанской нации». Легко обратить внимание и на попытку еще более упрочить аспект древности, в интерпретации этой «сталинской дефиниции», предлагаемой азербайджанскими историками. Подчеркивается, что все важнейшие компоненты азербайджанской нации существовали на протяжении многих веков, до установления пространства общей экономической жизни. Таким образом, традиция «сталинского» понимания нации, распространенная в конце XIX начале XX века, в рамках которой следует рассматривать и дефиницию Сталина, «успешно» применяется в начале XXI века⁶⁸.

В контексте подобного «традиционного» представления о нации, современные историки реконструируют события прошлого и предлагают свое понимание взаимоотношений с соседними «нациями-государствами». Анти-имперский и анти-колониальный дискурсы дополняют эти представления. В результате соседние Россия и Иран репрезентируются как прямые наследники Персидской и Российской империй, «колонизировавших», «разделивших» и «жестоко эксплуатировавших» прежде «единый азербайджанский народ». Все события конца XX века интерпретируются в этом контексте, а авторы оказывают преимущественное внимание событиям истории политической (войны, конфликты и т. п.).

Российская империя – Советский Союз – постсоветская Россия

«Новейший период» в истории Азербайджана начинается в параграфе 41 в учебнике для 11 класса – ««Перестройка» и Азербайджан». Весь текст пронизан анти-колониальной риторикой. В середине 1980-ых годов «в союзных республиках, в т. ч. в Азербайджане, ширился протест против разграбления богатств, попираания прав, возможностей

⁶⁸ «Накануне первой мировой войны это [т. е. «сталинское» – С. Г.] определение было не особенно спорным среди социалистов. Существовали разные мнения о происхождении наций, будущем национализма, характере докапиталистических национальностей, исторической судьбе национальных государств и сравнительных достоинствах «характерных признаков» наций, но все молчаливо исходило из того, что человечество состоит из более или менее стабильных Schprachnationen, спаянных общим прошлым. Язык и история (она же Schicksalgemeinschaft – и причина, и следствие языкового единства) так или иначе присутствовали во всех разговорах об этнической общности, но и другие, менее очевидные части сталинской формулировки никому не казались эксцентричными» (Slezkine, 1996, p. 203). Азербайджанским историкам, авторам учебника, «сталинская» формулировка и теперь не кажется эксцентричной.

Однако Хобсбаум подчеркивает: «Попытки установить объективные критерии «статуса нации» или же объяснить, почему некоторые группы превратились в «нации», а другие – нет, предпринимались часто; они опирались либо на один критерий, например, язык или этническую принадлежность, либо на совокупность таких критериев, как язык, общая территория, общая история, культурные характеристики и т. п. Определение, данное Сталиным, является, вероятно, наиболее известным, но, безусловно, далеко не единственным подобным опытом. Все эти попытки дать объективное определение нации оказывались безуспешными и по вполне очевидной причине: лишь некоторые из обширного класса соответствующих подобным определениям общностей можно причислить к «нациям» совершенно не задумываясь, а значит, всегда находятся исключения» (Hobsbawm, 2002, p. 5-6).

национального самовыражения» (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 265). Авторы подробно рассказывают о причинах «краха» «Советской империи», которая «восстановила против себя все демократические силы мира». В этом повествовании Азербайджану (как «нации-государству») отводится роль сторонника «демократических сил», а не составной части «Советской империи». Образ «Империи» – это образ «центра», «Москвы», но не периферии в лице Азербайджанской ССР.

«Москва различными маневрами стремилась остановить неотвратимый распад. <...> Одним из таких разрушительных факторов было разжигание ненависти к тюркским народам, создание мусульманско-христианского противостояния. Г. Алиев отмечал, что Горбачев особо отличался ненавистью к мусульманам, тюркскому миру. Горбачев начал осуществлять план переселения тюркских народов в Западную Россию и другие славянско-христианские республики, а их земли заселял христианским населением» (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 267).

В контексте представления о нации интерпретируются и события, происходившие в ходе постепенного распада СССР. Основы коллективной идентичности «любой нации» репрезентируются в данном случае, как конфликтные в силу «естественных» причин (критериев) отделяющих одну нацию от другой. Конфликт с «центром» не только (и не столько) политический, но, в первую очередь, национально-культурный. Этот конфликт развивается по конструируемой историками границе между двумя разными национальными мирами. «Мы» и «они» разные в силу лингвистического фактора («славяне – турки»), а также в силу разной конфессиональной приверженности (христиане – мусульмане). Т. е. в конечном итоге это конфликт между разными нациями.

Нации разные в силу несовпадения их «базовых характеристик» (язык и духовность). Эти характеристики определяют и выбор союзников, а заодно обуславливают и противоречивость повествования. С одной стороны, «Запад» – это демократический мир. С другой стороны, Азербайджан – это национальная территория, на которой начинается демократическое движение. Это как бы уже и не часть СССР, а составная часть «демократических сил». Но, одновременно, отношения с «Западом» репрезентируются как напряженные, а не союзнические. Ведь «Запад» хоть и антисоветский и демократический, но все же «христианский».

«Западные страны стремились воспользоваться разрушительными национальными конфликтами. С этой целью Европейский парламент в июне 1987 г. учредил день памяти жертв армянского «геноцида»» (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 268).

«Москва» продолжает последовательно разжигать Карабахский конфликт, поддерживая «христиан – армян». И в этой ситуации «терпение народа, десятилетиями мирившегося с разграблением национальных богатств, оскорблением национальных и религиозных чувств, попиранием своих прав, достигло своего предела» (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 272). Начинается массовое национальное движение, целями которого, по версии авторов, были достижение суверенитета, демократизация и борьба с армянским сепаратизмом. «Москва» же сделала окончательную ставку на армянских сепаратистов, «С

целью воспрепятствования политике независимости Азербайджанской республики» (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 308). Ни «центру», ни сепаратистам не удалось остановить Азербайджан в его борьбе за независимость.

Однако, после достижения независимости начинается Карабахская война (1991-1994 гг.). «Армянские агрессоры» «усиливают атаки» на села с азербайджанским населением «с помощью русских», и с помощью российских вооруженных сил (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 314). Таким образом, «Москва» становится прямым преемником СССР, и действия властей этой страны являются прямым продолжением советской политики. Соответственно прямыми наследниками СССР становятся Россия и русские, как нация – владеющая этим государством, и выступающая против нации азербайджанцев тюрков и мусульман. Далее авторы последовательно описывают помощь, которую Россия оказывала Армении. Россия «усиливала нажим на Азербайджан», «добиваясь его включения в СНГ», «еще более усилила провокационную работу в республике», «увеличила военную помощь Армении» (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 319). Уже после прихода Гейдара Алиева к власти (1993 год):

«Укрепление азербайджанской армии, сближение республики с НАТО обеспокоило правящие круги России, и они увеличили военную помощь Армении. Россия, несмотря на то, что была одним из членов Минской группы, созданной в марте 1992 г., вместо содействия в прекращении конфликта, продолжила свою имперскую политику» (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 326).

Таким образом, постсоветская Россия представлена в образе нации-государства русских. Эти нация и государство являются прямыми преемниками (и «собственниками») Российской и Советской империй. Т. е. империи русских, которая последовательно препятствовала независимости азербайджанских тюрков. Авторы заканчивают учебник размышлениями об итогах и уроках истории. В этих своих выводах и размышлениях, они не упускают случая упомянуть, что:

«у азербайджанского народа, являвшегося в начале XX века хранителем исламских ценностей и интересов тюркского мира, вскоре начался процесс формирования идей национальной самобытности и государственности. Большое влияние на этот процесс оказали русский шовинизм и российская великодержавная политика» (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 367).

Это единственный «комплимент» в отношении «России и русских», который можно найти в курсе «новой истории Азербайджана». В целом, «Россия и русские» – это образ «другого», образ соседского государства-нации, которая является носителем «других» «духовных ценностей», «чуждого языка» и, которая, что наиболее важно, последовательно и целенаправленно лишала «азербайджанский народ» его «национальной самобытности» и независимости, поддерживала Армению и армян, с которыми азербайджанцы находятся в конфликте.

Армения: «армянские националисты»

Как раз к Армении и имеет теперь смысл обратиться, учитывая ту связь, которую авторы учебников видят между Россией и Арменией. Однако не имеет большого смысла подробно задерживаться на описании Армении как соседского с Азербайджаном государства. Из предыдущего раздела уже понятно, что Армения и армяне – это важнейшая составная часть «образа врага». Значительная часть курса по новейшей истории посвящена описанию Карабахского (1988-1994) конфликта, который последовательно репрезентируется, как конфликт межнациональный. Эпитеты «армянские националисты» и «армянские фашисты» могут многое объяснить о том, в каких клише репрезентируется соседство с Арменией. Подводя итоги рассказанной истории, авторы упоминают, что «азербайджанский народ» в силу имперской политики соседей утратил в XX веке «часть своего самого главного богатства – территории». Империи стремились контролировать Азербайджан, питая интерес к его «выгодному географическому положению».

«В осуществлении этих целей выгодным средством являлись армянские националисты, которые, не скупясь, предлагали всем свои услуги. Опираясь на своих русских и европейских покровителей, армяне, еще в XIX веке переселившиеся на земли азербайджанского народа, под руководством григорианской церкви стали проводить в жизнь политику национальной резни. В начале XX века на территории западного Азербайджана было создано армянское государство. Армяне, живущие в Нагорном Карабахе, получили статус автономии. В результате систематически проводимой антитюркской политики, в XX веке азербайджанцы были полностью вытеснены с этих территорий» (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 371).

В этих «уроках» истории нетрудно увидеть все те же критерии описания границ нации, которые, в данном случае, становятся еще и границами противостояния. Авторы вновь и вновь проблематизируют конфликт. Историческое повествование, вновь становится рассказом о противостоянии коллективных и солидарных сообществ – наций. Эти нации разные по той простой причине, что одна состоит из тюрков-мусульман, а другая из армян-христиан.

Турция – «братская нация и страна»

Естественно, что исходя из этой логики соседская Турция и турки как нация – это исключительно положительный образ. Однако определенный парадокс заключается в том, что Турция и турки практически не упоминаются на страницах учебника, посвященных описанию «новейшей истории». Можно найти только упоминание, что Турция выделила кредит для Нахичеванской Автономной области. Или еще одно, очень короткое упоминание о том, что: «Основное место во внешней политике Азербайджана занимало всестороннее сотрудничество с Турцией» (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 343).

В принципе логика подобной лаконичности проста и вытекает из преимущественного интереса авторов к описанию конфликтов. Если между Турцией и Азербайджаном

конфликта нет, то и рассказывать не о чем. Мы – «два братских народа». Это «братство» проходит по линии языка и, в данном конкретном случае, общий язык становится важнее «духовности»⁶⁹. Это утверждение представляется очевидным и поэтому не нуждается в подробной аргументации. Отношениям с Турцией не отводится заметного места и в учебнике по «Мировой Истории». Но, в целом, образ этого соседа всегда положительный.

Грузия – «невидимый» сосед

Увлеченные описанием конфликта между Азербайджаном, с одной стороны, Арменией и Россией, с другой, авторы учебника еще меньше внимания уделяют еще одному соседу – Грузии. Фактически Грузия не упоминается в разделах, посвященных «Новейшей истории» Азербайджана. С одной стороны, это отсутствие интереса, как и в случае с Турцией, демонстрирует нам, что отношения с соседом хорошие. Нет конфликта, соответственно, нечего и описывать. С другой стороны, факт того, что Грузия вообще не упоминается, демонстрирует, что статус у этого соседа гораздо ниже, чем у «братской Турции». «Мы» дружим, но «мы» не являемся «братскими народами». Ведь и здесь возникает непроходимое пограничье, которое, исходя из представлений авторов учебников, проходит по линии конфессии и языка. Впрочем, по версии, представленной в «Истории Мира», можно предположить, что определенные сложности в отношениях все же возникали:

«С развалом СССР на Южном Кавказе образовались независимые государства. С приходом к руководству в Грузии Э. А. Шеварднадзе, а в Азербайджане – Г. А. Алиева произошли изменения в жизни азербайджанских турков, проживающих в Грузии. Визит в марте 1996 г. президента Азербайджанской Республики Г. Алиева в Грузию еще больше укрепил доверие между нашими народами, сыграл важную роль в восстановлении пограничных прав грузинских азербайджанцев» (Новейшая История. Учебник для 11 Класса, с. 88-89).

Каким образом эти права попирались в учебнике не уточняется. В то время как в отношении другого соседа – Ирана – авторы учебников подробно рассказывают о сложностях и о «попранных правах».

Иран – еще одна враждебная империя по соседству

Следует отметить, что специфика описания отношений между Ираном и Азербайджаном, во многом повторяет ту, что можно наблюдать в репрезентации отношений с Россией. Иран – это «другая империя», в границах которой (как когда-то в Российской империи) осталась значительная часть «несправедливо разделенного Азербайджана». Истории этой части Азербайджана в «новейшее время» авторы посвящают отдельно несколько параграфов. По уже давно сложившейся традиции в азербайджанской исторической науке эта территория обозначается как «Южный Азербайджан». Авторы подробно рассказывают о событиях

⁶⁹ Население Турецкой Республики в основном состоит из мусульман суннитского толка, а население Азербайджана из мусульман-шиитов.

1945-1946 годов, когда на территории северо-восточного Ирана были расквартированы советские войска. Советская власть, фактически, формировала, направляла и активно поддерживала местное национальное движение азербайджанцев-тюрков. Об этом обстоятельстве, авторы, впрочем, стараются подробно не рассуждать, и все движение в «Южном Азербайджане» репрезентируется как скорее автономное движение за независимость⁷⁰. Поражение этого движения описывается очень эмоционально и становится еще одним поводом для критики советской власти:

«Падение Национального правительства <...> в результате предательства Советов привело в Южном Азербайджане ко многим трагедиям. Азербайджан был залит морем крови. Борцы за свободу были брошены в темницы, людей казнили целыми группами, сотни тысяч семей были сосланы на юг, где климатические условия были тяжелыми. Все достижения годичного правления Национального правительства были ликвидированы. Стали преследоваться азербайджанский (тюркский) язык, культура. Были закрыты Тебризский университет, филармония и другие очаги культуры, сожжены книги, учебники, напечатанные на родном языке. Над Азербайджаном воцарился полный мрак. Наряду с экономическим, здесь на какое-то время воцарился и нравственно-психологический упадок» (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 283).

Авторы учебника не упоминают о возможном «духовном единстве» азербайджанцев и иранцев, говорящих на фарси. И те, и другие в своем большинстве мусульмане шииты. С тем, чтобы провести границу между фарсами и тюрками авторы сосредотачиваются на разных «родных языках». Этот критерий становится и основанием для повествования о разных культурах азербайджанцев и иранцев. Наконец, территории, на которых живут азербайджанцы-тюрки хоть и включены в состав Ирана, но являются составной частью суверенной родины («национальной территории»), только часть которой, собственно Азербайджанская Республика, в настоящий момент является независимой. Таким образом, азербайджанцы тюрки не являются частью «иранского народа». Они четко ассоциируются с территорией – «Южный Азербайджан», который был несправедливо подчинен Ирану. Когда «иранский народ начал борьбу за национализацию нефтяной промышленности», то «В этой борьбе активно участвовал и Южный Азербайджан», постепенно выходящий из состояния депрессии» (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 289). Однако, и в 1960-1970-е годы иранский «шахский» режим продолжает проводить политику дискриминации в отношении азербайджанцев:

«Шовинистическая национальная политика шахского правительства, проводимая под названием «национального единения», превратилась в особое средство давления на Южный Азербайджан. Национальная дискриминация особенно отчетливо проявлялась в проведении реформ в области образования. Планомерно проводилась в жизнь политика фарсизации других народов. В результате азербайджанский язык также попал под запрет, была приостановлена публикация книг, газет и журналов на этом языке, книги, выпущенные прежде, изымались и уничтожались» (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 291).

⁷⁰ Подробное изложение этих событий можно найти в книге историка Джамиля Гасанлы (2006).

Азербайджанцы-тюрки не описываются как «национальное меньшинство», но именно как нация, занимающая определенную территорию. Южный Азербайджан репрезентируется как, по сути, отдельное государство, попавшее под власть Иранскому режиму. Т. е. по аналогии с повествованием об истории Азербайджанской ССР, оказавшейся под властью Советской империи.

Азербайджанцы приняли самое активное участие в Иранской исламской революции 1978-1979 гг., в надежде добиться автономии. Однако, в результате, новая власть, в свою очередь, отказалась признавать их права.

«Консервативное правое крыло правящих кругов Ирана, проводившее во времена шахского режима антиазербайджанскую (антитюркскую) политику под лозунгом «единая иранская нация», после победы революции, объявив «единый исламский мир», стало отрицать понятие национальной принадлежности» (История Азербайджана. Учебник для 11 класса, с. 291).

Подобные проблемы, которые возникают у части единого, но «несправедливо разделенного» народа, естественно не могут не отразиться и на отношениях между странами. По этому поводу авторы учебника по «Мировой истории» лаконично замечают, что:

«Хотя Иран заявляет о признании территориальной целостности Азербайджана, он поддерживает тесные политико-экономические и дипломатические отношения с Арменией. По вопросу раздела Каспийского моря на секторы, требует 20% своей доли» (Новейшая История. Учебник для 11 класса, с. 101).

Заключение

Таким образом, по версии, представленной в учебниках, из всех соседских с Азербайджанской Республикой государств «добрососедские» отношения сложились, в настоящий момент, только с Турцией и Грузией. Отношения с Россией, Ираном и, особенно, Арменией, репрезентируются как враждебные. Во всех случаях, описание этих отношений проходит через процедуру этнизации. Различные этно-национальные сообщества либо «дружат», либо «враждуют». Границы между этими сообществами историзируются и эссенциализируются. В результате, этнические границы часто репрезентируются как непреодолимые и конфликтные. В этом контексте, событиям политическим (и особенно конфликтам) отдается в историческом повествовании явное предпочтение. Безусловно, подобный нарратив, на котором воспитываются первые постсоветские поколения граждан Азербайджана, может стать серьезным препятствием для региональной интеграции.

Библиография:

Anderson B., 1998. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London & New York: Verso.

Beissinger R., 2002. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*, Cambridge: Cambridge University Press.

Bunyadov T., baş red., 2007. *Azərbaycan etnoqrafiyası*. Uç cilddə. Bakı: Şərq-Qərb [Бунятов, Тимур, глав. ред., 2007. *Этнография Азербайджана*. В 3 т. Баку: Восток-Запад].

Brubaker R., 1994. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account. *Theory and Society*, Vol. 23, # 1, pp. 47-78.

Brubaker R., 2000. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.

Clark K., 1995. *Petersburg, Crucible of Cultural Revolution*, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Cavadov Q., 2000. *Azərbaycanın azsaylı xalqları və milli azlıqları*. Bakı: Elm. [Джавадов Г., 2000. *Национальные меньшинства Азербайджана*. Баку: Элм].

Cavadov Q., 2004. *Talışlar. Tarixi-etnoqrafik tədqiqat*. Bakı: Elm. [Джавадов Г., 2004. *Талыши. Историко-этнографическое исследование*. Баку: Элм].

Hirsch F., 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca and London: Cornell University Press.

Hobsbawm E., 2003. *Mass-Producing Traditions: Europe, 1870-1914 // The Invention of Tradition*, Hobsbawm E. & Ranger T., eds., Cambridge, pp. 263-308.

Hobsbawm E., 2002. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge University Press: Cambridge.

Fitzpatrick S., 1992. *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*, Ithaca and London: Cornell University Press.

Khalid A., 2007. *Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia*, Los Angeles: University of California Press.

Martin T., 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. Ithaca & London: Cornell University Press.

Nairn T., 1997. *Faces of Nationalism: Janus Revisited*. London & New-York: Verso.

Ohliger R., 1999. Representing the *National Other*: Textbooks and the Formation of Ethno-National Identity in Germany 1871-1945. *Internationale Schulbuchforschung*, 2, Vol. 21. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, pp. 103-124.

Slezkine Y., 1996. The USSR as a Communal Apartment or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism, in Geoff E. & Suny R.-G., eds., *Becoming National. A Reader*. New-York and Oxford: Oxford University Press, pp. 202-238.

Suny R.-G., 1993. *The Revenge of the Past. Nationalism, revolution and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, California: Stanford University Press.

Suny R.-G., 1993. *Looking toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.

Suny R.-G., 1997. Soviet Armenia. In: Hovannisian R.-G., eds., *The Armenian People from Ancient to Modern Times*, New-York: St. Martin's Press, pp. 347-388.

Swietochowski T., 2004. *Russian Azerbaijan, 1905-1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community*. Cambridge: Cambridge University Press.

Аббасов А., ред., 1998. Азербайджанцы. Историко-этнографический очерк. Баку: Элм.

Алиев В., Юсифов Ю., Бабаев И., Джафаров И., Мамедова А., 2003. *История Азербайджана. Учебник для 6 класса*. Баку: «Тахсил»

Баберовски Й., 2010. *Враг есть везде: сталинизм на Кавказе*. Москва: Росспэн.

Балаев А., 2009. *Мамед Эмин Расулзаде (1884-1955)*. Москва: Флинта.

Балибар Э., Валлерстайн И., 2003. *Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности*. Москва: Ессе Номо.

Брубейкер Р., 2000. Мифы и заблуждения в изучении национализма. *Ab Imperio*, № 2, Казань, с. 247-273.

Велиев Т., Алиев Р., Тагиева Ш., др., 2004. *История Азербайджана. Учебник для 10 класса общеобразовательной школы*. Баку: Чашыюглу.

Гасанлы Д., 2006. *СССР-Иран: Азербайджанский кризис и начало Холодной войны (1941-1946 гг.)*. Москва: Герои Отечества.

Гафаров Т., Мамедов И., Мамедов Х., др., 2002. *История Азербайджана. Учебник для 11 класса общеобразовательной школы*. Баку: Чашыюглу.

Геллнер Э., 1991. *Нации и национализм*. Москва: Прогресс.

Глебов С., 2000. Читая Р. Брубейкера. *Ab Imperio*, № 1, Казань, с. 147-150.

Малахов В., 2005. *Национализм как политическая идеология*. Москва: Издательство «КДУ».

Малахов В., 2007. «Национальная политика» как феномен политической речи. В: *Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме*. Москва: НЛО, с. 47-65.

Мамедов И., Гандилов С., Гасымлы М., и др., 2010. *Новейшая История. Учебник для 11 Класса Общеобразовательных Школ*. Баку: Çaşıođlu.

Махмудлу Я., Халилов Р., Агаев С., 2003. *Отечество. Учебник для V класса*. Третье издание. Баку: Маариф.

Сеидов С., 2009. *Феноменология творчества. (История, парадоксы, личность)*. Баку: Чашыоглу.

Ферро М., 1992. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*, Москва: Высшая Школа.

Writing the History of Present: The Post-Soviet Period in Armenian History Textbooks

Mikayel Zolyan

Introduction: The Armenian Context

Writing a history textbook is not an easy task, especially in a post-Soviet country in the South Caucasus that has an unstable domestic political situation and unresolved issues with two of its four neighbors. The historians working on the world history textbooks for Armenian schools had a difficult job ahead of them. They had to balance a post-Soviet legacy, a sharpened sense of ethnic and/or national identity in a newly emerged nation-state, and the need to educate students capable of living in a 21st century society. However, writing history becomes especially difficult when the historical facts that the historian deals with did not occur in the distant past but within the historian's lifetime.

While researchers have scrutinized written histories in post-Soviet Armenia, and particularly history textbooks (Iskandaryan, Harutyunayn, 1999; Zolyan, Zakaryan, 2010; Zolyan, Zakaryan, 2009; Vesely, 2008), to our knowledge no specific studies of the representation of contemporary history in Armenian textbooks have been conducted. Current research aims to contribute to filling this gap: in this paper we shall examine how contemporary history (defined for the purposes of this article as the post-1991 period) is presented in Armenia's history textbooks.

While dealing with representations of contemporary history in post-Soviet textbooks, one has to take into account all the pressures and obstacles that influence a historian who has undertaken the task of writing this history. Thus, historians of the former Soviet countries writing on modern and contemporary issues often find themselves squeezed between two opposing and equally destructive forces. On the one hand, the influence of the dogmatic Soviet historiography continues to linger, impacting not only the content but also the style of history writing. On the other hand, nationalist discourse plays an important role, in many cases replacing Marxism-Leninism as the official state ideology. Historians need to tread carefully, trying to avoid these two extremes, especially when the objective is to write a history textbook. Unlike historical monographs read mostly by specialists, textbooks have the widest possible audience, the nation's high school students. Moreover, historians writing about contemporary history are especially vulnerable when describing internal political developments. The degree of vulnerability varies from country to country, depending on such factors as the openness of the political system, the government's tolerance to differing and critical opinions, and the government's degree of control over the educational system. These components influence the climate in which historians operate. Other important issues include the existence of ethno-political conflicts in the region and the extent to which the nation had developed its own school of historiography prior to the Soviet Union.

While the outside world may not have expected the emergence of new nation-states from the ruins of the Soviet empire, it is important to understand that they did not arise “out of nowhere”. The Soviet system harshly punished calls for independence from Moscow, as well as other open manifestations of nationalism, but concurrently helped to create semi-autonomous proto-states with a distinct national and cultural identity (Slezkine, 1994). In other words, the USSR promoted nationalism in a broader sense, defined by E. Gellner as a political principle that maintains that the national and political unit should coincide (Gellner, 1983). As part of the proto-national state building that occurred in the republics during the Soviet years, national schools of historiography continued to exist (or in certain cases emerged), maintaining narratives of national history different from the official “all-union” Soviet historiography (on how “national” narrative was maintained in spite of the official Soviet “memory”, see: Jones, 1994). In certain cases, these national schools of historiography clashed with each other over issues related to conflicting political claims, which were often muted in the political discourse but articulated in the academic sphere (Astourian, 1994; Shnirelman, 2003).

In order to understand the challenges that Armenian historians face while writing histories of contemporary Armenia, it is necessary to consider the external and internal contexts in which the nation exists today. A substantial volume of literature in English deals with the experiences of post-Soviet Armenia (Libaridian, 1999; Libaridian, 2007; Suny, 1993; Astourian, 2001; Panosian, 2006). To a great extent, the late 1980s have defined this period. Armenia was one of the Soviet republics that experienced a wide popular movement that combined elements of democracy and nationalism (Beissinger, 2002). Moreover, this movement was one of the first to openly challenge Soviet authorities, paving the way for more protests in the USSR and the whole Eastern Bloc (Libaridian 1991; Malkassian, 1996; Marutyan 2009). It ultimately succeeded in replacing Soviet rule in Armenia with the government of the Armenian National Movement, a political party that emerged on the basis of the popular movement.

The events of 1988-1991 in Armenia, as well as in some other Soviet republics, were structurally similar to the revolutions that took place in Central and Eastern Europe in 1989. However, the aftermath of these revolutions was quite different. While Central and Eastern European countries were immediately welcomed by the West and found themselves on the course to European integration, the countries of the Caucasus became mired in ethno-political conflicts and faced serious obstacles in the path of democratic transition. In the early 1990s, Armenia was still able to position itself as “a beacon of democracy” in the Caucasus, mostly based on the fact that it was the only country in the region that did not experience the forcible overthrow of the government and former Communist leaders’ return to power. However, by the mid 1990s, the Armenian political system exhibited signs of authoritarianism, such as rigged elections and persecution of the government’s opponents. At the beginning of the new century, Armenia already had a political system, dominated by a narrow circle of state officials and “oligarchs”, a system of authoritarian decision-making and widespread corruption with a democratic façade. However, Armenia’s political system remained relatively more open compared to the so-called “sultanistic” regimes that existed, than some other post-Soviet regimes, in which leaders enjoyed absolute

political power with virtually non-existent opposition, free media, and civil society (on the definition of “sultanistic regime”, albeit in a different regional context, see: Goldstone, 2011).

Conflicts with two of Armenia’s neighbors dominated the external political context of post-Soviet Armenia’s experience. These included the violent conflict with Azerbaijan over Nagorno-Karabakh and the “cold” conflict with Turkey. The stand-off between Nagorno-Karabakh Armenians and the authorities of Soviet Azerbaijan transformed into a full-scale war when the USSR disintegrated. Armenia supported Nagorno-Karabakh, which by that time had proclaimed itself an independent republic, in the war, which ended with a cease-fire in 1994. However, attempts at finding a political resolution to the conflict have failed so far, and the state of “no war, no peace” continues (on Nagorno-Karabakh conflict see: Chorbajian, et al., 1994; Waal, 2004).

Turkey supported its ethnic kin in Azerbaijan by imposing a blockade in Armenia in 1993, which has had catastrophic consequences for the Armenian economy. Apart from the Turkish support for Azerbaijan, other issues influencing Armenian-Turkish relations include Armenia’s demands for acknowledgement of the 1915 Armenian genocide in Ottoman Turkey, recognition of the current borders, issues related to the remaining Armenians in Turkey, along with the fate of Armenian cultural heritage in Turkey, among other concerns. While the first Armenian government expressed its willingness to establish relations with Turkey without any preconditions, Turkey turned down the offer and the next Armenian government switched to harsher rhetoric and open support for the genocide recognition campaign. It seemed that a new page was opened in 2008, when Serzh Sargsyan, the new president of Armenia, invited Turkish president Abdullah Gul to visit Armenia and attend a football match between the two national teams. Gul accepted the invitation, initiating the so-called “football diplomacy”, which culminated in signing of the “Armenian-Turkish protocols” in October 2009. The thaw in Armenian-Turkish relations generated a lot of attention all over the world, earning praise for Gul and Sargsyan in the West, but prompting an angry response from nationalists in both countries, condemnation from Azerbaijan, and a mixed reaction in Armenian Diaspora communities. However, the protocols were never ratified by the Armenian and Turkish parliaments and currently both sides seem to have hardened their positions (on Armenian-Turkish relations and “football diplomacy,” see: International Crisis Group, 2009; Zolyan, 2011).

While the Karabakh conflict and Armenian-Turkish relations dominate Armenia’s external agenda, Armenia’s foreign policy has to deal with other issues as well. Armenia has been trying to balance its relations with Russia and the West in a policy of “complementarism” (see below). Armenia has in general maintained good relations with Georgia, in spite of certain issues particularly connected to Georgia’s Armenian population, centered in the capital Tbilisi and the region of Javakhq on the Armenian border (Javakhq is the Armenian name of the region, in Georgian it is called Javakheti). Armenia has also maintained good relations with Iran, which holds a mostly neutral position in the Nagorno-Karabakh question, despite calls from ultra-conservative religious circles and ethnic Azerbaijanis in Iran to support Muslim Azerbaijan against Christian Armenia.

As we shall see from the textbooks, it is not an easy task for the authors to explain such complicated internal and external conditions to high school students. Armenian students learn

about the period after 1991 twice: once in the end of the ninth grade, the last year of basic school, and again in the twelfth grade, the last year of high school. High school students are divided into two sections, humanities and natural sciences, with separate textbooks for each section. These changes are relatively recent however, and the twelfth grade textbooks were not available at the time of this research. Therefore, only ninth grade textbooks are the subject of analysis in this paper. The eleventh grade textbook for the humanities section ends with the First World War and that for the natural sciences section ends with the Cold War (Qosyan, 2010a; Qosyan, 2010b). A general description of how world history should be taught is available in the form of the “National Standard” for teaching world history in high school (National Standard, 2009).

The ninth grade textbook for world history (Stepanyan, 2008) consists of an introduction and 30 chapters, divided into three main sections: “The World in the Third Phase of Industrial Society” (1918-1945), “The World during the Cold War” (1945-1991), and “The World after the Cold War” (post-1991). This final section consists of eight chapters, out of which only four actually deal with the chronological frames of the post-Cold War period. These chapters include “The Countries of the West after the Cold War”, “Post-Soviet States”, “International Relations in the Contemporary Era”, and “The Major Issues of the Modern⁷¹ World”. The remaining chapters of this section deal generally with culture, science, economics and types of political systems in the modern period. These chapters must have been included in the third part of the textbook, based not on chronological considerations, but rather to make sure that all the three parts of the textbook are of relatively the same length.

The textbook of Armenian history that deals with the post-1991 period and is currently used in schools (Barkhudaryan, 2008) is divided into five sections: “The First Republic of Armenia⁷² (May 1918-December 1920)”; “Soviet Armenia: 1920-1945”; “Soviet Armenia: 1945-1991”; “The Republic of Armenia and the Republic of Nagorno-Karabakh: 1991-2008”, and “Armenian Diaspora (1915-2008)”. Mainly the fourth section is of interest for us, but certain parts of sections three and five are also relevant. Compared to Armenian history textbooks published during the previous years (on these textbooks see: Vesely, 2008), the 2008 version contains quite lengthy and detailed descriptions of the post-Soviet history of Armenia. All of section four is devoted to this period: it consists of two “topics”, each of which consists of four chapters. The first “topic”, entitled “The Republic of Armenia: 1991-2008”, consists of chapters entitled “The Republic of Armenia on the Road to Independence”, “The Republic [of Armenia] on the Road to Economic Reform”, “Socio-political and Cultural Life of the Republic of Armenia”, and “The International Situation of the Republic [of Armenia]”. The second “topic” of the section is entitled “The Republic of Nagorno-Karabakh: 1991-2008” and is divided into two chapters: “The Republic [of Nagorno-Karabakh] During the Years of War and Independence” and “The Internal Situation in the Republic [of Nagorno-Karabakh]”. Apart from these, the second “theme” of section three,

⁷¹ The word “ardi” is used, which can be translated both as “modern” and “contemporary”.

⁷² In Armenian historiography it is common to refer to the Republic of Armenia that existed in 1918-1920 as the “First Republic”, to the Soviet Armenia as “the Second Republic”, and the republic founded in 1991 as the “Third Republic”.

entitled “The Policies of ‘Perestroika’ and the National Question” is also of interest, since it deals with developments in the late 1980s, as well as the “Relations Between the Third Republic of Armenia and the Diaspora” subchapter of the fifth and last section of the book (the section in general deals with the history of Armenian Diaspora communities).

World History Textbooks: The Neighbors’ Conspicuous Absence

In the ninth grade textbook, the section dealing with the political history of the post-Cold War period is structured according to a pattern that divides the world into the West and “East”, roughly speaking, i.e. post-Soviet countries. Other parts of the world do not receive specialized attention in separate chapters; they are covered only in quite a general fashion in the chapters “International Relations in Contemporary World” and “The Issues of Contemporary World”. The emphasis on the West and post-Soviet history reflects the influence of a long-established Eurocentric discourse, which, ironically, remains much more common in the post-Soviet space than in western European countries, where this discourse originated.

In the ninth grade textbook, the chapter dealing with the history of the West in the post-Cold War period starts with an assertion that since the 1970s, western countries have entered a new phase of development as a “post-industrial society” or “information society” (Stepanyan, 2008, p. 136). The chapter proceeds to describe the contemporary phase of European integration. It also mentions the enlargement of the European Union, particularly stressing that out of 15 countries to join the EU after 1993, 10 were former socialist countries. The discussion of the EU concludes with the statement that the European integration process faces certain obstacles, and particularly serious challenge of combining “national” with “pan-European” values (Stepanyan, 2008, p. 137). The rest of the chapter focuses on individual Western countries, namely the US, Great Britain, France, Germany, and Italy. Particularly, the US is described as “the only superpower” left after the end of the Cold War. While the textbook offers quite a favorable view of President Bill Clinton’s administration, it criticizes the following president, George W. Bush, for causing economic stagnation within the country and promoting militarist policies in the field of foreign relations.

Each section dealing with a major Western country is followed by a paragraph regarding its diaspora communities. Thus, the section on the US includes a footnote about its one million strong Armenian Diaspora, stating that “many Armenians have reached prominent positions in different fields in the life of the country; they are helping Armenia and contributing to promoting Armenian-American relations” (Stepanyan, 2008, p. 138). The subsection on France is followed by a note that discusses the 400,000 Armenians who live in the country, including businessmen, intellectuals, and artists, who “promote friendly relations between Armenia and France”, analogous to the Armenian Americans in the US (Stepanyan, 2008, p. 139).

The ninth grade textbook also deals with post-Soviet states. It describes the end of Soviet totalitarianism, along with major steps taken after the transition: economic liberalization and development of market relations, introduction of private property, dismantling of the nomenclature, and creation of new financial systems. The authors argue that while the transition

has mostly been successful in the Baltic region, allowing Estonia, Latvia and Lithuania to integrate into the European structures, the process in the other post-Soviet states has faced many serious challenges. Particularly, as a consequence of “wild privatization”, a small number of people have acquired large fortunes, while the majority of the population has found itself in extremely harsh material conditions. This huge wealth gap, the authors argue, has primarily caused the political instability in post-Soviet countries, which manifests itself in election fraud and “colored revolutions”. Also, it is noted that the state-building process in most post-Soviet countries is far from over, even though all these countries have adopted constitutions and declared themselves democratic states, the reality is that political parties and civic institutions are weak, being united not around ideas but around the personalities of “the leaders” (Stepanyan, 2008, p. 142). Influence of external actors is also mentioned as one of the factors defining the state of affairs in post-Soviet states: it is interpreted as a competition for strategic influence between Russia on the one hand and the US and EU on the other (ibid.).

Discussing the post-Soviet period in Russia, the influence of the official version of history during Vladimir Putin’s period is obvious. Boris Yeltsin’s years of rule are described as “difficult and controversial”, characterized by economic decay and disarray of the system of government, coupled with unsuccessful attempts at economic reforms, as well as a bloody war against separatists in the North Caucasus. The description of Putin’s rule, on the other hand, has an openly apologetic tone. Thus, Putin is credited with flexible domestic and foreign policy, development of the country’s economy, successful reform of the system of government, increasing social welfare, and restoring faith in the future. In the field of foreign relations, Putin’s policy is described as balanced and stable, and the section concludes with the statement that Russia “returned itself to the status of a great power”. The subchapter on Russia, as in the case of the US and France, is followed by a note on its Armenian Diaspora, stating that 2.5 million Armenians live in Russia and have national [sic.], cultural, religious, and educational organizations, including the Union of Armenians of Russia, which provides material assistance to Armenia and promotes Armenian-Russian relations (Stepanyan, 2008, p. 143).

The textbook mentions “inter-ethnic conflicts” inherited from the USSR among the issues existing between the states of the CIS (Stepanyan, 2008, p. 144). It contains a paragraph that describes Armenia’s efforts to develop relations with other post-Soviet countries. In particular, a “strategic partnership has evolved between our Republic and the Russian Federation”. The text further describes “good neighborly relations with Turkmenistan, Ukraine, Georgia and other CIS members” [the book was published in 2008]. The statement “the only exception is Azerbaijan” proceeds this text, which also argues that their “extremist position... is an obstacle to the solution of conflicts” (Stepanyan, 2008, p. 145).

When describing the contemporary system of international relations, the textbook describes NATO as the most powerful military-political alliance of the contemporary world, which “aims to reach global domination”. The EU is referred to as an organization that seeks to “ensure economic, political, cultural, and legal unity” (Stepanyan, 2008, p. 147). The authors stress NATO’s cooperation with Armenia. At this point the textbook goes on to discuss Armenia’s cooperation with NATO, particularly its participation in the “Partnership for Peace” program, the

implementation of the “Individual Partnership Action Plan”, and in the NATO peacekeeping operation in Kosovo. However, it is emphasized that “though the cooperation is deepening, Armenia is not striving to become a NATO member” (Stepanyan, 2008, p. 148). Naturally, the textbook also mentions the Organization of Collective Security and Armenia’s participation in this bloc.

The textbook is quite enthusiastic about the European Union. While in the case of NATO there are some hints of the authors’ critical attitudes, the description of the EU is more sympathetic. Its main content describes its relationship with Armenia:

“Armenia has active cooperation with the EU. In 1996 it signed a treaty of cooperation with the EU. Since 2007 Armenia has been implementing a program with the EU that provides large-scale reforms in the fields of democracy and human rights, as well as in social, economic, and legal spheres, among others. Membership in the EU is one Armenian policy’s strategic aims” (Stepanyan, 2008, p. 148).

Thus, it is stressed that despite Armenia’s cooperation with NATO, it is not aiming to become a member, with the EU on the contrary, Armenia strives to become a member of the organization in the future. This perspective echoes the Armenian government’s official position, though it remains questionable to what extent these subtleties are communicated to students.

Armenia’s immediate neighbors, Georgia and Azerbaijan, are also almost absent from the text. Georgia is mentioned several times only in the context of the description of the processes in CIS. It appears for the first time as one of the countries where a “colored revolution” had taken place, which has led to a “deepening rift with Russia” (Stepanyan, 2008, p. 144). The second reference to Georgia occurs in the same chapter in the context of other CIS countries, which Armenia has made efforts to establish good relations with (Stepanyan, 2008, p. 145). However, one of the few illustrations of this part of the book actually represents Georgia with a photograph of a crowd gathered in Tbilisi with a red-crossed Georgian flag flying over them and a caption reading “The Rose Revolution in Georgia” (Stepanyan, 2008, p. 144).

Azerbaijan is also only referenced once, in a similar context. Describing the good relations between Armenia and other CIS countries, the textbook highlights Azerbaijan as the only exception. The authors blame the lack of positive relations between Armenia and Azerbaijan on the latter’s radical posture, which “refuses to acknowledge the de facto independence of Karabakh” (Stepanyan, 2008, p. 145). As in the case of Armenia’s relationships with NATO and EU, this formula mostly aligns with the government’s official position in the negotiations on the Karabakh issue.

The only mention of Turkey in the section of the textbook dealing with the post-Cold War period is not related to the current processes in Turkey, but the Armenian genocide in the Ottoman Empire. Chapter 21 in the previous section of the textbook discusses the history of modern Turkey within the broader topic of the history of the Middle East in the second half of the twentieth century. The reference to Turkey mentions the economic policies of Turgut Ozal, the

Kurdish problem, as well as Prime Minister Recep Tayyip Erdogan's election in 2003. A short paragraph, also in this section, refers to the current state of Turkish-Armenian relations:

"Though Turkey was one of the first countries to recognize the independence of Armenia, to this day the two countries do not have diplomatic relations. Turkey has presented preconditions to Armenia for establishment of diplomatic relations, which are unacceptable. Moreover, it has closed the border with Armenia. Turkey worries that more and more states are recognizing the Armenian genocide" (Stepanyan, 2008, p. 126).

As in other cases, when the textbook touches upon issues of Armenia's foreign policy, it follows almost word for word various Armenian government representatives' official position.

Iran is also absent from the section of the book dealing with post-1991 history. However, the previous section deals with Iran in quite a detailed manner, describing events from the 1950s to 1980s, including the rise of the nationalist Prime Minister Mohammed Mossadegh and the subsequent *coup d'état*, Mohammad Reza Shah's attempts at reform, the Islamic Revolution, and the Iran-Iraq War. The discussion does not include post-1991 events in Iran, except for a reference to the country's Armenian community and its developing positive neighborly relations with Armenia.

Writing the Narrative of Nation-Building: The History of Armenia

While writing the history of contemporary events poses quite a challenge in any society, Armenian historians find themselves in an especially delicate position. Armenia's foreign affairs involve a state of open military conflict with Azerbaijan, its eastern neighbor, and strained relations, or even a lack of relations, with Turkey, its neighbor to the west. In terms of domestic politics, historians may face an even greater challenge. Many of the people who took part in the events of the early 1990s, when Armenia became independent, are still active on the political scene. Moreover, since late 2007, Armenia's domestic politics have been dominated by sharp conflict between the supporters of the first president, Levon Ter-Petrosyan, currently the leader of the opposition, and the supporters of the current government. The second president, Robert Kocharyan, led this faction until the 2008 elections, when Serzh Sargsyan became the third president. To make matters even more complicated, both Kocharyan and Sargsyan were prominent members of Ter-Petrosyan's team in the 1990s, before irreconcilable differences emerged between them and their former boss in 1998, leading to Ter-Petrosyan's resignation. If we also consider the fact that all Armenian administrations since 1991 have had questionable human rights records, and the fact that nearly every major election since the mid-1990s was disputed and followed by mass protests, it becomes clear that writing a textbook about the internal life of post-Soviet Armenia is no easy task politically, to say the least.

The discussion of the representation of the post-Soviet period of Armenia's history would be incomplete without a reference to the coverage of the events of the late 1980s, more precisely the so-called "Karabakh Movement" that started in 1988 and culminated in the independence of Armenia in 1991. In the textbook in question, three chapters are devoted to this period

(Barkhudaryan, 2008, p. 111-122). Before proceeding to analysis of the text, it is necessary to highlight the importance of the events of 1988-1991 for Armenian society. Armenia was among the Soviet republics that experienced a strong popular movement in the late 1980s, a movement combining nationalism and demands for democracy (on these movements see: Beissinger, 2002). Though the term “revolution” is rarely used to describe the developments in Armenia during these years, the story parallels the revolutions (“velvet” and not so “velvet”) that rocked the countries of Central and Eastern Europe in 1989. In Armenia, as well as in some other Soviet republics, a mass movement challenged the authority of the Communist party and eventually succeeded in removing the Communist leadership from power through elections. At the same time, in Armenia, the movement aimed not only to overthrow Communism and secure independence from Moscow, as in Eastern Europe and the Baltic states, but it also mobilized the population to take part in a conflict with Azerbaijan over the region of Nagorno-Karabakh. In fact, as the name “Karabakh Movement” suggests, the initial goal was unification of the Autonomous Region of Nagorno-Karabakh with Armenia proper. These aims were so closely intertwined in the mass movement taking place in Armenia in the late 1980s that it is extremely difficult to separate them from one another.

In any case, the mass movement of 1988-1991 not only produced change in Armenia’s political system, but it also became a source of ideological legitimacy for the new state emerging on the ruins of Soviet Armenia. Events of 1988-1991 have a significance for the modern Armenian state, the so-called “Third Republic”, comparable to the War of Independence for the US or the French Revolution for modern France. However, different groups in modern Armenian society seek to interpret the events of 1988-1991 in different ways. To some, the most important aim of the “Karabakh Movement” was, as its name suggests, self-determination for Armenians of Karabakh. To others, the movement mainly sought to establish an independent democratic state that would respect the rights of its citizens. And to some it was a struggle for national liberation against the Soviet “empire”.

Elements of these different interpretations can be found in the textbook. Thus, the textbook suggests that one of the consequences of perestroika was “the emergence of liberation movements in the Soviet Union” (Barkhudaryan, 2008, p. 111). However, as the trigger of the movement, the textbook points to “the arbitrary transfer of historical [Armenian] territories to Azerbaijan” and “anti-Armenian policies of Azerbaijani authorities” (ibid.). Yet the textbook does not focus on Azerbaijan as the main adversary: it also highlights the role of the “political leadership of the Soviet Union, [which] qualified... those rallies as demands put forward by a group of provocateurs, extremists, and nationalists” (Barkhudaryan, 2008, p. 112). Similarly, when covering the massacre of Armenians in the town of Sumgait on February 27-29, 1988, the authors do not solely blame “local Azerbaijani authorities”. They also stress that central Soviet authorities failed to defend the Armenian population of Sumgait and tried to cover up who was responsible for the massacre by presenting it as “an act of a group of hooligans” (Barkhudaryan, 2008, p. 113). In the subsequent text “the center”, i.e. the Soviet leadership, continues to appear as the adversary of Armenia’s national movement.

However, the textbook does not represent Soviet leadership exclusively in a negative light. Thus, when describing the disastrous 1988 earthquake and the international aid efforts that followed, the authors stress that Gorbachev, who at that point was in the US, ended his visit and came to Armenia. More kind words are reserved for the prime minister of the USSR at the time, Nikolay Ryzhkov, who led the committee that coordinated relief efforts (Barkhudaryan, 2008, p. 116). The textbook's sympathetic account of Ryzhkov reflects the gratefulness that many Armenians felt toward him at the time. There is even a photograph of Ryzhkov in the text, the only one of a Soviet leader in the book, apart from that of Nikita Khrushchev, several pages earlier. While the textbook describes the tragic consequences of the earthquake in great length, it does not address the issue of the reckless urban planning and corruption in the construction industry, which apparently contributed to the earthquake's enormous death toll.

The section dealing with the events of 1988-1991 ends with the chapter entitled "The Process of Independence of the Republic of Armenia". It describes the 1990s elections that ended the domination of the Communist party and the subsequent measures of the new Armenian authorities, aimed at securing Armenia's independence from the USSR. The same chapter also describes the beginning of the armed conflict in Nagorno-Karabakh. Particularly, the textbook offers a detailed description of the operation "Ring", which Soviet and Azerbaijani forces carried out in spring 1991 against Karabakh Armenians. As in the previous chapter, both Azerbaijani and Soviet authorities are presented as the Armenians' adversaries. On the one hand, the text states that it was the Azerbaijanis who "instigated the Armenian-Azerbaijani War in May-June 1991" (Barkhudaryan, 2008, p. 121). On the other hand, it stresses that Azerbaijani special police forces enjoyed the backing of the Soviet army (ibid.). Looking at the language used in this section, while the narrative clearly follows an official Armenian perspective on the conflict, the text does not contain highly emotional language, ethnic stereotypes, or hate speech, as do many other Armenian publications on the topic. The same can be said with regard to the following sections dealing with the conflict in Nagorno-Karabakh. The narrative clearly presents Azerbaijan as "an enemy", but the authors in most cases refrain from using openly degrading and insulting remarks.

Azerbaijan is mentioned mostly in connection with the war in Nagorno-Karabakh in 1992-1994. The section of the textbook dealing with the post-Soviet period concludes with two chapters focusing on Nagorno-Karabakh: "The Republic [of Nagorno-Karabakh] through the Years of Independence and War" and "The Domestic Situation of the Republic". The decision of the authors to tackle the post-Soviet history of Nagorno-Karabakh reflects the increasing perception of the region as a separate entity, not only from Azerbaijan, but also from Armenia proper. The content of the first chapter mostly refers to the military campaign in 1992-1994; the second chapter describes the internal situation in Nagorno-Karabakh after the end of the war. The war is described as the "Azerbaijani-Karabakhi conflict", reflecting the point of view that aggression on the part of "Azerbaijani authorities", backed by "Turkey's support", caused the conflict (Barkhudaryan, 2008, p. 155). The military campaign is described clearly from pro-Armenian point of view. While the tone of narration is rather that of a "victorious war", it is relatively calm, without emotionally charged language or hate speech. The narration focuses on praising Armenian military and political leaders for the victory achieved, rather than focusing on

victimization at the hands of the enemy (though this theme is also present). In general, it seems that the authors of the textbook were more focused on promoting the feeling of pride for one's own nation and state, rather than hatred towards the enemy, among the students reading the text.

The chapter dealing with the conflict concludes with a subchapter entitled "The Issue of Nagorno-Karabakh Republic in Peace Negotiations". It presents a perspective that more or less coincides with the Armenian point of view on the Nagorno-Karabakh peace process. Thus, efforts of the OSCE, particularly the Minsk group, are described quite sympathetically, while Azerbaijan is blamed for a non-constructive approach, particularly its refusal to deal with the leadership of Nagorno-Karabakh directly. According to the text, "the presidents of the Republic of Armenia have had numerous meetings with the presidents of the Republic of Azerbaijan in order to solve the question through peaceful means... Unfortunately, none of these meetings and negotiations led to significant results" (Barkhudaryan, 2008, p. 158).

Compared to Azerbaijan, Turkey occupies limited place in the discussion of the post-Soviet period in the textbook. Armenian-Turkish relations are discussed in one paragraph in the chapter "International Situation of Armenia". The textbook states the importance for Armenia to establish relations with its neighbors, "especially Turkey" (Barkhudaryan, 2008, p. 148). Then it proceeds to describe Turkey's insistence on preconditions, particularly "to give up the issue of the genocide of 1915" and "to accept the territorial integrity of Azerbaijan", as the main cause for the lack of relations between Armenia and Turkey. As the textbook was published in 2008, it was still unclear when it went to press the extent to which the thaw in Armenian-Turkish relations that had begun that year would continue. The textbook does not address these developments, but it laconically states that "later there was some improvement in economic relations between Armenia and Turkey" (ibid.).

However, related to Armenian-Turkish relations is the issue of international recognition of the 1915 genocide. The same chapter also discusses the process of international recognition of the Armenian genocide in detail, with a separate subchapter (Barkhudaryan, 2008, p. 150-151). However, Turkey is interestingly not mentioned in this subchapter at all. The text describes the successes of the campaign for international recognition of the genocide. It stresses that more than 20 countries, the International Council of Churches, and the European Parliament have recognized the genocide, and some countries have even passed legislation that criminalizes genocide denial. The textbook also highlights that the genocide recognition campaign became one of the priorities of Armenian foreign policy after 1998. The authors specifically point out Slovakia's recognition of the genocide in 2004. According to the text, this event marked the beginning of a new stage in the genocide recognition campaign, in which countries without Armenian communities began to officially acknowledge this element of Armenian history (while previously it was mostly countries with numerous Armenian communities who had recognized the genocide). The subchapter also contains a specific reference to this issue in the US: "Though the majority of the states have recognized the Armenian genocide, the Congress and the Senate, for political reasons, have not solved this issue so far" (Barkhudaryan, 2008, p. 150).

Apart from the issue of Armenian-Turkish relations, the relations with Armenia's other two neighbors, Georgia and Iran, are also briefly discussed. The textbook mentions Armenian-Georgian relations in one paragraph only, which argues that "development of mutually beneficial cooperation" between these two states "stems from the interests of both countries". Their relations play an especially important role because during the years of the blockade, it was through Georgia's territory that Armenia "kept its connection to the outside world". The relations with Georgia are also considered significant due to the presence of a large number of Armenians in that country, "particularly the existence of the Armenian community of Javakhq..." (Barkhudaryan, 2008, p. 148). The reference to Armenia's relations with Iran is even briefer: the text mentions that Iran, along with Georgia, was a country that helped to ease the negative effects of the blockade of Armenia, that several agreements have been signed with Iran, and that Iran is one of Armenia's largest trade partners (Barkhudaryan, 2008, p. 149).

Relations with Russia occupy relatively more space in the discussion of Armenia's foreign relations compared with its ties to some of its immediate neighbors, however, in absolute terms the reference to Russian-Armenian relations is also quite laconic. The textbook claims that "after the collapse of the USSR, the foreign policy of the Republic of Armenia did not stray from historically formed approaches to Russian-Armenian relations" (Barkhudaryan, 2008, p. 147). Then the textbook proceeds to describe "multifaceted cooperation" between Russia and Armenia and the "hundreds of agreements and contracts regulating cooperation in different spheres" that have been signed since 1992. It particularly mentions the 1995 agreement, "giving legal grounds to the presence of Russian military forces in Armenia", as well as the 1997 agreement "on friendship, cooperation and mutual assistance". The paragraph also mentions "large credits" that allowed Armenia to "restore and re-launch the third energy block of the Metsamor nuclear station" (Barkhudaryan, 2008, p. 148).

References to other post-Soviet countries are quite scarce. The textbook also mentions the Commonwealth of Independent States (CIS), noting that it "first of all has importance in terms of security" (Barkhudaryan, 2008, p. 147). In contrast, relations with European institutions receive relatively extensive coverage in a subchapter called "The Republic of Armenia and the Council of Europe" (though almost half of this subchapter is actually devoted to Armenian-American relations). Armenia's relations with the Council of Europe are referred to as "an important step in the direction of European integration"; the textbook explains that "membership in the Council of Europe and the commitments emerging from this membership are a warrant for Armenia's democratic development" (Barkhudaryan, 2008, p. 149). The subchapter goes on to describe briefly the cooperation with the EU, "which has helped Armenia to overcome economic transition" (Barkhudaryan, 2008, 149). The text also contains a reference to "an important initiative of the EU, which promises an opportunity to become a member of that organization in the future" (Barkhudaryan, 2008, p. 150). The text does not specify which initiative it refers to, however, it probably refers to the EU's European Neighborhood Policy (ENP), rather than the Eastern Partnership, which in 2008 was still in the stage of internal discussions. If this is actually a reference to the ENP, then it must be quite a liberal interpretation of that initiative, since official EU statements usually stress that the ENP does not entail a perspective of admission to EU.

However, this sentence reflects a perception common among Armenian political elites, even though it is rarely pronounced openly, that the ENP and other EU cooperation programs are actually a path to integration within the EU.

That the subchapter “The Republic of Armenia and the Council of Europe” also describes Armenia-US relations is indicative of the perspective that the authors instinctively perceive relations with that organization as part of the larger issue of relations with “the West”, which includes both the EU and the US. This attitude is not a specific to the authors of the textbook, rather it reflects a common perception among Armenian society at large. The textbook presents Armenian-American relations in a favorable light, stating that they “are developing, involving political, economic and cultural spheres” (Barkhudaryan, 2008, p. 150). The authors stress that diplomatic relations between the two countries were established as early as January 1992, and that the US was the first country to open a foreign embassy in Armenia. Moreover, they state that “throughout the most difficult years”, the US has provided “humanitarian assistance [to Armenia] worth millions of dollars”.

Summing up, the textbook’s representation of countries of the region, along with other international actors, follows the logic of Armenia’s foreign policy. As the Nagorno-Karabakh issue and the conflict with Azerbaijan remain the most pressing concern for Armenia today, they also receive extensive attention in the textbook. The discussion of relations with other countries also mirrors the perspectives of official Armenian foreign policy throughout the last 20 years. In particular, the depiction of relations with Russia and the West reflects the so-called paradigm of “complementary foreign policy”, according to which Armenia needs to develop equally good relations with Russia and the West (Zolyan, 2009). According to that paradigm Armenia cooperates with Russia in the field of security policy, yet it also develops its relations with the West and implements democratic reforms in order to become a part of European institutions, particularly the EU. Of course, the “complementarism” paradigm seems much more coherent on paper, while its implementation is quite challenging, to say the least. However, it would be unrealistic to expect the authors of the textbook to go beyond general conceptions of Armenia’s foreign policy and provide a critical assessment.

While writing about Armenia’s foreign policy throughout the latest 20 years is quite a delicate task, it is still relatively “harmless” compared to the topic of Armenia’s internal situation during the same period. Armenia’s current political scene is dominated by figures who were active in the 1990s, and the analysis of the last 20 years is currently a matter of fierce public debate. Since Armenia’s first president, Levon Ter-Petrosyan, heads the opposition, his adversaries are extremely critical of his government. They refer to the 1990s as a period of complete chaos and disaster, the so-called “cold and dark years”⁷³. Ter-Petrosyan’s supporters, who criticize the current President Serzh Sargsyan’s administration, as well as that of former president Robert

⁷³ This expression, which became a common cliché especially during the 2008 election campaign, contains a reference to the collapse of the central heating system and power cuts that made the life of most Armenians extremely difficult in the early 1990s.

Kocharyan, argue that the “cold and dark years” were exclusively a consequence of external factors, such as the war in Nagorno-Karabakh, the blockade, the collapse of the Soviet system, as well as the earthquake in 1988. Moreover, they argue that the Armenian leadership in the 1990s deserves high praise since it not only managed to steer the country despite such difficult conditions, but it also emerged victorious in the conflict with Azerbaijan, while the subsequent leaders established an authoritarian and corrupt political system. Both positions are quite far from an unbiased historical appraisal of the 1990s. While they reflect certain facts and realities, at the same time they ignore many of the intricacies and complicated details of the historical reality, replacing it with a “black and white” picture. It is out of the scope of this paper to reflect on the debate, however, the existence of this heated debate in current Armenian society should be taken into account when dealing with the history textbooks.

Against this explosive political background, the decision of the textbook authors to include the period up to 2008 was quite courageous. The latest event mentioned in the textbook is the presidential election of February 18, 2008. Thus, the textbook not only discusses the events of the 1990s, a subject of controversy today, but also includes developments that took place just months before the textbook went to press. While discussing the contested recent past, the authors mostly maintain a neutral tone, refraining from overtly negatively or positively assessing political leaders and events mentioned in the text and expressing open political sympathies. There is somewhat more criticism aimed at the former leaders than those of the present: particularly, the economic policies of the 1990s are described in a critical manner (Barkhudaryan, 2008, p. 136-138). However, the general tone of the text remains mostly impartial, and the bias toward the current administration is not so strong, at least against post-Soviet standards.

In some cases, such a neutral tone is achieved at the cost of avoiding controversial topics, and even omission of certain events, in spite of their importance for the post-Soviet history of Armenia. This becomes especially obvious when we look at the description of electoral processes in post-Soviet Armenia. Since 1991 Armenia has gone through several presidential and parliamentary elections. Serious irregularities have occurred in many of these elections, according to the assessments of local and international observers, with the opposition disputing the results. Moreover, at least three times, in 1996, 2003, and 2008, mass protests against the officially announced outcome took place in the aftermath of elections, leading to serious internal political crises (Human Rights Watch, 2009; O’ Beachain & Polese, 2010, p. 83-100; Astourian, 2001). The issue of disputed elections and post-election developments is central to post-Soviet Armenia’s domestic political situation. The authors of the textbook have in general attempted to avoid this controversial subject, however. Thus, when describing the parliamentary elections of 1995, 1999, 2003, and 2007, the textbook fails to note that in most of these elections the opposition refused to accept the official results of the elections. It simply states which parties won and describes the coalitions created after the elections (Barkhudaryan, 2008, p. 143-144).

Discussing presidential elections, the textbook mentions the main contenders and the outcomes of the elections, but again stays silent on controversial aspects of the elections. In particular, it fails to discuss the post-election protests, despite the fact that in at least two cases, in 1996 and 2008, these protests led to deep political crises (Barkhudaryan, 2008, p. 143-145). This omission

sometimes leads to a lack of coherence in the text. While describing the elections of 1996, the textbook says that they led to “alienation between the government and the society”, which in turn resulted in a political crisis that ended with the resignation of the president in 1998. However, since the textbook does not discuss the opposition’s refusal to accept the elections results and the post-elections protests, it is not clear why the elections led to society’s alienation from the government. Similarly, in its discussion of the elections of 2008, the textbook does not mention the opposition’s refusal to accept the official results. It also ignores the mass protest movement that ended with a violent crackdown, even though given Armenia’s current political climate, it is hard to imagine that the students reading the textbook have not heard about these events, particularly the bloody post-election clashes on March 1, 2008 that left 10 people dead.

Of course, the issue of contested elections is a sensitive topic and it is not completely clear why the authors of the textbook avoid this issue. If this had been done simply to please the current rulers, as one could suspect, then the text would have probably mentioned the election irregularities that took place in the 1990s, when the current leader of the opposition was in power. Therefore, it is possible that the decision to avoid the topic of contested elections was taken with other considerations in mind: the authors were probably wary of writing a text that could be interpreted as supportive of one political force over another. Another possible explanation for this choice is the desire to present the state institutions of modern Armenia in a favorable light, rather than discrediting them in the eyes of the younger generation. While the general tone of the chapters deals with post-Soviet Armenia sympathetically, clearly the authors hope to produce feelings of pride for modern Armenian statehood and trust in the institutions of the Armenian state.

Conclusion

The description and analysis of the representation of contemporary Armenian history in the textbooks may lead us to several conclusions. First of all, it is obvious that the authors have carefully taken the official positions of the Armenian government into account. This is particularly clear in discussions of international politics and Armenia’s foreign policy. In accordance with Armenia’s policy of “complementarism”, both Russia and the West (or more precisely, the US and EU) appear in a positive light. The Armenian history textbook especially exhibits this attitude by stressing Armenia’s cooperation with Russia, the US and the EU. In comparison, while the world history textbook hints at criticism of the US foreign policy, in general it also depicts the West favorably.

The textbook also follows the Armenian government’s official line when it describes Armenia’s relations with its immediate neighbors. Describing the conflict with Azerbaijan and disagreements with Turkey, the authors present the Armenian point of view using diplomatic language. The discussion of the war also uses a tone similar to official government discourse. No attempt is made to present the other side’s view, even in a critical perspective. However, to be fair to the authors of the textbook, they do not use any hate speech or negative ethnic stereotypes regarding the Armenian forces’ adversaries. In general, the language of the textbook is mostly

calm and detached, without extensive emotionality, even when conflict and warfare are described.

The authors also discuss internal developments in a neutral manner. In the narrative, the textbook attempts to include leaders and politicians belonging to different political forces, including those who have had bitter confrontations. The text is mostly impartial; in most cases the authors refrain from passing judgment on the actions of post-Soviet Armenian leaders, even though they offer some criticism of the economic policies of the 1990s. However, in order to create a coherent narrative and remain neutral with regard to different leaders and political forces, the authors have in certain cases avoided discussing certain controversial topics and themes, such as disputed elections or anti-government protests.

In general the representations of post-Soviet Armenia in different textbooks serve the same aim: to create among the students a feeling of belonging to the Armenian state and a resulting sense of pride. For centuries, Armenian identity had mostly been based on ethno-cultural characteristics, as Armenians lived as communities within larger empires. The textbooks that this paper analyzes reflect a new stage of development of Armenian national identity, one in which civic or state-based narratives complement the ethno-cultural definitions of nationhood. The representations of post-Soviet Armenian history in the textbooks locate the idea of independent nation-state in the center of the narrative. This may seem somewhat outdated or old-fashioned within a wider European context, since it does not align well with the latest trends in European history textbook writing that emphasize transnational, multi-perspective approaches to history (e.g. Stradling, 2003; Stradling, 2006). However, this trend is to an extent a natural consequence of the current situation in Armenia, as well as in other countries of the former Soviet Union. To use E. Gellner's metaphor, they are part of the "fourth time zone" of nation-building, i.e. part of the region where the process of emergence of nation-states was frozen as a result of the creation of the USSR and restarted again after 1991 (Gellner, 1997). While different parts of Europe have gone through these processes centuries or decades ago, the newly emerged post-Soviet nation-states need to form their own narratives of statehood and nationhood in order to provide legitimacy for their own state institutions. This is a process that takes many years, and it would be idealistic to expect other approaches until the citizens of these newly emerged states are confident in their sense of belonging to a certain nation-state. What we can hope for, however, is that this feeling of nationhood is built on the basis of participation in certain institutions and recognition of common rights and responsibilities, rather than upon shared hatred towards enemies.

Bibliography

Astourian S., 2001. *From Ter-Petrosyan to Kocharyan: Leadership Change in Armenia*. Berkeley: Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies, UC Berkeley Working Paper Series.

Astourian S., 1994. "In Search of Their Forefathers: National Identity and the Historiography and Politics of Armenian and Azerbaijani Ethnogeneses". In: Panossian R., ed., *Nationalism and*

History: The Politics of State-Building in Post-Soviet Armenia, Azerbaijan and Georgia. Toronto: University of Toronto Press, 1994.

Barkhudaryan V., ed., 2008. *History of Armenia. Textbook for 9th grade*, Yerevan: McMillan – Armenia, (In Armenian).

Beissinger M., 2002. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet Union*. Cambridge: Cambridge University Press.

Chorbajian L., Donabedian P., Mutafian C., 1994. *The Caucasian Knot: The History and Geo-Politics of Nagorno-Karabagh*. New Jersey: Zed Books.

Gellner E., 1983. *Nations and Nationalism*. Ithaca, New York: Cornell University Press.

Gellner E., 1997. *Nationalism*. New York: New York University Press.

Goldstone J., 2011. “*Understanding the Revolutions of 2011*”. In: *Foreign Affairs*, May/June 2011, Volume 90, Issue 3.

Human Rights Watch, 2009. *Democracy on Rocky Ground: Armenia’s Disputed 2008 Presidential Election, Post- Election Violence, and the One- Sided Pursuit of Accountability*. New York: Human Rights Watch.

Jones S., 1994. “*Old Ghosts and New Chains: Ethnicity and Memory in the Georgian Republic*”. In: Watson R., ed., *Memory, History, and Opposition under State Socialism*. Santa Fe: School of American Research Press.

Libaridian G., ed., 1991. *Armenia at the Crossroads: Democracy and Nationhood in the Post-Soviet Era*. Watertown: Blue Crane Books.

Libaridian G., 1999. *The Challenge of Statehood: Armenian Political Thinking Since Independence*. Watertown: Blue Crane Books.

Libaridian G., 2007. *Modern Armenia: People, Nation, State*. New Brunswick and London: Transaction Publishers.

International Crisis Group, 2009. “*Turkey and Armenia: Opening Minds, Opening Borders*”, *International Crisis Group Europe Report N 199*.

Iskandaryan A., Harutyunyan B., 1999. “*Armenia: Karabakhizatsya Natsionalnoy Istorii*”. In Bordyugov G., Ayermacher K., eds, *Natsionalnye Istorii v Sovetskom I Postsovetskikh Gosudarstvax*. Moscow: Airo-XX.

National Standard, 2009. *National Standard for World History subject for high school, N-1078-A/Q Order*. Yerevan: Ministry of Education and Sciences of Armenia, [Online] MoE of Armenia. Available at http://www.armedu.am/arm/files/material_files/Hmshxpatm.pdf

Shnirelman V., 2003. *Voyny Pamyati: Mify, Identichnost’ i Politika v Zakavkazye*. Moskva: Academkniga.

Stradling R., 2003. *Multiperspectivity in history teaching: a guide for teachers*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.

Stradling R., ed., 2006. *Crossroads of European Histories: Multiple Outlooks on Five Key Moments in the History of Europe*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.

Stepanyan A., ed., 2008. *World History. Textbook for 9th Grade*, Yerevan: Zangak-97, (In Armenian).

Qosyan A., ed., 2010a. *World History. Textbook for 11th grade, humanitarian section*. Yerevan: Zangak-97, (In Armenian).

Qosyan A., ed., 2010b. *World History. Textbook for 11th grade, natural sciences section*. Yerevan: Zangak-97, (In Armenian).

Malkasian M., 1996. *Gha-Ra-Bagh!: The Emergence of the National Democratic Movement in Armenia*. Detroit: Wayne State University Press.

Marutyan H., 2009. *Iconography of Armenian Identity. Volume 1: The Memory of Genocide and the Karabagh Movement*. Yerevan: Gitutyun.

O'Beachain D., Polese A., eds., 2010. *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures*. London: Routledge.

Panossian R., 2006., *The Armenians: From Kings and Priests to Merchants and Commissars*. New York: Columbia University Press.

Slezkine Y., 1996. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. In: Geoff E. & Suny R.-G., eds., *Becoming National. A Reader*. New-York and Oxford: Oxford University Press.

Suny R., 1993. *Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.

Vesely L., ed., 2008. *Contemporary History Textbooks in the South Caucasus*. Prague: AMO.

Waal de T., 2004. *Black Garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War*. New York: New York University Press.

Zolyan M, Zakaryan T., 2008. "Representations of "Us" and "Them" in History Textbooks of Post-Soviet Armenia". In: B. Sidikov (ed). *Schulbücher im postsowjetischen Kaukasus und in Zentralasien / Textbooks in the Post-Soviet Caucasus and in Central Asia, International Textbook Research*. Volume 30, Braunschweig: Georg-Eckert-Institut für internationale Schulbuchforschung.

Zolyan M., Zakaryan T., 2010. "'Moy Malen'kiy Narod, no...'" *Obraz Sebya, Obraz Drugogo I Obraz Vraga v Shkolnykh Uchebnikakh Istorii Armenii*". In: *Mnogolikaya Klio: Boi za Istoriyu na*

Postsovetskoye Prostranstvo. Braunschweig: Georg-Eckert-Institut für Internationale Schulbuchforschung.

Zolyan M., 2010. "My Friend's Enemy is My Friend: Armenian Foreign Policy between Russia, Iran and the United States". In: *Caucasus Analytical Digest*, Bremen and Zurich, N 13, February.

Zolyan M., 2011. "From Foes to Neighbors: the Successes and Failures of the Armenian-Turkish Normalization Process". In: Adam H., (ed.) *Spotlight on Armenia*. London: Foreign Policy Center.

«9 апреля» 1989 года, как место памяти: политика коммеморации и преподавание истории Грузии

Руслан Барамидзе

Введение

Для Грузии 1989-1991 годы стали временем массового национального движения. В определенном смысле кульминацией этого движения становится выход Грузии из состава СССР⁷⁴. Естественно, что этому периоду уделяется особое место в учебниках по истории Грузии, несмотря на то, что за прошедшие после них два десятка лет, случилось множество других не менее важных для страны событий.

Несомненно, в череде этих событий уже сам коллапс Советского Союза заслуживает пристального внимания. По словам Эрика Хобсбаума, «крах советского социализма <...> стал самым сенсационным явлением кризисных десятилетий, последовавших за «золотой эпохой»⁷⁵» (Хобсбаум, 2004, с. 19). По мнению этого известного историка «короткий XX век» закончился в год, когда прекратил свое существование и Советский Союз. Грузия оказалась одной из тех республик, для которых процесс распада советской империи стал важной частью новейшей истории. Причем, сама специфика момента распада СССР отражается также и в том, что эти годы становятся временем трансформации Грузии из Советской Социалистической республики в независимое национальное государство, правящая элита которого должна была на новом уровне выстраивать отношения с соседними странами.

Конечно, до падения СССР серьезной внешнеполитической деятельности быть просто не могло. Речь идет скорее о первых попытках по-другому взглянуть на тот мир, который скрывался за «железным занавесом». Или о первых и пока еще плохо организованных попытках рассказывать демократическому «Западу» о том, что происходит в советской Грузии, первых попытках найти поддержку извне. В этот момент в самой Грузии закладывалась традиция восприятия «своей страны» как одной из европейских, а

⁷⁴ Я в данном случае не утверждаю, что национальное движение, которое развернулось в Грузии в эти годы, являлось одним из тех, которые привели к распаду СССР. По поводу причин распада советской империи существует несколько мнений, и в основу аргументации ставятся различные обоснования (экономические, политические и пр.). Несмотря на то, что этот сложный и интересный вопрос не является темой данной статьи, отмечу, что ряд специалистов подчеркивает важную роль, которую сыграли массовые национальные движения этих лет, наложившие особый отпечаток на процесс распада Советского Союза (и шире всего Советского блока) (см.: Brubaker, 2000; Beissinger, 2002; Kotkin, 2003).

⁷⁵ Под «золотой эпохой» имеется в виду беспрецедентный рост экономики западных стран в период 1947-1973 годов.

«грузинского народа» – как одной из европейских наций⁷⁶. В данной статье главный вопрос, который я перед собой ставлю, – это: «Как данные тенденции трансформации коллективной идентичности и восприятия внешнего мира отразились в учебниках по истории?»

Безусловно, из перспективы прошедших двух десятилетий события 1989-1991 приобретают новое звучание. Теперь они встроены в повествование о «вековой традиции борьбы грузинского народа за независимость»⁷⁷. В истории «этой борьбы» были особые моменты, вокруг которых ныне конституируется «коллективная память». События, которым отводится особая роль в политике памяти. На мой взгляд, одним из таких событий является разгон в Тбилиси демонстрации протеста 9 апреля 1989 года.

С одной стороны, здесь речь идет об особом месте памяти, играющем важную роль в постсоветской коммеморации «борьбы за независимость». По словам Пьера Нора, «история – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны» (Нора, 1999, с. 20). События «9 апреля»⁷⁸, на мой взгляд, как раз и являются подобным актуальным феноменом. И учебники истории, несмотря на то, что прошло уже больше 20-ти лет после этих травматических событий, как раз и демонстрируют данное обстоятельство. Достаточно сказать, что язык политического дискурса, связанный с коммеморацией этих событий, практически не отличается от исторического дискурса, представленного в учебниках. Т. е. учебники становятся важной составной частью политики коммеморации событий «9 апреля».

С другой стороны, исторический нарратив, как важная составная часть политики памяти, строится таким образом, что в нем впервые уделяется место отношениям с внешним миром. Впервые реакция внешнего мира на эти события становится важной для Грузии и грузин. Если прежде главным центром влияния и власти была Москва, с которой руководители советской Грузии выстраивали прямые отношения, то теперь все изменяется. Становится важной реакция других, пока еще советских, республик. События в этих республиках рассматриваются в русле повествования о «нашей общей борьбе» за независимость от советской империи. Наконец, как я уже говорил, мы видим первые намеки на прямое обращение к странам «Запада» с просьбами о поддержке. Мы также

⁷⁶ «Грузины, хоть и не имеют родственных «миров» вне Кавказа, считают себя европейцами» (Хаиндрава, 2008, с. 55).

⁷⁷ Ставя кавычки, в данном случае, я указываю на ту дистанцию, которую должен соблюдать исследователь, лишенный возможности интерпретировать события, пользуясь языком практики. Т. е. используя для анализа понятия, принятые в самом националистическом дискурсе.

⁷⁸ Здесь и далее я буду ставить кавычки, обозначая тем самым свое отношение к анализу событий из перспективы, их коммеморации и репрезентации в учебниках, или как к «месту памяти».

видим, как формировалась тенденция рассматривать «наше развитие» как путь к демократизации. Таким образом, выбор этого события, или по-другому, данного места памяти для анализа не был случайным.

9 апреля 1989 года

Начну с общего рассказа об этих событиях. «В 4 часа утра 9 апреля 1989 года собравшиеся перед Домом Правительства примерно 10 000 демонстрантов были жестоко разогнаны советскими внутренними войсками. Способ, с помощью которого демонстранты были рассеяны, являлся беспрецедентным по своей жестокости. Согласно наблюдателям советские войска применяли токсичный газ и заточенные лопатки, атакуя безоружных демонстрантов. 20 участников протеста были убиты и более двухсот ранены. Большинство убитых были женщины и девочки-тинэйджеры» (Wheatley, 2007, p. 41).

Конечно, в истории советской Грузии можно найти и другой пример жестокого подавления массовых демонстраций протеста. Однако в последний раз подобное случилось в 1956 году, когда десталинизация набирала обороты. С тех пор Тбилиси не знал ничего подобного. Даже во время массовых выступлений интеллигенции и студентов в апреле 1978 года советская власть не пошла на применение силы⁷⁹. Подобной жестокости со стороны властей тбилисцы, видимо, просто не ожидали. Фактически, погибшие стали первыми жертвами, с которых можно вести отсчет уже постсоветскому нациостроительству в Грузии. «День 9 апреля был особым днем в истории современной Грузии и впредь стал постоянной темой в грузинском националистическом дискурсе» (Wheatley, 2007, p. 41). Джонатан Уитли считает именно этот день «критической фазой», обусловившей последовательность событий, оказавших неизгладимое влияние «на последующую эволюцию грузинского политического режима. В конечном итоге, именно эти события стали той точкой отсчета, с которой началась национальная мобилизация (подробнее см: Wheatley, 2007, pp. 41-66).

К сказанному следует добавить, что эти события могут легко использовать практически любые политические партии и движения с целью демонстрации своего патриотизма. Приватизировать память, конструируемую вокруг этих событий довольно сложно, хотя

⁷⁹ Десталинизация или «развенчание культа личности Сталина» встретили в Грузии большее сопротивление, чем в других советских республиках. Все же Сталин был выходцем из Грузии. Публичные массовые протесты против десталинизации начались 5 марта 1956 года и тоже проходили в Тбилиси. В числе протестующих было много молодежи (в том числе студентов), которая собиралась вокруг монумента Сталину, установленного в центре города на берегу Куры, с тем, чтобы отметить годовщину смерти «вождя». 9 марта войска и милиция, применив огнестрельное оружие, жестоко подавили эти массовые выступления. Точное число жертв этих событий неизвестно. По мнению Рональда Суни десятки людей были застрелены и сотни получили ранения (Suny, 1994, p. 302-303). В другой раз массовые несанкционированные советскими властями демонстрации протеста проходили в Тбилиси 14 апреля 1978 года (Suny, 1994, p. 309). Это был момент обсуждения новых советских конституций, и шла активная дискуссия о том, чтобы упразднить статью о грузинском языке, как государственном. На сей раз власть, фактически, поддержала этот публичный протест.

представители власти, безусловно, старались делать это на протяжении всех постсоветских лет. В целом, все сказанное обуславливает причины, по которым «9-му апреля» отводится важнейшее место в политике коммеморации событий, происходивших в ходе распада СССР и становления массового национального движения в Грузии.

Коммеморация и учебники

И здесь следует вспомнить о том, что начало коммеморации этих событий, в определенном смысле, совпадает с гораздо более широким ростом интереса и внимания к политике памяти в странах ЕС и США. Андреас Хуссен отмечает, что «быстрое развитие дискурсов памяти в Европе и Соединенных Штатах в ранние 1980-е годы» было связано с расширением дебатов о Холокосте, а также с несколькими «юбилеями», связанными с историей падения «третьего Рейха» (40-летием и 50-летием). Но, кроме того, этот рост интереса был связан и с другими травматическими событиями (этнические чистки в Боснии и Косово, пр.). В результате, по мнению того же Хуссена, теперь уже имеет смысл говорить о «глобализации дискурса о Холокосте», когда это понятие становится метафорой, применимой ко многим другим событиям (Huysen, 2003, p. 12-14).

Конечно, говорить о событиях апреля 1989 года в подобных категориях будет, по меньшей мере, преувеличением. Однако и в этом случае речь идет, в каком-то смысле, о метафоре, когда все жертвы советского режима, начиная с его установления и завершая его распадом, рассматриваются в рамках единой советской имперской политики. Кроме того, политику памяти в отношении жертв апрельских событий можно рассматривать в контексте гораздо более широкого роста влияния практик коммеморации жертв тоталитарных режимов. При этом, однако, следует помнить, что к печальному статусу «жертвы» после достижения независимости нередко добавляется и эпитет «героические» (жертвы).

Другой важной стороной политики памяти является ее связь, а часто и прямая зависимость от политической власти, установившейся в стране. По словам Анвера Бен-Амоса любой «политический режим <...> создает свою версию прошлого, которая признается в качестве официальной памяти государства» (Ben-Amos, 2000, p. 4). Как раз здесь на сцену выходят в качестве главных героев специалисты социальных и гуманитарных наук. В их рядах особое место занимают историки, которые не только создают школьные учебники, но и преподают курс истории в школах. Учебники утверждаются Министерством образования. Учитывая, что прошло уже более 20-ти лет с момента этих событий, новые поколения граждан страны узнают о них, в первую очередь, из тех текстов, которые размещены в учебниках.

По мнению того же Бен-Амоса, государство пропагандирует официально принятую версию памяти всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Конечно, свою значительную роль играет телевидение, другие СМИ, а также непосредственное участие в коллективных мероприятиях, связанных с коммеморацией событий апреля 1989 года. Однако курс истории для средних школ, который является обязательным, и теперь остается одним из наиболее удобных средств (Ben-Amos, 2000, p. 4). Здесь нужно помнить, что именно

«история как школьный предмет объединяет дисциплины социальных наук и придает систематичность приобретению этих знаний» (Reisner, 1998, p. 413)⁸⁰.

Грузия в «окружении соседей»

Южнокавказский регион очень часто рассматривается как геостратегически важный, расположенный на стыке Европы и Азии. Соседом Грузии является Иранская Исламская Республика, у которой складываются сложные отношения со странами ЕС и США. Грузия, напротив, видит себя в будущем⁸¹ членом клуба стран, входящих в ЕС и близким партнером США. Однако, для Грузии соседство с Ираном, несмотря на существенную разницу во внешнеполитических приоритетах, в XX веке было гораздо менее проблематичным, чем соседство с Россией. Именно Россия, которая в общественном сознании грузин воспринимается как правопреемница Российской империи и СССР (или Советской империи), является единственным соседским государством, отношения с которым остаются открыто конфликтными.

В августе 2008 года напряжение в двухсторонних отношениях вылилось в войну, и с этого момента конфликт становится, фактически, неразрешимым. По крайней мере, в рамках той ситуации, которая сложилась на сегодняшний день, когда Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. А также при нынешних правящих в обеих странах политических элитах. В Грузии сложившуюся ситуацию рассматривают как фактическую аннексию части территории независимого государства. Безусловно, подобная ситуация практически постоянно возрастающей напряженности, а именно так можно определить те отношения между Грузией и Россией, которые сложились в постсоветский период, не могла не отразиться и на учебниках истории⁸².

В этой ситуации другие соседи по региону, а именно Турция, Азербайджан и Армения, хоть и воспринимаются как дружественные, но не близкие партнеры⁸³. Грузия участвует в наиболее крупном региональном проекте с Азербайджаном и Турцией. Речь идет о нефтепроводе Баку-Тбилиси-Джейхан. Через территорию Грузии должна пройти железная дорога, которая соединит Азербайджан с Турцией. В целом Грузия является важным стратегическим региональным партнером Азербайджана и, в меньшей степени, Турции. Вместе с соседями по региону (Азербайджаном и Арменией) Грузия добивалась независимости от Советского Союза, и это обстоятельство также в определенной мере

⁸⁰ О развитии исторической науки и традициях преподавания истории в южнокавказских республиках см.: Шнирельман, 2003; Rouvinski, 2007.

⁸¹ Ряд экспертов, скептически настроенных в отношении реального потенциала Грузии стать членом ЕС, сказали бы, наверное, в «туманном будущем».

⁸² О ситуации в Грузии после августовской войны с Россией в 2008 году см.: Хаиндрава, 2011; Гегешидзе, 2011, с. 39.

⁸³ О глубине различий между тремя доминирующими на Южном Кавказе этническими группами см.: Хаиндрава, 2008, с. 55-57.

поддерживает уровень дружеских отношений с соседями. Так или иначе, но вся эта паутина связей и отношений отражается и в текстах учебников. В некоторых случаях весьма своеобразным образом. В дальнейшем изложении мы и попытаемся рассмотреть специфику отражения отношений с соседями в школьном курсе по истории, через призму «судьбоносных» событий 9 апреля.

«9 апреля» и политика памяти

Но прежде чем перейти к курсу истории, я остановлюсь на политике коммеморации этих событий. Уже на следующий год после распада СССР, события «9 апреля» привычно репрезентируются в клише «общей боли» и «трагедии» всего «грузинского народа». В то же время, эта «общая боль» становится составной частью дискурса гордости за патриотов, «отдавших жизнь за независимость родины».

«Трагедия 9 апреля в истории народа Грузии установилась как историческая дата. В этот день звонят не по случаю траура. Звон колоколов возвещает о бессмертии патриотов. Светлая память жертв 9 апреля призывает нас сделать его днем национального согласия (примирения) и взаимоподдержки. Жители Грузии 9 апреля в 12 часов минутой молчания с благоговением почтят светлую память погибших. В это время на минуту везде прекратится работа на всех производствах и учреждениях, образовательных учреждениях и на транспорте»⁸⁴.

События «общенародного» выступления в Грузии 1989 года, становятся определенной контроверзой ситуации «национального раскола». Страна только начинает приходить в себя после «гражданской войны» между сторонниками и противниками первого президента Звиада Гамсахурдиа. Все еще продолжаются столкновения, и новая власть в лице вернувшегося к управлению республикой Эдуарда Шеварднадзе (бывшего первого секретаря Компартии Грузии) ищет ресурсы для «национального согласия». События «9 апреля» конструируются как особое место памяти, которое должно способствовать объединению всего «грузинского народа». В конечном итоге, общее участие в коллективном ритуале поминовения памяти «жертв и героев» призвано способствовать стабилизации обстановки в стране.

Уже в 1992 году формируются основные клише патриотического дискурса «9 апреля». В этом дискурсе можно найти немало привычных для слуха бывшего советского гражданина речевых клише. По сути дискурсивные ресурсы поминовения памяти «жертв и героев» черпаются в привычных советских текстах. «9 апреля» – это «наша боль», это день «светлой памяти», «преклонимся перед нашими достойными детьми», «безвременно ушедшими собратьями». Главное новшество – это попытка постепенно использовать еще и ресурсы религиозной лексики – «звонят колокола бессмертия», поминая погибших, «мы» «загоримся как свечи». В ритуалах становится обязательным участие Патриарха.

⁸⁴ «От государственного совета республики Грузия и правительства республики Грузия». Газета «Сакартвелос Республика» («Республика Грузия»), 8 апреля 1992, №56 (329), с. 1.

Здесь уже видны и попытки формирования традиции проведения этого дня. В 1992 году «свечи зажигали» в четвертый раз. Начинается дискуссия о формировании институциональной структуры, призванной «увековечить» эти события. Существует «Фонд увековечивания памяти погибших 9 апреля». Собираются средства на мемориал, музей. Проводится съезд участников событий, пострадавших от отравляющего газа и пр. Наконец, «9 апреля» окончательно приобретает статус общенационального: «Вся Грузия почтила память погибших 9 апреля. Была минута молчания, были слезы и цветы, был подъем свободного духа на свободной родине»⁸⁵.

В центре коммеморации политическая элита страны, возлагающая цветы к памятному мемориалу. Кроме того место памяти, как пространство поминовения «жертв и героев», остается центром политической жизни – все та же площадь перед домом правительства. И это обстоятельство, в свою очередь, позволяет поддерживать традицию памяти, как «живую связь» с героями того дня. В 1993 году подчеркиваются уже и связи грузинской элиты с «Западом», в церемонии принимает участие посол США в Грузии Кент Браун с супругой⁸⁶. Все последующие годы ритуал поминовения памяти «жертв и героев» «9 апреля» практически не изменялся, как не изменялся и дискурс памяти.

«Шесть весен прошло с того трагического дня... Шестью синими апрелями осветилась вся Грузия, но в сердце и памяти запечатлено 9 апреля 1989 года, кровь невинных людей, их последний выдох. 9 апреля для всех грузин день памяти. В этот день на площадь перед домом правительства, где и случилась эта страшная трагедия, приходят тбилисцы, гости столицы, зажигают свечи, почитают память погибших...

Так было и на этот раз. В воскресенье, 9 апреля к мемориалу погибших «9 апреля» возложили цветы председатель парламента Грузии – глава государства Эдуард Шеварднадзе, мэр города Нико Лекишвили, члены парламента республики, другие руководящие лица. У мемориала лежали венки от парламента и кабинета министров, от общества Мераба Костава. «Вечным патриотам свободной Грузии» – такая надпись была на венке от господина Эдуарда Шеварднадзе. Воистину погибшие за свободу бессмертны. Их память «страна зажжет свечами» от сего дня и навечно!»⁸⁷

Однако, постепенно становятся слышны и обвинения, направленные в сторону политических активистов – организаторов протеста, игравших затем заметную роль в национальном движении. Одновременно слышны и напутствия новым оппонентам политической власти. Первая ошибка, по мнению теперь уже президента Шеварднадзе, состоит в том, что правительство в апреле 1989 года не поддержало митингующих.

⁸⁵ «Сакартвелос Республика», 10 апреля 1992, №58 (331), с. 2.

⁸⁶ «День единения, день траура». «Сакартвелос Республика», 13 апреля 1993, №76 (620), с. 2.

⁸⁷ Габриадзе М., «Бессмертна память вечных патриотов свободной Грузии». «Сакартвелос Республика», 11 апреля 1995, №39 (1055), с. 1.

«Вторая главная ошибка связана с ответственностью политиков. Когда людей призываешь к определенным действиям, у тебя должна быть гарантия, что их безопасность будет обеспечена, – отметил Эдуард Шеварднадзе, – одно, когда ты возглавишь народ и будешь бороться вместе с ним, но совсем другое, когда приводишь тысячи людей и не знаешь, к чему приведет это. Это было вторая роковая ошибка 9 апреля»⁸⁸.

Напротив, антироссийская риторика в сопровождении ритуалов поминовения «жертв и героев», практически, не слышна. По крайней мере, в официальной риторике. Разве что только в самых общих клише, осуждающих советский режим. Бывший крупный советский чиновник, президент Грузии Шеварднадзе, в юбилейный 10-й год событий, например, утверждает, что:

«9 апреля – явление не только масштаба Грузии, у него без преувеличения был мировой отклик. 9 апреля показало всему человечеству, как под конец прогнил режим, построенный на крови и насилии, и как он пошел против своего народа»⁸⁹.

Меняется власть, но практически неизменным остается ритуал памяти. Это все те же «официальные лица» и Патриарх. Новая власть в лице президента Михаила Саакашвили все же намекает на необходимость довести до конца конструирование культа «жертв и героев» «9 апреля»:

«Позавчера президент Грузии Михаил Саакашвили возложил цветы у мемориала 9 апреля. Как отметил президент, в текущем году к 1 сентября на том месте, где советские войска 9 апреля 1989 года разогнали митингующих грузин, будет воздвигнут специальный мемориал, созданный грузинскими скульпторами»⁹⁰.

Впрочем, мемориал так и не был воздвигнут до сих пор. Напротив, лексика, осуждающая действия советских войск с одновременным проведением четких параллелей между СССР и Россией становится все более громкой. Прямые ассоциации с современными событиями становятся все более конкретными:

«Думаю, в истории 9 апреля – важный день. Этот день для Грузии – пока не перевернутая страница. 9 апреля 1989-го года – самая героическая и боеспособная часть нашего общества пожертвовала собой для освобождения Грузии. После того дня постоянно идет борьба за идеалы независимости. Грузия сегодня как никогда близка к свободе. Из Грузии начался вывод войск другой страны, который будет доведен до конца. Грузия сегодня как никогда близка к восстановлению территориального единства. Считаю, что 9 апреля для нас – день продолжения борьбы, и также очень важен тот факт, что это день декларации восстановления независимости Грузии. <...> Мы должны отложить в сторону всякое противостояние, люди разных позиций должны встать вместе, только после этого мы достигнем наших общих целей. <...> Несмотря на исторические попытки

⁸⁸ «9 апреля – суровый урок на будущее». «Сакартвелос Республика», 11 апреля 1997, №82 (2455), с. 1.

⁸⁹ «Сакартвелос Республика», 9 апреля 1999, №93 (3134), с. 1.

⁹⁰ «Цветы со слезами – героям». «Сакартвелос Республика», 11 апреля 2004, №83, с. 3.

нашего недоброжелателя придушить Грузию, использовать все меры против нашего народа, мы должны суметь уберечь наш народ и утвердить свободу и демократию в Грузии. К этой цели мы движемся быстро и уверенно. Я уверен, это движение никто не остановит. Это наш долг перед прошлым своего народа, героями 9 апреля и будущим нашей страны»⁹¹.

Таким образом мы видим, как «9 апреля» вновь трансформируется в «живую традицию» борьбы за независимость. С одной стороны, в этом новом варианте политического дискурса можно найти и прежние клише. По-прежнему «9 апреля» остается днем, когда политики, управляющие страной, считают своим долгом взывать к единству грузинской нации. Т.е. этот день, как место памяти, остается идеальным примером «национального единения». Однако, в данном случае традиция не завершена, а «жива». «Оживить» эту традицию беспрестанной борьбы за независимость родины помогает вновь появляющийся в политическом дискурсе образ врага. Этот «враг» даже никак не обозначается, ведь каждый грузин знает о каком «враге» идет речь. Советский Союз находит свое окончательное дискурсивное воплощение в России, а «9 апреля» становится только началом долгого пути, который пока еще не завершен.

Переходя здесь к анализу учебников, нужно сказать, что политический дискурс представляется, в определенном смысле, более изоощренным, чем текст учебника истории. И это неудивительно. Ведь текст учебника предполагает более ясный язык изложения. Поэтому в учебниках «образ соседа» в контексте «общенациональных» событий «9 апреля» становится гораздо более конкретным.

«9 апреля» как особое событие в процессе борьбы за суверенитет

Уже в 1991 году в Грузии был опубликован учебник, в котором предпринималась попытка создать новый исторический нарратив. Этот учебник активно использовался в средних школах, и сам автор статьи проходил обучение именно по этой версии «Истории Грузии». События «9 апреля» уже были включены в более широкий контекст борьбы развернувшейся на протяжении XX века с Российской/Советской империей за национальную независимость. Раздел, в котором рассказывалось о них, назывался «К национальному суверенитету», и с тех пор именно это обозначение (с несущественными модификациями) и было закреплено за данным периодом. Что соответствовало и общепринятой политической риторике. Глава начинается с обзора положения дел в Советском Союзе, политики, проводимой главой СССР Михаилом Горбачевым, размышлениями о безальтернативности развала и т. п.

Для историков, готовивших учебники, события, которые становятся прелюдией к «9-му апреля», начинают развиваться уже в 1988 году. Авторы говорят о том, что реформы носили

⁹¹ 9 апреля 2006 года. «Президент Грузии Михаил Саакашвили сделал заявление по поводу дня 9 апреля». Адрес в интернете: <http://www.president.gov.ge/print.aspx?t=1&i=2671>

искусственный характер, а в обществе царили разлад и недоверие к власти (История Грузии (книга для чтения, 1783-1990), с. 308-310). По мнению авторов учебника, в этот момент:

«Грузинская общественность, несмотря на ограничения свободомыслия, понемногу выходила из тумана. В авангарде борьбы за перестройку оказалась молодежь. Первое противостояние между обществом, думающим по-новому, и руководством старого порядка проявилось в обсуждениях экологических проблем» (История Грузии (книга для чтения, 1783-1990), с. 310).

По мнению авторов, национальное движение набирало силу, и во главе его оказались студенчество и (вполне в соответствии с советскими речевыми клише) «творческая интеллигенция». Постепенно это движение все более политизировалось:

«С 1988 года борьба грузинской молодежи против общественной и политической рутинности вышла за рамки экологической. В этой среде понемногу созревала идея о восстановлении национального суверенитета. На новом этапе руководство национально-освободительным движением взяли на себя Мераб Костава, Звиад Гамсахурдия, Тамар Чхеидзе, Гия Чантурия, Ираклий Церетели, Ираклий Шенгелия и другие. Увеличилось число неформальных объединений <...>. Важным событием было создание Общества Руставели. Был создан также Народный Фронт» (История Грузии (книга для чтения, 1783-1990), с. 310).

Таким образом, по мнению авторов учебника, уже в 1988 году началось движение за признание независимости Грузии. Движение это состояло из различных групп, по-разному представлявших себе пути достижения поставленной цели. Партийное руководство Грузии оказалось неспособным возглавить это движение. Между «обществом» и «партийной бюрократией» росла стена отчуждения, которая вылилась в несанкционированные демонстрации. В ответ советская власть в июле 1988 года запретила эти публичные и массовые проявления недовольства. «Правоохранительные органы» начинают применять силу для разгона демонстраций.

В ответ радикализируются и противники власти. Противостояние перерастает в борьбу не только с советской властью, представленной, в том числе, и местными бюрократами, но и в противостояние имперским амбициям России:

«В ситуации конфронтации между правительством и обществом политические процессы в республике стали почти неуправляемыми. Национально-освободительное движение на передний план выдвинуло вопросы незаконной аннексии 25 февраля 1921 года и геноцида 1921-1924 годов⁹², который устроил грузинскому народу советский режим. Лозунг об осуждении аннексии подразумевал целесообразность восстановления договора от 7 мая 1920 года между советской Россией и демократической Грузией» (История Грузии (книга для чтения, 1783-1990), с. 311).

⁹² Первая дата считается датой советизации (или как ныне принято говорить оккупации) Грузии. В этот день правительство, состоявшее, в основном, из меньшевиков покинуло Тбилиси, а большевики в него вошли. В дальнейшем последовали репрессии против представителей прежней власти и «классовых врагов». Эти события авторы учебников уже в 1991 году обозначали как геноцид (подробнее см.: Suny, 1994, p. 209-236).

В ноябре 1988 года протесты становятся уже по настоящему массовыми, и митинги собираются у Дома Правительства в центре Тбилиси. Противостояние с империей, которая инициирует абхазский и юго-осетинский конфликты, постепенно нарастает. Эти конфликты, по мнению авторов, созданы искусственно, с целью подавить «народно-освободительное движение».

«Этнические конфликты специально поддерживала третья сторона – (имперская) сила, которую не устраивало сепаратное настроение грузинской молодежи. Эта сила пыталась путем нагнетания напряженности в этнических отношениях обезвредить их. Тайная режиссура имперских реакционных сил по углублению этнического кризиса проходила по всей территории Закавказья – столкновение разных наций и этнических групп в Закавказье, что на новый лад повторяло издревле испытанную политику царизма» («Разделяй и властвуй») (История Грузии (книга для чтения, 1783-1990), с. 311-312).

Именно по указке этой «третьей стороны», т. е. России, которая не желает отказаться от своих имперских амбиций, абхазцы, в свою очередь, начинают требовать независимости от Грузинской ССР. Затем та же ситуация возникает среди осетин. Т. е. авторы учебника 1991 года в провоцировании этих двух внутригрузинских конфликтов винили «третью сторону», т. е. Россию. Таким образом, уже в первом, фактически, постсоветском учебнике, в лице России формируется негативный образ «другого». Подобные действия «соседа» приводят к тому, что:

«С 4 апреля 1989 года в Тбилиси начались несанкционированные митинги. Одна часть молодежи начала акцию голодовки перед Дворцом Правительства. Требования митингов-манифестаций и голодовок не выходили за рамки требования суверенитета республики. Движение ежедневно расширялось. На сторону молодежи встали представители интеллигенции – известные ученые, писатели, художники, режиссеры. Общественные акции носили мирный характер. Они не содержали никакой угрозы для официальных властей республики. Но непривычная массовость движения сильно устрасила партийное и советское руководство. 7 апреля секретариат Центрального комитета вынес решение, что митинг следует пресечь силовыми методами. Перед союзным руководством было возбуждено ходатайство по вопросу об использовании военной силы для «восстановления порядка» в столице (История Грузии (книга для чтения, 1783-1990), с. 313).

Таким образом мы узнаем, что местное партийное руководство инициировало процедуру, которая привела к трагическим событиям «9 апреля». Однако, роль этого местного руководства четко не акцентируется. Авторы, напротив, вновь отсылают к «третьей силе» – России. В самой республике ресурсов для подавления митингов не было. Поэтому помощь, в лице представителей силовых структур, ожидалась от «Центра». Уже 7 апреля войска прибыли в город. Решение принималось в «узком кругу», в котором из числа грузин упоминается только Первый секретарь Компартии Грузинской ССР Джумбер Патиашвили. Впрочем, авторы упоминают, что местный партактив также поддержал идею силового разгона митинга.

«Так была подготовлена кровавая акция, которая была проведена 9 апреля 1989 года в 4 часа утра на проспекте Руставели, перед Дворцом Правительства. На мирных участников

митинга – женщин, детей, стариков, молодежь – напала до зубов вооруженная армия и устроила резню с использованием лопаток и отравляющих веществ. Расправа над народом продолжалась и после разгона митинга на протяжении всего комендантского часа. В результате этой дикой акции 9 апреля погибли 20, были ранены и отравились газом тысячи и тысячи человек» (История Грузии (книга для чтения, 1783-1990), с. 313).

В этом описании можно найти немало эмоциональных клише. Однако, главное, на что следует обратить внимание, что авторы впервые отказываются от выделения некой особенной группы людей («протестующие, молодежь, интеллигенция») и говорят о расправе над «народом». При этом полного разрыва с «соседом» не происходит.

«Вандализм 9 апреля возмутил не только весь грузинский народ, но и передовую общественность России, которая в этой акции увидела непростительное преступление государства против человечности. <...> Этот протест был озвучен и в российской прессе» (История Грузии (книга для чтения, 1783-1990), с. 313).

И далее мы узнаем о попытке выйти за пределы имперских отношений «центр-периферия» и выйти за границы самого СССР. С этой целью был использован этнический ресурс (диаспорские сообщества грузин в Европе и США). Именно к этим странам сразу же после России обращаются взоры авторов:

«Трагедия 9 апреля была озвучена на международной арене. Информационные агентства всех стран передали своим народам информацию о кровавой акции, произошедшей в Тбилиси, и дали оценку незаконности ее характера. Несчастье соотечественников возмутило грузин за границей. Во Франции, Федеративной Республике Германии, Италии, Бельгии, США грузинские диаспорские общины выразили свое негодование в разных акциях протеста. События 9 апреля весь год находились в центре внимания не только грузинской общественности, но и общественности Советского Союза» (История Грузии (книга для чтения, 1783-1990), с. 313-314).

Никаких подробностей о том, кто представлял общественность СССР, авторы не приводят. Однако раздел завершается жестким осуждением конкретно России:

«События 9 апреля сняли маску с великодержавного, шовинистического и имперского мышления руководящего аппарата советской страны и ее вооруженных сил. Продемонстрировали непримиримость советского руководства в отношении национально-освободительного движения нерусских народов; его тайное восхищение «единой и неделимой Россией». Его стремление не допустить никаких системных изменений в урегулировании межнациональных отношений. 9 апреля имперское правительство провело в устрашение других нерусских наций, указало им, что такие же меры будут приняты в Прибалтике и в других не подчиняющихся национальных регионах. 9 апреля еще больше сплотил грузинский народ в его борьбе за национальный суверенитет. Святая кровь, пролитая у Дворца Правительства, способствовала мощному всплеску аккумулированной национальной энергии. 9 апреля стало новым этапом, новым поворотным моментом, с которого национально-освободительное движение получило непрерывный, планомерный, необратимый характер (История Грузии (книга для чтения, 1783-1990), с. 315).

Таким образом авторы завершают свой анализ выводами, выдержанными в советских клише анти-имперского дискурса. Здесь очень легко увидеть сходство с риторикой осуждения самими большевиками правителей Российской Империи. Важно также подчеркнуть, что, в конечном итоге, авторы приходят к осуждению России, как страны наследницы империи. А также, собственно, русских, как «великодержавной» и «шовинистической нации». Т. е. уже само наследие периода распада СССР, а также привычка ассоциировать Россию и русских с имперской идеей и государственностью, приводят к тому, что именно России отводится роль «соседа-врага». Именно эта роль неизменно сохранялась за Россией все последующие годы. При этом мы видим этот дискурс законченным. «9 апреля» дает толчок борьбе за независимость, достижение которой становится кульминацией этого процесса.

9 апреля как событие, имевшее переломное значение для национального движения

Традиция обозначения разделов в учебниках также не претерпевает существенных изменений. Теперь речь пойдет о «восстановлении государственной независимости Грузии». В другом учебнике, опубликованном в 2002 г. и утвержденным министерством образования для преподавания в школах, эти события вписаны, в то же время, и в более широкий контекст распада всего советского блока.

*«С начала 80-х годов XX века все более явно был заметен кризис в странах социалистического лагеря. Развал социалистического лагеря начался с Польши. В 1989-1992 годы коммунистическая диктатура пала в **Польше, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Германской Демократической Республике, Албании**. В этих странах после т. н. **бархатных революций**⁹³ пришел конец навязанным системам. Кровопролитие не удалось избежать только в Румынии. Важнейшим моментом было объединение двух Германских государств в 1990 году» (История Грузии (XIX-XX вв.), с. 167).*

Таким образом, события в Грузии встраиваются скорее в контекст тех, которые параллельно происходили в Европе, а не на пространстве Советского Союза. Именно события в Восточной Европе, по мысли авторов, сыграли решающую роль в падении СССР, переживавшем острый кризис. Ситуация в Грузии сравнивается, впрочем, и с той, которая сложилась в прибалтийских республиках и на Украине. Т. е. в «самых европейских» советских республиках. Т. е. мы видим, как все более утверждающиеся внешнеполитические приоритеты и ориентация на ЕС способствует выбору контекста, в который помещаются события «9 апреля». Начало национального движения переносится уже в 1987 год, когда, по мнению авторов, была создана

*«одна из первых политических организаций в Грузии – **Общество Ильи Чавчавадзе** <...>. Целью общества была борьба за независимость Грузии, демократию и капиталистическую экономику. В обществе Ильи Чавчавадзе собрались многие лидеры будущих политических партий» (История Грузии (XIX-XX вв.), с. 168).*

⁹³ Здесь и далее выделено как в тексте.

Цели движения из перспективы 2000-х годов представляются авторам, конечно, гораздо более четкими и понятными. В 1988 году движение перерастает в более массовое. В дальнейшем изложении рассказ авторов этого учебника мало отличается от предыдущего. Мы вновь узнаем об экологическом движении, начале митингов у Дома Правительства, актуализации конфликта в Абхазии. Однако, авторы вводят и указание на некоторые другие мотивы «центра». Мы узнаем, что «национальное движение Грузии представляло угрозу самому большому достижению советского движения – территориальному единству империи» (История Грузии (XIX-XX вв.), с. 168). В то же время, описание самих событий «9 апреля», уже в определенной степени отличается от их аналога 1991 года.

«9 апреля 1989 года, на рассвете в 4-ом часу карательные части со всех сторон окружили митингующих. Каратели были вооружены дубинками, заточенными лопатками, отравляющим газом. Несколько сотен солдат внезапно ворвались на площадь перед домом правительства и стали безжалостно рубить митингующих, голодающую молодежь, большинство из которых были ослабленные женщины и девушки. Жестокость нападающих превзошла ожидание. За несколько минут атакующие очистили площадь. На площади остались 19 убитых, среды них 16 женщин. Многие раненые спаслись бегством. Более 2000 человек отравились газом» (История Грузии (XIX-XX вв.), с. 168).

Отличие легко увидеть и в описании роли России. Никаких упоминаний о солидарности части российской общественности с жителями Тбилиси в учебнике уже нет. Напротив, «большую боль, вызванную трагедией 9 апреля, усиливали клеветнические выпады информационных служб Москвы (пресса, радио, телевидение) и рейды войск в Тбилиси» (История Грузии (XIX-XX вв.), с. 169).

Образ России и русских предстает уже как монолитный и единый стан «враждебных сил». Впервые упоминается и местное руководство, которое окончательно утратило доверие «грузинского народа». В свою очередь, «кровавая трагедия 9 апреля всему миру показала лицо советского империализма (История Грузии (XIX-XX вв.), с. 169). Это «лицо империализма» было, естественно, не только советским, но и российским. Поэтому неудивительно, что представители национального движения потребовали вывода из Грузии «оккупационных войск России», а не Советского Союза (История Грузии (XIX-XX вв.), с. 169).

Здесь интересно провести сравнение с учебником, изданным для ВУЗов практически в то же время. В этом учебнике развал СССР рассматривается уже в контексте ширящегося противостояния русского и нерусских «народов», населявших «советскую империю».

«С 80-х годов XX века, все более радикальными становились национальные движения, начавшиеся в отдельных союзных республиках. Эти движения носили явно антирусский характер. В 1986 году в Иркутске произошло столкновение между русской и якутской молодежью. В 1986 году в Алма-Ате антирусские выступления были подавлены войсками. В 1987 году серьезные антирусские выступления начались в балтийских странах» (История Грузии, XX век, с. 217).

В этом тексте Москва также поощряет сепаратизм отдельных этнических групп с тем, чтобы бороться с национальными движениями. Грузия и политическая элита страны репрезентируются как последовательно антироссийские:

«Грузия стала единственной страной из двенадцати, которая не вошла в состав содружества государств. Полное избавление от российского влияния стало официальной внешней политикой Звиада Гамсахурдия, и этот подход демонстрировал его политический максимализм и романтизм. Такой курс полностью был неприемлем для России, которая сразу же запустила против маленькой, непокорной страны разные механизмы борьбы» (История Грузии, XX век, с. 225).

По мнению авторов, абхазское и грузинское население были вполне способны разрешить возникшие проблемы в двухстороннем формате. Однако и здесь Россия предстает в образе «третьей силы», которая воспрепятствовала решению конфликта и, напротив, способствовала его развитию. Событиями в Абхазии и Южной Осетии напрямую управляла Москва. Все эти действия были конкретно направлены на то, чтобы не допустить независимость Грузии. События в Грузии вновь рассматриваются в связи с событиями «самых европейских» советских республик (прибалтийских). Признание в сентябре 1991 года Верховным Советом СССР их независимости и отказ в том же требовании Грузии репрезентируется как «тяжелый удар» по «национальному правительству».

Но, наконец, Грузия достигает независимости и получает возможность выстраивать свои отношения с соседними государствами. С некоторыми из них (с Турцией и Азербайджаном) налаживаются взаимовыгодные отношения:

«Практическим выражением успеха, достигнутого на международной арене, является запуск нефтепровода Баку-Супса (1999 г.), еще более важен нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан. Оба нефтепровода, кроме влияния экономического, способствуют также укреплению стабильности и безопасности в регионе» (История Грузии, XX век, с. 240).

Но в случае с Россией ни о каких совместных экономических проектах речи не идет. Ничего не рассказывается о тесной связи двух экономик (грузинской и российской). Напряженность сохраняется, и требуется вмешательство ЕС для того, чтобы добиться вывода российских войск с территории Грузии.

«9 апреля» – последняя версия

К 2009 году мы можем наблюдать уже фактически утвердившуюся традицию вписывать события «9 апреля» в широкий контекст распада советского блока и национального движения в Грузии. Ситуация в Грузии вновь рассматривается в контексте событий в Восточной Европе и прибалтийских республиках (История Грузии. 9 класс, с. 440). Авторы приводят больше документов, чем текстов. Но и из документов мы вновь узнаем о начале экологического движения и движения по спасению исторических памятников, пр. Однако, в этом учебнике проводятся параллели и с другими подобного рода событиями, случившимися в других республиках. Авторы упоминают, что 20 января 1990 года в Баку и

13 января 1991 года в Вильнюсе также были жестоко подавлены антисоветские «народные выступления». В результате событий в Баку погибли 107 человек, а в Вильнюсе – 14 протестующих. Эти три события выстраиваются уже в одну линию (История Грузии. 9 класс, с. 443-444). В учебнике довольно много антисоветской риторики, но авторы избегают прямых указаний на Россию, как преемницу советской империи.

Другая попытка комбинировать курс по истории Мира и Грузии естественно способствовала тому, что восточноевропейский контекст стал играть еще более важную роль в учебнике. В то же время, события «9 апреля» помещаются в контекст национальных движений, развернувшихся не только в Грузии, но и в трех прибалтийских республиках. Исключение, при этом, делается только для одного соседа – Азербайджана, который становится четвертой конкретно упоминаемой республикой (История Мира и Грузии. 12. Книга учащегося, с. 285). В тексте учебника практически нет никаких оценочных суждений, и подается только информация, причем из очень разных источников.

Например, приводятся воспоминания ефрейтора, участника разгона митинга, в которых он утверждает, что митингующих было не больше 300 человек, и никакого газа и лопаток у военнослужащих не было. Более того, митингующие спровоцировали военнослужащих своим агрессивным поведением. В то же время приводится и другое свидетельство участника митинга, в котором рассказывается о танках и жестоком разгоне митинга. Проводятся параллели с «разжиганием межнациональной розни» между Азербайджаном и Арменией. Кроме того, приводится открытое письмо представителей интеллигенции Ленинграда, в котором они жестко осуждают действия силовиков:

«Нам, русским, стыдно, что среди тех, кто поднял руку на беззащитных, безоружных людей, были и представители нашего племени. Они оскорбили честь российского оружия, изменили имени русского солдата. Мы всегда будем уважать грузинскую культуру, великодушие и щедрость его народа, благозвучие его языка» (История Мира и Грузии. 12. Книга учащегося, с. 285).

Таким образом, единственный сосед, которому по-прежнему уделяется преимущественное внимание, репрезентируется с очень разных позиций. Следует констатировать, что учебники последнего поколения в достаточной степени плюралистичны, в них отсутствуют излишне эмоциональные клише, задаваемые самими авторами, а также «образы врага». Мы видим, что формирование учебного нарратива можно рассматривать из перспективы длинного пути, в конце которого создаются уже учебники, в большей степени соответствующие современным требованиям, принятым в демократических странах.

При этом, парадоксальным образом, публичный политический дискурс, напротив, радикализируется. 9 апреля 2011 года президент Грузии Михаил Саакашвили принимал в своей резиденции студентов. В своей речи он отметил:

«20 лет тому назад верховный совет Грузии объявил, что независимость, которая после большевистской оккупации 1921 года была прервана, восстановилась. Этот день также был двухлетней годовщиной трагедии 9 апреля 1989 года, когда советская империя в новых обстоятельствах напомнила нам о своем разрушительном облике. К сожалению,

это было не первое напоминание и, конечно же, не последнее. В самый последний раз она о себе напомнила в августе 2008 года, хотя эти силы периодически снова и снова предпринимают попытки напомнить о своем существовании»⁹⁴.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что круг смыкается. Если первые учебники характеризовались довольно радикальным и последовательным формированием «образа врага» из соседней России (как наследницы двух империй), то в последних представлена уже очень сдержанная информация. Авторы избегают прямых параллелей и оценочных суждений. Напротив, политический дискурс, постепенно радикализируясь, становится все более прямолинейным и апеллирует к образу «исторического врага», в роли которого вновь фигурирует Россия.

При этом, наиболее важный вывод состоит в том, что соседство представляется актуальным только в отношениях с Россией. Дружеским отношениям с другими соседями не уделяется хоть сколько-нибудь серьезное внимание. По сути, эти соседи не играют важной роли в повествовании о новейшей истории Грузии. В ситуации нынешних внешнеполитических ориентиров гораздо важнее становятся страны ЕС и США. Именно в эту канву, в события, происходившие в этих странах (и особенно в процесс распада Советского Блока в Восточной Европе и выход прибалтийских республик из состава СССР) и помещают авторы повествование о событиях в Грузии, связанных с «9 апреля». Центральным же образом соседа остается Россия, которая последовательно репрезентируется как «недружественная» по отношению к Грузии.

При этом, как в политическом дискурсе, так и в дискурсе учебника истории событиям «9 апреля» отводится важная роль. С них начинается движение к независимому существованию. Традиция по-прежнему жива, ведь политический дискурс говорит нам, что путь, начатый «жертвами и героями» «9 апреля», будет завершён, когда Грузия сможет «восстановить территориальное единство». Пока этот вопрос вновь откладывается в туманное будущее, а значит и перспективы оставаться «живым местом памяти» для «9 апреля» остаются весьма высокими.

Библиография

Beissinger R., 2002. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*, Cambridge: Cambridge University Press.

Ben-Amos A., 2000. *Funerals, Politics, and Memory in Modern France 1789-1996*. Oxford, New York: Oxford University Press.

⁹⁴ 9 апреля 2011 года. Президент Грузии в президентском дворце принимал в гостях студентов. Адрес в интернете: http://www.kuwait.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=GEO&sec_id=595&info_id=10469

Huyssen A., 2003. *Present Past: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press.

Kotkin S., 2003. *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970-2000*. Oxford: Oxford University Press.

Reisner O., 1998. What Can and Should We Learn from Georgian History. *Internationale Schulbuchforschung*, 4, Vol. 20. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, pp. 409-424.

Rouvinski V., 2007. "History Speaks Our Language!" A Comparative Study of Historical Narratives in Soviet and Post-Soviet School Textbooks in the Caucasus. *Internationale Schulbuchforschung*, 3, Vol. 29. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, pp. 235-258.

Suny R.-G., 1994. *The Making of the Georgian Nation*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press.

Wheatley J., 2007. *Georgia from National Awakening to Rose Revolution*, Berlin: Ashgate.

Анчабадзе Г., Гамкрелидзе Г., Кикнадзе З., др., 2009. *История Грузии. 9 класс*. Тбилиси: Логос Пресс.

Ахметели Н., Мургулия Н., 2009. *История Мира и Грузии. 12. Книга учащегося*. Тбилиси: Диогене.

Брубейкер Р., 2000. Мифы и заблуждения в изучении национализма. *Ab Imperio*, № 1 / 2, Казань, с. 151-165, 247-273.

Вачнадзе М., Гурули В., 2002. *История Грузии (XIX-XX вв.)*, учебник для 11 класса, Тбилиси: «Артануджи».

Гегешидзе А., 2011. Политическая трансформация Грузии: зигзаг демократии. В: *Южный Кавказ – 20 лет независимости*. Тбилиси: Фонд им. Фридриха Эберта, с. 27-44.

Гурули В., Вачнадзе М., Швелидзе Д., др., 2003. *История Грузии, XX век, учебник для студентов факультета истории*. Тбилиси: Тбилисский Государственный Университет им. Иване Джавахишвили: издательство Тбилисского Университета «Артануджи».

Нора П., 1999. *Франция – Память*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского Университета.

Сургуладзе А., Сургуладзе П., 1991. *История Грузии (книга для чтения, 1783-1990)*, Тбилиси: Тбилисский Государственный Университет им. Ив. Джавахишвили, Ассоциация молодых историков Грузии, издательство общества Давида Агмашенебели.

Хаиндрава И., 2008. Грузия: между Южным Кавказом и Черным морем (а также между Москвой, Вашингтоном и Брюсселем). В: *Кавказское соседство: Турция и Южный Кавказ*. Ереван: Институт Кавказа, с. 54-70.

Хаиндрава И., 2011. Грузия – 2009: Год без названия. В: Искандарян А., ред., *Кавказ-2009. Ежегодник Института Кавказа*. Ереван: Институт Кавказа, с. 39-59.

Хобсбаум Э., 2004. *Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914-1991)*. Москва: Издательство Независимая Газета.

Шнирельман В., 2003. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. Москва: ИКЦ «Академкнига».

The “Single Nation, Two States” Idea: Turkey-Azerbaijan Relations in the Post-Soviet Period

Elif Kanca

Introduction

In the establishment of the Turkish Republic's national identity, “Turkishness”, along with Anatolia as the place where it was built and reproduced, plays an important role. History serves as one of the foundational elements of this identity, starting in Middle Asia and including the migrations, religious transformations, and the states that have been founded and fallen. It reaches the "perfect" state of Turkish civilization with Islam in today's Anatolia. Regarding Anatolia-based national identity ideology, various concepts have been developed in accordance with the policies in different periods to classify and define the societies of the Turkish Republic that speak Turkic languages and practice Islam.

For instance, the “Captive Turks”⁹⁵ concept has first been used by some Turkish politicians and academics to define the situation of Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan, Uzbekistan and Kirgizstan, which are among the former Soviet republics where Turkic languages are spoken. The "Soviet invasion" has been shown as the primary reason for the significant cultural, economic, and political distance between these states and Turkey, as well as the main excuse for any unjust event that the states in question may have experienced.

“Outside Turks” live outside the boundaries of the Turkish Republic. This conceptualization refers to a homogeneous Turkish identity that stems from the same roots, shares a common culture, and speaks the same language. As a result of such an understanding, it is suggested that Azerbaijanis, Uzbeks and Kazaks are all Turkish people, ignoring all differences regarding religion and language. Turkey is the centre of this perception of “Turkishness”, the model of the super-ordinate identity presented to other Turkic societies. For this reason, some Turkish politicians and academic argue that "Outside Turks" are in need of Turkey's protection, and only Turkey can provide a model for them.

“In fact, when we look at it briefly, no state other than that founded by the Turkish Turks could fulfill the responsibilities of being a state in its real meaning throughout the past or in the present. That is to say, we still see these political formations with a structure based on a spirit of tribalism. In order to change the current understanding and adapt to the modern world, considering agreements signed with politicians and bureaucrats coming from the Turkish world, they have been educated in subjects such as politics and state government and they are still being educated. They entered international institutions such as the UN and CSCE (Commission on Security and Cooperation in Europe) with the support of Turkey. In addition, many states were interested in the countries in this region after they declared independence. Accordingly, it

⁹⁵ Regarding the concept of "Captive Turks" see Ayan, 2011, Polat, 2008.

was quite normal for Turkey to have close contacts within the framework of its own laic and modern state structure" (Gömeç, 2007, p. 120).

Conceptions of "Captive Turks" and "Outside Turks", as expressions belonging to the policies of national identity, highlight the political, cultural and economic relations that Turkey has established with these states through "otherness" rather than "brotherhood". This study focuses on the "hierarchical" structure of the relationship between Turkey and its neighbor Azerbaijan. It is defined as "Single Nation, Two States" but has been subjected to "hidden otherization" under national identity ideology. The structure in question is examined during the post-Soviet period for two reasons. First, Azerbaijan is a nation state that gained its independence during that period, hence the intensity and equality of the political dimension of the relationship between two countries has increased. Second, the relationship between the two states has developed an economic dimension with the Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline.

This study looks at textbooks and supplementary textbooks approved by the Ministry of Education and used at different levels of the education system to compile clues regarding the potent identity questions assumed to exist in the relationship between Turkey and Azerbaijan. Textbooks serve as the main source for this study because the education system is the tool that strengthens the state's influence over its citizens. A nation state's establishment of its own identity is a process that directly builds citizens' consciousness, with the education system playing a central role. In order to understand the background needed for researching the textbooks in question, firstly it is necessary to consider the relationship between Turkey and Azerbaijan within the context of Turkish national identity.

The Issue of Common Origin and Language between Turkey and Azerbaijan

The criteria of "common origin" and "common language" maintain their central place in the definition of nation-state identity. Considering this, the researchers who study the origin of Turks have stated that they, as one of the oldest societies of the world, have established large states and formed great civilizations throughout history. According to the same historians, Russians are the first people responsible for "the forgotten Turkishness conscious" and the dividedness of "Turks" who currently live in different countries and who form separate Asian states:

"When looking at Turkish history, it should not be understood as the history of a society in a specific place, but as all of the histories of Turkish communities with different names and in various regions, but that carry the same 'national' culture with their religion, language, traditions, and customs. The Turkish nation, which has established many states and administrations throughout history, has been divided into parts with separate names because of Russian politics, which are beyond their control. Throughout various periods of the 19th century, Russians have applied a "divide and conquer" policy on the lands of Turkish countries where the Turkish Republics of today have been founded following the invasions. Moreover, they have applied all types of administrative, educational, and cultural pressure in order to estrange Turkish peoples from the idea that they are all part of a Turkish nation. As a result of such pressure, names such as "Uzbek", "Kazak", "Kirgiz", "Turkmen", "Azerbaijani" etc. have been used and these people have been called

by the names of their tribes, dynasties or regions. It has been grafted into their minds that they are different peoples and they do not have any relationship with 'Turkishness'" (Ulusoy, 2009, p. 359).

Considering "common origin" or "common social memory" as some of the most important criteria of ethnic identity, can it be said that Turks and Azerbaijanis represent a single and homogeneous group? Taking a historical perspective, the Azeri Safavid states and Turkish Ottoman Empire not only competed but also represented two separate ideologies, respectively espousing Shiite and Sunni Islam. The only common social memory of the communities, containing the people of the states in question, is that of the mutual war and massacres. For instance, the Ottoman sultan Yavuz Sultan Selim is not only the sultan who conquered the Shiite Şah Ismail in the Çaldıran War, but he is also considered as the first Sunni sultan to hold the caliphate title⁹⁶. In spite of this, Azerbaijanis and representatives of Shiites in Turkey remember Yavuz Sultan Selim as a butcher.⁹⁷

Another example of a historical dispute between Ottomans/Turks and Shiite Azerbaijanis emerged long after the Çaldıran War when members of the Committee of Union and Progress (İttihad ve Terakki Cemiyeti) tried to draw in the Azerbaijanis. This group represented Turkist ideology and managed to stay in command in the Ottoman Empire until the end of World War I as per their "Pan Turkism" ideology. However, the Azerbaijanis did not respond positively to this effort and took the side of their co-religionists in Iran instead, in spite of the dominant Farsi language and culture in the area (Atabaki, 2005, p. 33-42). On the contrary to the Turkists' claim and the resulting expectation of unity, this situation reveals that the identities of Azerbaijanis and Turks have been established upon different variants. Among these, religion plays a very

⁹⁶ As a matter of fact, the relationship between Ottomans and Safavids is expressed as it follows in the seventh grade history textbook: "Safavids in Iran sought the disintegration of Anatolia and the spread of Shiism. As a result of their activities, the Şahkulu Rebellion occurred in 1511. This rebellion was quelled only with many difficulties. The Safavid State continuously provoked the people in Anatolia during this period. The relationship between the Ottomans and Iran was disrupted by the Shiite activities in Anatolia conducted by Safavids. Yavuz Sultan Selim marched upon Iran, since he believed that Iran posed a threat. Yavuz Sultan Selim won the Çaldıran War against Şah Ismail in 1514." (See <http://trtarih.com/turk-tarihinde-yolculuk/7.-sinif-3.-unite-turk-tarihinde-yolculuk-konu-anlatimi-4.-bolum.html>).

⁹⁷ According to the information provided by Dedeyev (2009, p. 131), "Against the Safavid propaganda in the Ottoman State, Yavuz Sultan Selim had approximately forty thousand Şah Ismail supporters killed or imprisoned in the areas of Anatolia with high populations of Safavids. Also, cultural precautions were taken against Safavid expansionism, in particular by attempting to organize Sunni cults. Later, when actions against the Safavids had reached a dangerous level in the Ottoman State, Yavuz Sultan Selim cooperated with Helvetiyye, who came from the same origin as the Safavid Cult and was united in Zahidiyye. He also sought help from famous Ottoman ulema and took fatwas from Kemal Pasha-Zade, Ali B. Abdulkерim, Hasan B. Ömer, Müftü Hamza and Molla Arap regarding the massacre of Safavids. The fact these fatwas not only had religious but also political contents legitimized the actions taken against Safavids both in and out of the country. In addition, a rumor suggesting that Safavids are not "sayyid" was spread among the public. This provided a basis for the Shiite Iranian Safavid State to emerge against the Sunni Ottoman State."

important role. The fact that most of the Azerbaijanis are Shiites whereas Turks are Sunnis has caused significant distance between these two communities. For this reason, Azerbaijanis have preferred the Iranians, who belong to the same religious sect, instead of their "linguistic relatives", the Turks.

Finally, the discussions regarding whether the official language of Azerbaijan should be "Turkish" or "Azerbaijani" or whether the people of Azerbaijan should be called "Azerbaijani" or "Turk", remain after the Soviet Union's disintegration officially proved the fact that "Turkish" and "Azerbaijani" identities, which are "the others" for each other, cannot reconcile. Those who oppose the idea that Azerbaijanis are Turks and their language is Turkish have indicated that this situation will disturb other ethnic communities and disrupt their freedom:

"The intellectuals who promote the slogan 'my language is my existence' have claimed that the people on the "other side" are trying to make Azerbaijan a colony of Turkey. Among the people who defend this opinion, Afet Gurbanova's words, 'If our language becomes Turkish and our people become Turkish, what will we have left?' have strengthened those who defend the Azerbaijani identity. Intellectuals and politicians from other ethnic groups, particularly Lezgi, Talish, Russian and Kurdish people, have been among those who defend the Azerbaijani identity against Turkish identity and language. As a matter of fact, in response to the Turkists' slogan 'hey Turk, shake and return to yourself, you will be great when you return to yourself,' Lezgis say 'Lezgi you will be great when you return to yourself too'. These different perspectives have resulted in heated discussions. As a result of the continuous debate, an article stating 'Azerbaijan is the name of the state and the official language is Azerbaijani' has been included in the constitutional amendment, officially legalized with the referendum on November 17, 1995" (cited by Süleymanlı, 2006, p. 299-307).

Two states display different political and academic points of view regarding a common language. The following quote highlights the commonly accepted perspective on Azerbaijan among academics in Turkey: "Azerbaijani Turks, who speak Turkish with a dialect that is unique to them, are a developed society in terms of language, art and literature..." (Devrimci, et al., 1951, p. 84). While the Azerbaijani language is mentioned as a developed language on the one hand, the scholar hierarchically places it under the Turkish language by underlining that it is a Turkish dialect. So, the hegemonic understanding observed in Turkish politics also dominates in the academic approach to the Azerbaijani language. The reflection of the idea that Azerbaijani is a "Turkish dialect" on the daily life and popular culture is a way to use it as a source of humor. This view allows the language to be categorically lowered when contrasted with the "Istanbul dialect", accepted as "the basis of Turkish language", and in this reduction it may be associated with rural people. In turn, this connection opens the avenue for association with "the humor related to peasantry and womanhood" (Sanders, 2001).

The use of popular dialects as a subject of humor in Turkey is related to political traditions. According to this tradition, which associates the government with serious matters, making fun of a subject also decreases its influence. According to Belge (2008, p. 360), government leaders fear being the subject of humor in the ideology of Turkish national culture, as they are concerned that their influence will suffer if the people they govern laugh at them:

"If the public starts to laugh at the government, they may have begun to understand its deficiencies and not take the institution seriously. They may no longer fear the government, which is a serious institution/issue. Laughing at the government is not acceptable" (Belge, 2008, p. 361).

So, the Azerbaijani language, viewed as a "dialect" and turned into a source of humor, loses some of its significance as a fully recognized language. The hegemonic understanding in question here takes as its basis the Istanbul dialect, understood to be the true and real Turkish. The idea suggesting that Turkish societies should speak the Istanbul dialect of Turkish, and that this version of Turkish is natural, is clearly expressed:

"One of the initiatives to spread the common usage of Turkish among Turkish societies is Turkey's and Azerbaijan's joint effort to institute the 34-letter Turkish alphabet in 1993. Also, there have been some efforts to write a common history for the Turks. There have been some activities since the 1990s to teach this history and culture and to spread the usage of the Turkish language in many Turkish republics and autonomous regions by means of the "Turkology Project" that the Turkish International Cooperation and Development Agency (TIKA) has carried out. Maybe it will be useful for Turkey's Turkish to be a literary language" (Gömeç, 2007, p. 119-120).

For this reason, the national ideology of the Turkish Republic, which considers itself the leader of the communities defined as politically and culturally Turkic, views these groups as "brothers" in a "single nation", with Turkey as the "big brother" and "protector". According to the ideological point of view that places itself in the centre of these groups, Turkey is the most advanced nation in terms of civilization and culture. Turkey sees its role within this context as teaching its own "advanced" culture to these "Outside Turks" who barely survived from "captivity" and who have been "held back"; hence, Turkey must help them.

Turkey, the "Protector" and "Big Brother"

Although the "Single Nation, Two States" expression and accompanying emphasis on "brotherhood" implies the sharing of a homogenous culture, this expression is actually an implicit "otherization". Historically, the criteria of the "otherization" and classification in question finds its definition with "Outside Turkishness". This concept makes a reference to a "Turkishness" that does not fit into the format of national ideology and is separate from "us". The myth of sharing the same origin and the widely expressed term of "brotherhood" actually serves no significant purpose other than building a "me/us" concept in the center. Millas (2005, p. 426-427) expressed the "otherization" function of the "brotherhood" concept as follows:

"The nationalist paradigm does not repeatedly promote the expression of 'peace' and 'brotherhood'; both of these concepts can coexist without conflict. The nationalist paradigm provides a classification and assessment; it is not necessary for the people who are associated with this ideology to be absolutely aggressive and against peace and friendship. However, the lack of aggressive language and titles does not mean that the nationalist ideology has been overcome."

In terms of the "Turkishness" ideology, which places its own national identity at the centre, "Outside Turks" are viewed as passive societies. This group does not have its own will and need

Turkey's protection in every aspect. And Turkey deserves this protectionist role more than anyone:

"Since the Turkish Republic is the inheritor of the great Ottoman Empire and has had influence over Eurasia for many years, the country has a greater right to express its ideas and speak on behalf of the region than anyone else in the region. Also, during a period in which Turkey lost its strategic significance for institutions such as the European Union and NATO, its resulting exclusion has caused Turkey's relationship with the Turkish world to become extremely important" (Gömeç, 2007, p. 120).

Turkey's hegemonic attitude is a natural result of its approach as the "protector" for Turkic republics. For example, regarding Azerbaijan, Erdoğan (1996) states: "Turkey supports this sister country both in political and economic terms". This comment reveals Turkey's dominant point of view. Even if the expression "single nation" implies the idea of a unified entity, this phrase does not describe Turkish identity, either throughout history or today. When considering one of the recent crises between these two countries, it can clearly be seen that in fact, a deep and real separation exists between the two states.

Armenia as the Breaking Point of Turkey - Azerbaijan Relations

Although the discourse on relations between Azerbaijan and Turkey has shifted throughout history from one of conflict, between Ottomans/Turks and Azerbaijanis in the Safavid and Ottoman states, to an expression of "brotherhood"⁹⁸, their relationship actually remains quite fragile and inconsistent. Relations, which became more active upon the disintegration of the Soviet Union, have been inconsistent since Haydar Aliyev came to power in 2002. In spite of the policy "Zero Problems with Neighboring Countries" of the Adalet ve Kalkınma Party, which came to power in Turkey on November 3, 2002, the relationship with Azerbaijan has never reached the desired level. In 2009, a crisis occurred between the two countries regarding the humiliation of flags, as they each consider them "holy symbols". Armenia, which both Turkey and Azerbaijan have placed in the category of "enemy", has been blamed as the apparent cause of the crisis.

This crisis began with the convergence process between Turkey and Armenia that sought to normalize relations between these two countries within the framework of the "Zero Problems with Neighboring Countries" policy. Azerbaijan reacted negatively to this attempt of Turkish foreign policy. Baku has claimed that "the relationship between Ankara and Yerevan should not be normalized as long as the armed forces of Armenia remain in the invaded lands of Azerbaijan" and stated that this situation "does not fit the national interest of Azerbaijan". The Azerbaijani government's reactions intensified during this period. It was prohibited to wave an Azerbaijani flag during the football match on October 14, 2009 between the Turkish and Armenian national

⁹⁸ Although we ignore the desire for positive relations underlying this expression, it still does not seem possible to define these relationships as compliant.

teams and Turkish flags at the Turkish Martyr's Memorial in Baku, along with flag posts, were removed. This situation has caused tension between the two countries.⁹⁹

The Azerbaijani government has stated that the removal of the Turkish Republic flag in the Turkish Martyr's Memorial in Baku is related to the newly issued Flag Law. Turkey has not been indifferent to this situation and various leaders made statements demanding it be reversed, including the foreign minister at the time, Ahmet Davutoğlu. In response to increasing tensions between Turkey and Azerbaijan over the protocol signed with Armenia and the flag crisis, Davutoğlu stated during a visit to Baku that "we consider the invaded Azerbaijani lands as our own. If necessary, 72 million people of Anatolia are ready to die in Azerbaijan today. Keep this in mind". Davutoğlu has also viewed the actions regarding the Azerbaijani flag as a provocation (Gaytancıoğlu, 2010, p. 47-48).

In the meantime, Sayyad Salahlı, at the time Istanbul Consul General of Azerbaijan, the country that had received unexpectedly harsh reactions from Turkey, claimed that people who sought to disrupt the relationship between the two countries had instigated the flag crisis over the Turkish Martyrdom Monument. Salahlı stated that not only the Turkish but also the Azerbaijani flag had been removed from the monument for "repair" purposes. Turkish Centre for International Relations and Strategic Analysis (TÜRKSAM) Chairman Sinan Oğan also argued that referring to Turkey and Azerbaijan with the slogan "Single Nation, Two States" may have disturbed some countries. He also considered the throwing of Azerbaijani flags in a box labeled "WC for ladies and gentlemen" during the football match between the Turkish and Armenian national teams in Bursa as a provocation (Gaytancıoğlu, 2010, p. 48).

⁹⁹ The tension in question has been mentioned in the Turkish press as it follows: "Aliyev, who removed the flags and who silenced the Azan: The protocol signed between Turkey and Armenia has led the administrators governing Azerbaijan to commit unbelievable acts. The Azerbaijani government's reason has collapsed. It has removed the flags in Turkish Martyr's Memorial in Baku and closed two mosques that the Religious Affairs Foundation built and opened for service... We will not ignore the disrespect that these people have showed against Mehmetçik (Robins), who defended Baku against the Russians and who were martyred on these lands. Removing flags from the memorial is a situation related to a nation's honor. The people who govern Azerbaijan cannot be exempted from the concept of honor. Today, our flag with the star and crescent is waved even in the Martyr's Memorial in South Korea. Would they remove the flag at the memorial if we had trouble with South Korea? Never... We believe that even Koreans, who are Christians, would not do that. Azerbaijani leaders neither know the meaning of the flag with the crescent and the star that they removed, nor are they aware of its spirit. They silence the Azan by closing two mosques that the Religious Affairs Foundation had repaired. And then they defend the idea that we are a single nation. They do not know that the crescent on the flag represents Islam and the star represents Turks. What is strange here is they are not concerned with learning and embracing. It is clear that the Azan they silenced does not have any meaning for the Azerbaijani government." (http://www.medyatrabzon.com/author_article_print.php?id=2749)

The official spokesmen of Turkey and Azerbaijan have blamed provocateur parties regarding the latest developments in the crisis between the two countries, attempting to reflect relations as having normalized. However, the incidents have revealed that Turkey's and Azerbaijan's relationship is inconsistent in spite of the clichés of "single nation" and "brotherhood". In the case of a crisis, these countries can become aggressive to the extent that they insult each other's sacred national values.

Azerbaijan and Azerbaijanis in Turkish Textbooks

Considering the intensity of the "single nation" cliché in daily and political life in Azerbaijan, it does not occupy a significant place in Turkish textbooks. At different stages of Turkish primary and secondary education and in various subjects, including social science, history and geography, Azerbaijan, sui generis has not been considered a unique country. Instead, it is mentioned as part of the identity of the Turkish Republic and given a role which has been sharpened by the context of inducing factors that have been used in the creation of this "Turkish Republic" identity.

In history textbooks, Azerbaijan is not directly discussed. Indirectly and implicitly, Ottoman/Turkish and Safavid/Azerbaijani relations are mentioned within the context of the Safavid-Ottoman conflict, with negative references to the Safavids led by Şah Ismail. For example, according to the seventh grade history textbook, "Safavids in Iran were engaging in activities aimed at the disintegration of Anatolia and the spread of Shiism"¹⁰⁰. The Turkish World Handbook (*Türk Dünyası El Kitabı*) (Devlet, 1992, p. 73), used as a supplementary textbook, states that Azerbaijanis are religiously different people but those living in the Republic of Azerbaijan feel a stronger connection with Turkey:

"According to 1987 data, Azerbaijanis make up 90% of the republic. Azerbaijan differs from other Turkic societies in terms of its geography, strategic importance and population. Another element that differentiates Azerbaijanis from other Turkic societies is that most of its people are Shiite Muslims (70%), which brings them closer to Iran in terms of religion. However, we should note that national consciousness was stronger than religious consciousness in Soviet Azerbaijan. In that sense, they feel closer to Turkey."

The book, *Türk Dünyası Tarihi ve Türk Medeniyetleri Üzerine Düşünceler* (Köseoğlu, 1991, p. 753-754), which is also used as a supplementary textbook, provides brief information about the national history of Azerbaijan. Russians are viewed as invaders in accordance with the general approach in Turkey:

"At the beginning of the twentieth century, Azerbaijan had a vibrant economy and cultural life. Azerbaijani intellectuals led Turks in Russia on the issues of "Turkishness" and political independence. After the Russian rebellion, Azerbaijan was declared a Turkish Republic on May 28, 1918 under the leadership of Mehmet Emin Resülzade. Istanbul's government recognized the

¹⁰⁰ See <http://trtarih.com/turk-tarihinde-yolculuk/7.-sinif-3.-unite-turk-tarihinde-yolculuk-konu-anlatimi-4.-bolum.html>.

government immediately and supported it with the army led by Nuri Pasha. The Caucasian Islamic Army laid siege to Baku, which was under control of Local Soviets, and they entered the city on September 19, 1919. The national government worked to gain recognition from European countries; some allies recognized the Azerbaijani republic. However, the Bolshevik army's invasion of Azerbaijan on April 27, 1920 could not be prevented. As a result, the Azerbaijani Soviet Republic was formed."

Azerbaijan is considered in a relatively unbiased manner in the subject of geography and its sub-branch, countries' geography. These textbooks and the supplementary resources of the lesson in question include basic information regarding Azerbaijan's geographic location, economy, and demographic structure. For instance, Güngördü includes the following short section regarding Azerbaijan in his work *Devletler Coğrafyası* (2006, p. 43)¹⁰¹: "Today, the Azerbaijan Republic is a Turkish state that has been recognized by most of the countries in the world and is a member of international organizations such as CE and CSCE."

As part of the topic of modern Turkish literature outside Turkey, Azerbaijan is mentioned in the lessons on Turkish language and literature taught at the high school level in Turkey. The textbook "dEdebiyat-3" (Literature-3) prepared by Mahir Ünlü and Ömer Özcan (2001, p. 185), mentions the drama *Ölüler* (The Dead) by Celil Mehmet Kulizâde under the topic of "Azerbaijani Turkish Literature". The book also includes, a poem by Azerbaijani poet Vahapzade entitled "Başlangıç".

In addition to the information used to introduce Azerbaijan, the primary education, fourth grade social science textbook refers to the "friendship" and "brotherhood" between Turkey and Azerbaijan (Kolukisa, et al., 2005, p. 201-203). It also includes a map of the Azerbaijani Republic. The sixth grade social science textbook, with the same publisher, contains information regarding Kirgizstan, Azerbaijan, Uzbekistan, Turkmenistan and Kazakhstan under the heading "Turkish Republics". It also refers to "the common cultures of the Turkish World" and includes a map of the "Turkish World" (Kolukisa, et al., 2006 p. 98-103).

Conclusion

During the period after the disintegration of the Soviet Union, the relationship between Turkey and Azerbaijan, which became an independent state, has gained a new economic and political dimension. This situation has particularly intensified with the establishment of the Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline. Although the "Single Nation, Two States" formulation seems to indicate "equality" and "smoothness" for mutually positive relations, it actually shows itself to imply some other intentions when examined carefully.

The structural transformation and intensification in the relationship between these two countries after the end of the Soviet period shows itself directly in Turkish textbooks. Their depiction reflects the meaning attributed to Azerbaijan in Turkey's nation-state ideology. Although

¹⁰¹ For other geography textbooks with similar information, see Devrimci, et al., 1951.

primarily positive regarding Azerbaijan, negations and hostilities also feed the nation-state ideology; these favorable references thus do not sufficiently serve Turkish ideology.

Moreover, this affirmation, established with the expression of "brotherhood", actually serves a type of implicit "otherization". This view argues that Azerbaijan shares a common origin and language with Turkey. However, this commonality exists only until a certain period in the history. Turkish national identity, which originates from Anatolia, is a perfect civilization for today to the extent that it serves as a model for the whole "Turkish World". Turkey locates its national identity, which provides a criterion, at the center, and presents relations with Azerbaijanis beginning with Safavids and extending until the Soviet period, as a history of captivity and damnification. Language is treated similarly as the issue of history. Azerbaijani is reduced to a dialect of the Turkish language; moreover, it is degraded as a source of humor. These reductions serve to promote Turkish national identity's hierarchical superiority in comparison with Azerbaijani identity.

Textbooks provide clues regarding the potent identity questions that are assumed to exist in the relationship between Turkey and Azerbaijan. In contrast to the expression of "brotherhood" and "single nation" repeated within political and academic environments, textbooks have not portrayed Azerbaijan in the same light. The limited information provided regarding Azerbaijan does not describe it as an independent state, but places the society on a lowly rung within the hierarchal order based on a Turkish political and cultural establishment. The "brotherhood" emphasis that we see in the discursive level of the establishment in question actually functions to cover the hegemony and "otherization" process, which the ideology of the Turkish nation state promotes.

Bibliography

Atabaki T., 2005. Kendini Yeniden Kurmak, Ötekini Reddetmek: Pantürkizm ve İran Milliyetçiliği. In: *Türkiye'de Etnik Çatışma*, Der. Erik Jan Zürcher, İstanbul: İletişim Yayınları.

Ayan E., 2011. Kafkasya ve Türkistan'da Ulus-Devletler Sistematiğinin Oluşma Süreci. *ODU Sosyal Bilimler Araştırma Dergisi*, Cilt: 2, Sayı 3, pp. 7-33.

Belge M., 2008. *Genesis: Büyük Ulusal anlatı ve Türklerin Kökeni*. İstanbul: İletişim Yayınları.

Dedeyev B., 2009. A Brief Review of the Relations Between Otoman and Safavi Before the Chaldiran War. *The Journal of International Social Research*, Volume 2/6 Winter, pp. 126-135.

Devlet N., 1992. Türk Dünyasının Demografik ve Ekonomik Yapısına Toplu Bir Bakış. *Türk Dünyası El Kitabı I. Cilt Coğrafya-Tarih*, Ankara: Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü Yayınları: 121 Seri: I Sayı A-23.

Devrimci A., ve diğ., 1951. *Ülkeler Coğrafyası Lise II* İstanbul: Ders Kitapları

Erdoğan Y., 1996. *Ülkeler Coğrafyası*. İstanbul: Bem Koza Yayınları.

Gaytancıođlu K., 2010. Son Donem Turkiye-Azerbaycan İliřkileri erevesinde Yařanan Bayrak Krizinin Deđerlendirilmesi. *Sosyal ve Beřeri Bilimler Dergisi*, Cilt 2, Sayı 1, pp. 43-50.

Gome S., 2007. Turkiye-Turk Cumhuriyeti İliřkileri zerine Bir Deđerlendirme. *Uluslararası Sosyal Arařtırmalar Dergisi*, Vol. 1/1, pp. 114-131.

Gungordu E., 2006. *Devletler Cođrafyası*. Ankara: Asil Yayın Dađıtım.

Kolukısa E. A., vd., 2005. *Sosyal Bilgiler Ders Kitabı 4*. Ankara: A Yayınları.

Kolukısa E. A., vd., 2006. *Sosyal Bilgiler Ders Kitabı 6*. Ankara: A Yayınları.

Koseođlu N., 1991. *Turk Dunyası Tarihi ve Turk Medeniyetleri zerine Duřunceler*. İstanbul: tuken Yayınevi.

Millas H., 2005. *Turk ve Yunan Romanlarında "teki" ve Kimlik*. İstanbul: İletişim Yayınevi.

Polat H., 2008. *1950'den Gunumuze Lise Turk Dili ve Edebiyatı Mufredatlarında Turk Dunyası Edebiyatına Verilen Yerin İncelenmesi*. Erzurum: A. . Sos. Bil. Ens. Yayınlanmamıř Yuksek Lisans Tezi.

Sanders B., 2001. *Kahkahanın Zaferi Yıkıcı Tarih Olarak Gulme. eviren Kemal Atakay*. İstanbul: Ayrıntı Yayınları.

Suleymanlı E., 2006. *Milletleřme Surecinde Azerbaycan Turkleri*. İstanbul: tuken Yayınları.

Ulusoy K., 2009. The Attitude and the Opinion of the 7th Class Students of Primary School about Turkish World and Turkish Republics. *Turkiyat Arařtırmaları Dergisi*, Sayı 26, pp. 357-377.

nlu M., zcan ., 2001. *Edebiyat-3*. İstanbul: İnkılp Yayınevi.

7. Sınıf 3. nite Turk Tarihinde Yolculuk 4. Bolum. Available at: <http://trtarih.com/turk-tarihinde-yolculuk/7.-sinif-3.-unite-turk-tarihinde-yolculuk-konu-anlatimi-4.-bolum.html> [Accessed 15 July 2011]

Bayrak indiren, Ezan susturan Aliyev. Available at:

http://www.medyatrabzon.com/author_article_print.php?id=2749 [Accessed 20 July 2011]

List of Contributors

Editor:

Dr. Sergey Rumyansev, Sociologist, HBF Scholar of 2004, Research Fellow at the institute of Philosophy, Sociology and Law at the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Head of the Independent Research Group “Novator” (Baku), Postdoctoral Research Fellow at the Alexander von Humboldt Foundation, Institute for European Ethnology, Humboldt University, Berlin, sergnovator@yandex.ru.

Turkey

Dr. Çakır Ceyhan Suvvari, Department of Anthropology, University of Yüzüncü Yıl, Van, ceyhansuvvari@hotmail.com.

Dr. Elif Kanca, Department of Anthropology, University of Mustafa Kemal, Hatay, elifkanca@gmail.com.

Georgia

Dr. Nino Chikovani, Professor, Institute of Cultural Studies, Faculty of Humanities, Iv. Javakhishvili Tbilisi State University, nn_chikovani@yahoo.com

Dr. Ruslan Baramidze, Ethnologist, HBF Scholar of 2004, Academic Doctor in History, Scientific Researching Institute of Niko Berdzenishvili (Batumi), Senior Researcher, r_baramidze@yahoo.com.

Armenia

Dr. Mikayel Zolyan, HBF Scholar of 2004, Historian, Independent Analyst, mikayelzolyan@gmail.com.

Satenik Mkrtchyan, HBF Scholar of 2009, Research fellow at the Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences, Armenia since 2003. PhD student in Anthropology at the Faculty of Humanities, Iv. Javakhishvili Tbilisi State University, satenikm@yahoo.com.

Azerbaijan

Dr. İlham Abbasov, HBF Scholar of 2005, Historian and Sociologist, Research Fellow at the Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Azerbaijan and Independent Research Group “Novator” (Baku), ilgamnovator@yandex.ru.

Sevil Huseynova, HBF Scholar of 2005, Sociologist, PhD Student in Sociology at the Institute for European Ethnology (DAAD), Humboldt University, Berlin, Research Fellow of the Independent Research Group “Novator” (Baku), sevilnovator@yandex.ru.

Авторы:

Редактор и составитель:

Сергей Румянцев, стипендиат Фонда им. Генриха Бёлля 2004 г., Кандидат социологических наук, научный сотрудник исследовательского института Философии, социологии и права Национальной Академии наук Азербайджана; руководитель Независимой исследовательской группы «Novator» (Баку); научный сотрудник пост-докторской программы Фонда Александра фон Гумбольдта, Институт Европейской Этнологии, университет им. Гумбольдта, Берлин, sergnovator@yandex.ru.

Турция

Шакир Джейхан Сувари, Доктор Антропологии, Департамент Антропологии Университета Юзунчу Йил, Ван, seyhansuvari@hotmail.com.

Элиф Канча, Доктор Антропологии, Департамент Антропологии Университета Мустафы Кемалы, Хатай, elifkanca@gmail.com.

Грузия

Нино Чиковани, Профессор Института Культурных Исследований, Гуманитарный Факультет Тбилисского Государственного Университета имени Иванэ Джавахишвили, nn_chikovani@yahoo.com.

Руслан Барамидзе, стипендиат Фонда им. Генриха Бёлля 2004 г., этнолог, доктор исторических наук, старший научный сотрудник исследовательского Института им. Нико Бердзенишвили, r_baramidze@yahoo.com.

Армения

Микаэль Золян, стипендиат Фонда им. Генриха Бёлля 2004 г., Доктор исторических наук, независимый эксперт, mikayelzolyan@gmail.com.

Сатеник Мкртычян, стипендиат Фонда им. Генриха Бёлля 2009 г., Научный сотрудник института Археологии и Этнографии Национальной Академии наук Армении; Аспирантка по специальности Антропология Гуманитарного факультета Тбилисского Государственного университета им. Ив. Джавахишвили, satenikm@yahoo.com.

Азербайджан

Ильхам Аббасов, стипендиат Фонда им. Генриха Бёлля 2005 г., Историк, социолог, Доктор философских наук, научный сотрудник исследовательского института Философии, социологии и права Национальной Академии наук Азербайджана; научный сотрудник независимой исследовательской группы «Novator», ilgamnovator@yandex.ru.

Севиль Гусейнова, стипендиат Фонда им. Генриха Бёлля 2005 г., Социолог, Аспирантка института Европейской Этнологии, Университет имени Гумбольдта, Берлин; научный сотрудник независимой исследовательской группы «Novator» (Баку), sevilnovator@yandex.ru.

The Heinrich Böll Foundation, affiliated with the Green Party of Germany, is a legally independent political foundation. The regional office for the South Caucasus was opened in 2003. Its main objective is to contribute to the forming of free, fair and tolerant societies in the region. Therefore it supports and facilitates cooperation of individuals and organizations throughout the region who, based on the principle values of human rights, search for the change of undemocratic and intolerant attitudes in societies and politics, for the transformation of ethno-political and territorial conflicts into the direction of fair and non-violent solutions and for the sustainable development of people and communities. The Foundation encourages critical public debate to make processes of decision-making democratic and transparent.